

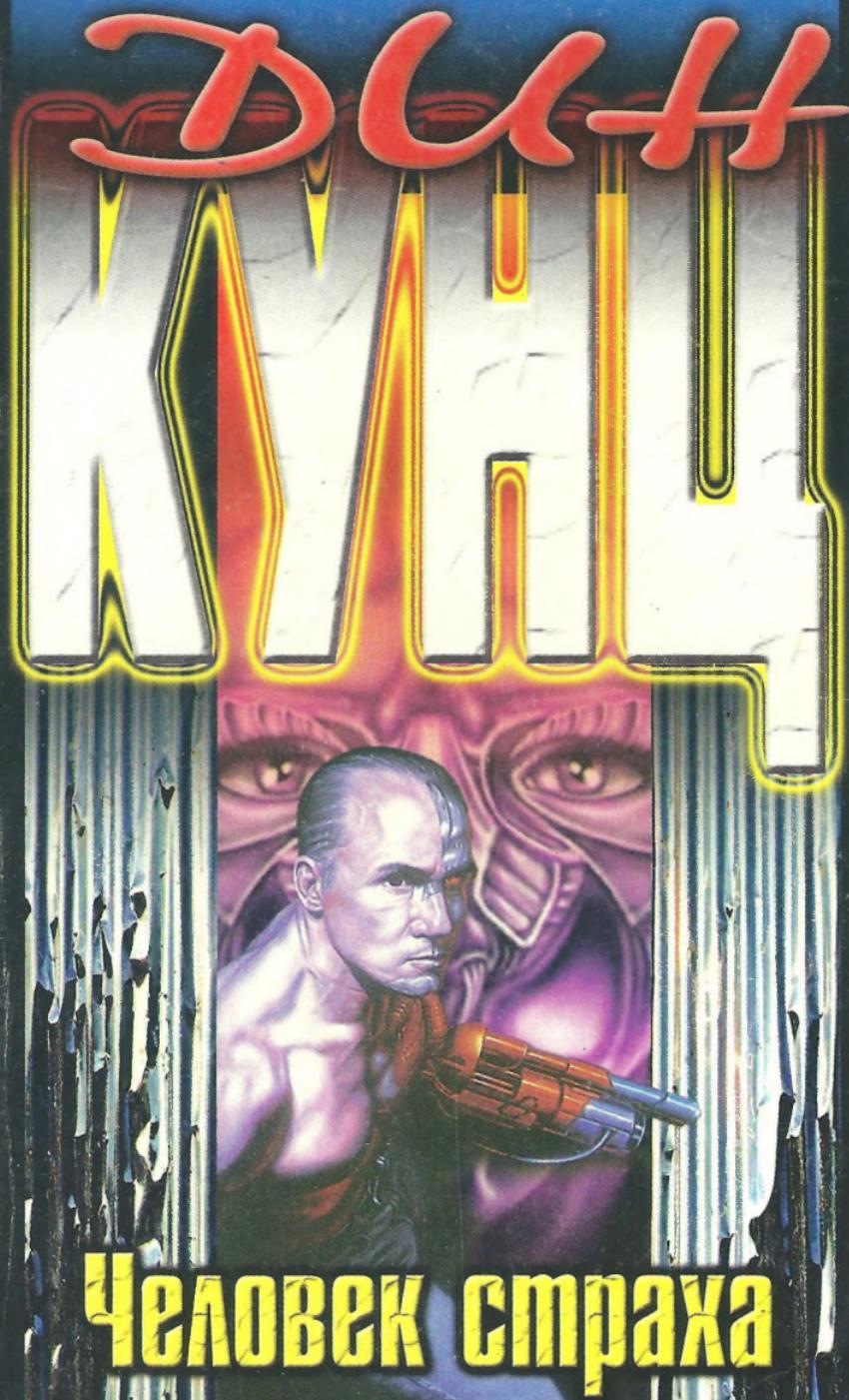
Дух страха

Дух кунца

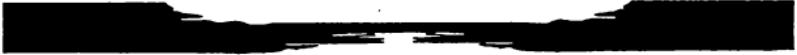
Дух страха

ECP

DEAN R.
KOONTZ

Fear That Man

A Novel

ДЕНЬ

КУНЦ

Человек страха

Роман

Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ
2003

УДК 820(73)-31
ББК 84(7Сое)
К91

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Перевод на русский язык
© ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2003

Художественное оформление
© ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2003

ISBN 5-227-01419-1

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Часть первая

ЦЕЛЬ

И пребудешь ты в поисках нового порядка ве-щей...

Глава 1

Когда он пробудился ото сна, с трех сторон не было ничего, кроме бесконечной черноты; черноты такой густой, что она, казалось, вот-вот задышит и начнет двигаться. И, пробудившись, он не знал, кто он такой.

Его глаз упал на приборную доску с шестнадцатью светящимися шкалами и циферблатами, десятком переключателей и полусотней различных кнопок, — похоже, он находится на космическом корабле. Это, по крайней мере, объясняло, почему за иллюминаторами царила непроглядная тьма.

А туманное отражение в пластиковом зеркале свидетельствовало о том, что он человек, так как у него были глаза человека (голубые) и лицо человека (суровое, но, если не приди-ваться, красивое). Но это все слишком общие

характеристики. Когда он попытался сосредоточиться на деталях, ответов не находилось.

Кто он такой?

Стрелки на шкалах лишь дрогнули в ответ.

Что с ним было раньше?

Только мигающие цифры на приборах.

Куда он направляется?

Он сидел не двигаясь, перебирая в памяти все, что знал. Шел 3456 год. Ему были известны названия городов; он разбирался в устройстве и политике Империи; он без запинки мог рассказать всю историю галактики. Одни только общие моменты.

Кто он такой? Что происходило с ним раньше? И куда он направляется?

Он отстегнулся и, оттолкнувшись от повторявшего очертания его тела кресла, встал и отвернулся от иллюминатора, осматриваясь по сторонам.

Он находился в рубке управления. Это было похожее на склеп помещение с однородными панелями, приборами и пультами обслуживания одинакового свинцового оттенка. Оживление вносило только мерцание приборной доски.

Покружиив по рубке, он не обнаружил никаких записей лага. Пульт обслуживания был пуст. Он просмотрел графики — на них лишь

бури и столкновения. Он уже засомневался: а должен ли вообще быть лаг?

В конце концов, если он не может припомнить собственного имени, то почему же он, черт возьми, так уверен в таких незначительных мелочах?

Дзинь-дзинь-дзинь!

Сигнал тревоги! Он резко обернулся, его сердце бешено заколотилось. Темноту прорезали волны желтого света, размазываясь по темным стенам. Он проглотил подступивший к горлу комок и вернулся к своему креслу. Он, по-видимому, знал, как управлять кораблем, так как его пальцы скользили по кнопкам и циферблатам, дотрагивались до шкал и переключателей, а мозг автоматически считывал с них и обрабатывал информацию.

— Докладывай! — приказал он кораблю.

Последовало минутное молчание, затем на дисплее высветилась надпись.

ПРИБЛИЖАЕТСЯ ОБЪЕКТ. СКОРОСТЬ НЕЗНАЧИТЕЛЬНАЯ. ИСКУССТВЕННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ.

— Размер?

Корабль заворчал, словно проявляя недовольство. Он знал, однако, что задержка означает лишь поиск нужной для ответа пленки.

ТРИ ФУТА НА ДВА ФУТА НА ПЯТЬ ФУТОВ.

— Время до контакта?

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ МИНУТ.

— Сообщи мне, когда будет пора.

Он выключил связь с компьютером и прошел в глубь кабины. Чем сидеть и ждать приближения объекта, он лучше использует это время, чтобы осмотреть весь корабль. Возможно, это поможет ему понять, кто он такой. Он потянул за ручку находившегося в стене круглого люка. Перед ним открылся узкий коридор с низким потолком. В конце его, вспомнил он, находится камера безопасности перед входом в машинный отсек.

По сторонам коридора расположены два помещения, в которые он может входить, не рискуя заживо сгореть от высокого радиационного излучения.

Справа находилась полностью освещенная лаборатория. Вдоль стен, поблескивая стальными корпусами, выстроился ряд жужжавших и гудевших на разные голоса машин. В самом центре отсека стоял покрытый флексопластом стол. Он дотронулся до его поверхности и почувствовал, как его рука погрузилась в упругий материал, плотно обхвативший его ладонь. Это был операционный стол. Над ним с потолка, словно жирные щупальца пауков, свешивались цилиндрические руки роботов-хирургов с серебряными пальцами. Он по-

ежился. С третьей попытки оторвал руку от стола и вышел из лаборатории. Он не очень-то доверял механизмам, наделенным способностью мыслить, вроде роботов-хирургов, механизмам, столь похожим на людей, но лишенным человеческих слабостей и недостатков.

По другую сторону коридора он обнаружил оружейный склад. Пол был заставлен ящиками со строительной взрывчаткой, которой хватило бы, чтобы сровнять с землей целый город. На стенах — стеллажи с огнестрельным оружием. Он смутно осознал, что огнестрельное оружие больше нигде в мире не используется. И вообще люди не убивают никого, кроме животных в компьютерных играх. Ружья и пистолеты хранятся только в музеях да частных коллекциях любителей старины. Но это оружие не похоже на коллекционное — слишком уж оно новое. И в глубине души он знал, что владеет им в совершенстве и в его руках оно может сделаться смертоносным. У дальней стены рядом с грузовым шлюзом стоял бульдозер. Стоило опустить непроницаемый щит, и он тоже превращался в грозное оружие.

Его что-то беспокоило, что-то еще, помимо присутствия оружия. Затем, оглядев бульдозер, он понял, в чем дело. Нигде не был указан изготовитель! На бульдозере он не ви-

дел ни названия фирмы, ни модели, ни номера. Та же самая история и с винтовками, ножами, взрывчаткой. Оружие было изготовлено так, чтобы производитель оставался анонимным. Но кто же его изготовил? И с какой целью?

Дзинь-дзинь-дзинь!

Сначала, погруженный в раздумья, он не обратил внимания на сигнал тревоги. Но корабль звонил все настойчивее. Он отложил винтовку, которую держал в руках, и пошел назад в рубку управления.

ПРИБЛИЖАЕТСЯ НЕОПОЗНАННЫЙ ОБЪЕКТ. ОПОЗНАНИЕ — ЧЕРЕЗ ТРИДЦАТЬ СЕКУНД.

Слова выходили из компьютерного радиолокатора со звуком, напоминавшим скрежет наждачной бумаги.

ОПОЗНАЮ. ЭТО ЧЕЛОВЕК.

— Человек? В открытом космосе — без корабля?

Я СЛЫШУ СТУК СЕРДЦА.

Глава 2

Похожее на бесформенный плод, тело в красном скафандре медленно выплыло из черноты.

БЕЗ СОЗНАНИЯ.

Он подвел корабль как можно ближе, чтобы разглядеть фигуру в красном. Что делает здесь человек — один, вдали от кораблей, в скафандре, в котором ему больше двенадцати часов не продержаться?

— Я собираюсь принять его на борт, — сказал он кораблю.

ПО-ТВОЕМУ, СЛЕДУЕТ ЭТО СДЕЛАТЬ?

— Он же там умрет!

Корабль молчал.

Через минуту на экране появился цилиндрический корпус Мусорщика. Еще один почти живой механизм. Единственный глаз Мусорщика сконцентрировался на теле человека в скафандре. На подвесном экране появилось его изображение крупным планом. Увидев выхваченное объективом лицо, он уже не был столь уверен, что это человек.

У него было лицо с двумя глазами, но без бровей. А там, где должны быть брови, — два костяных выступа, твердых, темных, блестящих. Грива каштановых волос с белыми прожилками. Широкий рот с пухлыми губами, но губы неестественно яркие, приподнимались с краев, обнажая острые, белые, похожие на клыки зубы. И все же от человека в нем больше, чем от зверя. На лице застыла душевная мука, а это очень по-человечески.

Он дал Мусорщику указание начать подъем на борт.

Когда машина, выполнив задание, вернулась на место у корпуса корабля, он открыл люк в полу, втащил тело и осторожно освободил его от скафандра. На шлеме было по трафарету написано имя: ХУРКОС...

...Он в большом соборе. На свечах в серебряных подсвечниках трепещут красные языки пламени.

Белина мертва. Никто уже больше не умирает, но Белина мертва. Редкий случай. Ее разорвало находившееся у нее во чреве чудовище. Доктора ничего не смогли поделать. Когда нельзя возложить вину на других людей, остается обвинять единственную сущность: Бога. Трудно было найти храм, ибо верующих в эти времена осталось мало. Но один все-таки нашелся. Там, как положено, была святая вода, окропленный жертвенной кровью алтарь и горстка древних христиан — древних, потому что они отказались от искусственного бессмертия, предложенного Комбинатом Вечности: они старели.

В большом соборе...

В большом соборе он перебирается через ограду алтаря и вцепляется в огромное распятие.

Он стоит на коленях и, поскользнувшись, трижды падает на пол, на его покрытых густой шерстью руках выступают синяки. Затем, зацепившись пальцами за деревянные складки набедренной повязки, он, рыдая, подтягивается... орет что-то в ухо... Но ухо деревянное. Оно лишь отражает его проклятие.

Внизу мерцают свечи.

Он начинает раскачиваться, пытаясь своим весом опрокинуть Бога. Сначала это ему не удается. Он плотнее обхватывает голову истукана ладонями. Голова, с треском оторвавшись от плеч, летит вниз...

Потом он опрокидывает и тело.

Он падает вместе с распятием.

Звучит сирена, появляются санитары.

Последнее, что ему запомнилось, — это старик христианин, который, подняв и соединив две разбившиеся половинки божественного лица, что-то бормотал себе под нос...

Он отпрянул от Хуркоса и затряс головой, пытаясь освободиться от наваждения. Это же сон незнакомца — как он мог присниться ему?

Хуркос открыл глаза. Блестящие угольки, черные жемчужины, таящие множество секретов. Его рот сильно пересох, и, когда он

попытался заговорить, на растрескавшихся губах выступила кровь. Тот, который не помнил своего имени, принес воды. Наконец Хуркос произнес:

— Значит, не получилось.

Голос у него был глубокий, привыкший командовать.

— Что — не получилось? Что это ты вздымал прогуливаться в открытом космосе?

Хуркос улыбнулся.

— Пытался покончить с жизнью.

— Самоубийство?

— Да, так это называется. — Он отхлебнул еще воды.

— Потому что умерла Белина?

— Откуда ты?.. — начал было Хуркос грозным голосом, но тут же осекся: — Видимо, я тебе сказал.

— Нет. Каким-то образом я смог проникнуть в твои видения. Может, ты мне объяснишь, что это значит?

Хуркос на мгновение пришел в замешательство.

— Я телепат. Иногда могу внушать, иногда — реже — читаю мысли. Очень ненадежный дар. Внушение мне удается, только если я сплю или в момент стресса.

— Но почему же ты оказался там без корабля?

— После того как меня выпустили из больницы — после смерти Белины и происшествия с распятием, — я нанялся грузчиком на «Космический вихрь». Когда мы довольно далеко отошли от космических трасс, я спустился в трюм, отключил в герметической камере сигнализацию и покинул корабль. Меня не хватается, пока не придет время платить жалованье.

— Но зачем ты надел скафандр? Без скафандра было бы быстрее.

Хуркос печально улыбнулся.

— Наверное, я на что-то все же надеялся. Как показывает практика, мы от всего можем оправиться. — По его виду трудно было сказать, чтобы он оправился. — Но зато мой дар больше не действует. Я не могу прочесть в твоем сознании имени.

Тот, который не знал, кто он такой, немного помедлил, прежде чем ответить.

— Ты не можешь прочесть имени... потому что у меня его нет. — Он вкратце рассказал о том, как проснулся, ничего не помня, и о том, что увидел на корабле.

Хуркос оживился. Появилась некая загадка, решая которую он мог утопить свое горе и развеять уныние.

— Нам нужно хорошенъко обыскать эту посудину. Но сначала тебе нужно дать имя.

— Какое?

— Как тебе нравится — Сэм? Так звали моего друга.

— Мне нравится. А кто был этот друг?

— Пес, которого я купил в Каллилео.

— Спасибо!

— Он был породистым.

Со вступительной частью было покончено, и Сэм не мог больше сдерживать своего любопытства.

— Теперь у нас обоих есть имена. Мы знаем, что я человек. А кто же ты такой?

Хуркос явно был ошарашен этим вопросом.

— Ты не знаешь, кто такие муэ?

— Нет. Возможно, я слишком заспался. Наверное, я заснул до того, как появились муэ.

— Тогда ты заснул тысячу лет назад — ну и крепко же ты спал!

Глава 3

Хуркос, прошагав по узкому коридору, вошел в головной отсек.

— Ровным счетом ничего! — недоумевающе произнес он.

За шесть часов поисков они успели перевернуть все вверх дном и заглянуть во все

углы. Никаких зацепок. Правда, за это время Сэм заполнил некоторые пробелы в своем образовании: Хуркос поведал ему историю муэ. Это началось более тысячи лет назад, когда человек решил произвести на свет других людей с помощью контейнеров на полигидропонической основе — искусственных утроб, которые из донорской спермы и яйцеклеток формировали младенцев. Но после многочисленных попыток ничего стоящего не получилось. Эксперимент ставил целью появление людей с особыми психическими способностями, которых можно было бы использовать как военное оружие. Иногда казалось, что цель очень близка, но истинного успеха достичь так и не удалось. Когда наконец ученые поставили крест на этом проекте, на руках у них оказалось пять сотен детей-мутантов. Но к тому времени люди наконец сложили оружие и протянули друг другу руку дружбы. Большинство из них видели в искусственных утробах отвратительное детище гонки вооружений, а на детей муэ взирали с жалостью и стыдом. И когда правительство намекнуло, что всех муэ следует тихо и безболезненно усыпить, это вызвало бурную реакцию общественного протesta. Хотя людьми их и не считали, большинство населения содрогнулось при мысли о хладнокровном мас-

совом убийстве лишь через несколько месяцев после установления Вечного Мира. Муэ остались жить, через пятнадцать лет закон предоставил им равные права со всеми прочими гражданами Империи. Еще век спустя они обрели их в действительности. Они заключали браки и производили себе подобных, а порой их дети были абсолютно нормальными людьми. На сегодняшний день муэ было четырнадцать миллионов — всего одна восьмая процента населения галактики, но они жили, дышали и были счастливы. И Хуркос был одним из них.

Четырнадцать миллионов.

А Сэм даже не мог припомнить, чтобы раньше где-нибудь о них слышал.

— Еда почти готова, — сказал он.

И тут же горевший над нишей в стене огонек погас и из нее выскользнул поднос.

— Пахнет неплохо.

— Голод — лучший повар, — произнес Сэм, располагаясь с подносом прямо на полу.

— Как это все чертовски подозрительно, — проговорил Хуркос, набив полный рот синтимяса. — Ну хоть на чем-то должен быть торговый знак, хоть одно название фирмы должно же быть где-то написано. — Он помолчал немного, задумчиво пережевывая пищу, и вдруг воскликнул: — Еда!

Хуркос так резко вскочил, что чуть не опрокинул на себя обед, причем совершенно напрасно. Сэм жестом усадил муэ обратно.

— Я уже смотрел. Контейнеры под синтезатором, в которых находятся запасы продовольствия, немаркированы.

Хуркос, нахмурившись, снова сел.

— Раз так, давай подытожим, что нам известно. Во-первых, лага нет. Во-вторых, нигде на корабле нет ни торговой марки, ни штампа изготовителя, ни номера партии. В-третьих, ты не помнишь, что было с тобой вплоть до сегодняшнего утра. В-четвертых, хотя память и подводит тебя в отношении твоего собственного прошлого, ты тем не менее знаешь об основных моментах в истории Империи, в истории человечества. Правда, в твоей памяти есть кое-какие пробелы. Про искусственные утробы, например, и про нас, муэ.

— Согласен, — кивнул Сэм, отставляя еду и вытирая рот.

— В чем дело? Ты почти ничего не съел.

Сэм поморщился и неопределенно махнул рукой.

— Не пойму, что со мной. Боюсь я есть.

Хуркос опустил глаза, поглядел на свой поднос и, на мгновение перестав жевать, переспросил:

— Боишься?

— Я смутно боюсь... непонятно чего... потому что...

— Продолжай!

— Потому что ее готовили машины. Еда ненатуральная.

Хуркос сглотнул.

— Вот тебе и в-пятых. Ты боишься машин. Мне это уже приходило в голову — судя по твоей реакции при виде роботов-хирургов.

— Но я же умру с голоду!

— Сомневаюсь. Для поддержания сил ты съел достаточно. Просто не будешь толстеть.

Сэм собрался что-то сказать, но в тот самый момент, когда слова были готовы сорваться у него с языка, он почувствовал, как голова у него разрывается от грохота, потрясшего каждый миллиметр его тела и души. Он раскрыл рот, пытаясь закричать. В голову ему ударила пенящаяся, шипящая, сумасшедшая лавина хаотичного шума. Он смутно понимал, что Хуркос продолжает с ним разговаривать, но ничего не слышал. Все, что было вокруг, даже сам корабль, сделалось далеким и нереальным. В голове у него продолжала грохотать безумная какофония звуков. Он совершенно перестал осознавать, что происходит, для него существовал только этот рокочущий диссонансом гул. Он поднялся с пола, нашел кресло и пристегнул ремни.

Рядом с ним стоял Хуркос и, по-видимому, что-то ему кричал. Но Сэм ничего не слышал.

Ничего, кроме грохота, сотрясавшего все его существо.

Он увидел, что муэ на бегу заворачивается в матрас из флексопласта, который они сняли с хирургического стола. Сэм решил, что, поскольку второго кресла пилота нет, матрас, если в него, как в защитную оболочку, полностью завернуть муэ, послужит ему превосходной заменой.

Сэм нажал на рычаги ручного управления, придавив их к полу... Корабль рванулся в гиперпространство.

Из матраса раздавались крики Хуркоса.

Корабль взвыл.

Сэм откинулся на спинку кресла. Корабль с невероятной быстротой вошел в гиперпространство. И с чем-то столкнулся...

Глава 4

Как только Сэм вывел корабль из гиперпространства в Свободный Космос, грохот в его голове затих. Он снова владел своим телом.

Корабль дрожал и раскачивался после столкновения. Хуркос, завернутый в флексоплас-

товый матрас, катался по полу, словно мячик отскакивая от стен.

Сэм вдруг припомнил, что они обо что-то ударились, и выглянул в иллюминатор, за которым чернело пустое пространство Свободного Космоса. Спереди и чуть слева, так близко, что почти можно было до него дотронуться, висел другой корабль. Наверное, всего лишь в миle от них. Они чуть было не столкнулись корпусами! Сэм включил внешнюю радиосвязь и попытался наладить контакт с другим судном, но ответа не получил.

— Какого черта ты это сделал! — крикнул Хуркос, который освободился наконец от флексопласта и, пошатываясь, поднялся на ноги.

Сэм расстегнул ремень и тоже встал. Он чувствовал, что его сейчас вырвет, но подавил позыв.

— Я не знаю! Я просто потерял контроль над собой и ничего не соображал. Кто-то приказал мне взять курс на столицу.

— На Надежду?

— Да. Он приказал мне взять курс на Надежду через гиперпространство. Спорить было невозможно.

Хуркос потер руку, на которой красовался синяк, потому что он не успел вовремя завернуть ее во флексопласт.

— Ты узнал этот голос?
— Это был не совсем голос. Он больше был похож на... ну...

Внезапно раздался громкий стук.
Они кинулись туда, откуда слышался звук, и увидели у иллюминатора фигуру в скафандре, колотившую кулаком по стеклу. Находившийся снаружи человек был огромен — ростом никак не меньше шести футов шести дюймов и весом не меньше ста шестидесяти фунтов.

— Откройте и впустите меня! — орал он. Внешний звук на скафандре был включен на полную мощность. — Пустите, а то я разнесу вашу посудину на кусочки.

Мощное телосложение и написанный на лице праведный гнев не оставляли сомнений, что он и в самом деле в состоянии осуществить эту угрозу.

— Он, должно быть, с того корабля, — сказал Хуркос, открывая наружные двери Мусорщика, которые служили герметической шлюзовой камерой.

Фигура передвинулась от экрана ко входу. Они напряженно ждали, пока камера закрылась, давление в ней сравнялось с давлением внутри корабля, и затем отворилась дверь в полу.

Если незнакомец при взгляде через иллюминатор выглядел впечатляюще, то, появив-

вшись в рубке, где голова его находилась в опасной близости от потолка, он имел прямо-таки устрашающий вид. Он снял гермошлем, и на Хуркоса с Сэмом выплеснулись потоки изощренной бани. Глаза великана словно капельки раскаленной плазмы выделялись на пылавшем яростью лице. Его светлые волосы пребывали в жутком беспорядке — всклокочены и перепутаны так, что их, видимо, расчесать уже было невозможно.

— Кто вы, черт возьми, такие — идиоты, что ли? Идиотов же больше нет в нашей цивилизации. Вам что — не говорили? Вы же единственные в своем роде, и надо же — я встретился с вами в этой пустоте, в которой — по всем правилам и законам — мы и вообразить бы не могли о существовании друг друга!

— Я полагаю, что вы сердитесь из-за столкновения, — начал Сэм, — и...

У великана челюсть отвисла чуть ли не до колен, но потом приняла более-менее подобающее положение на уровне подбородка.

— Ты *полагаешь*, что я сержусь из-за столкновения! Ты *полагаешь*! — Он повернулся к Хуркосу. — Он *полагает*, что я сержусь из-за столкновения, — повторил гигант, как будто никто никогда не изрекал ничего глупее этой

ереси и, чтобы поверить своим ушам, ему нужно было ее несколько раз повторить.

— Я... — снова начал Сэм.

— Разумеется, я сержусь! Да я просто вне себя от ярости, вот что! Ты полез в открытый космос, не проверив, есть ли в зоне опасности другой корабль. Твое поле сомкнулось с моим, и нас вытащило в Свободный Космос. А что бы случилось, если б столкнулись корабли, а не поля?

— Это мало вероятно, — возразил Хуркос. — В конце концов, диаметр поля — пять миль, а корабли же значительно меньше в размерах. Вероятность столкновения наших кораблей в такой обширной галактике...

— Смотрите-ка — идиот рассуждает логически! — вскричал незнакомец громоподобным голосом. — Настоящий живой идиот лопочет наукообразный вздор с таким важным видом, как будто сам в нем что-то понимает! Удивительно. — Он театральным жестом хлопнул себя рукой по лбу, чтобы изобразить глубину своего удивления.

— Если вы хоть минуту послушаете... — Сэм вздохнул, увидев, что не успел он произнести и двух слов, как незнакомец уже раскрыл рот для следующего комментария.

— Послушать? Я — весь во внимании. Готов выслушать ваши объяснения. Может, в

ваших безмозглых головах отыщется какая-нибудь причина вашему слабоумному поведению и...

— Погодите минутку! — радостно вскричал Хуркос. — Я вас знаю!

Незнакомец замолчал на полуслове.

— Микос. Вы Микос, поэт. Гноссос Микос!

Гнев смыло с его лица широкой улыбкой, а щеки, мгновение назад багровые от гнева, зарделись смущенным румянцем. Рука, сжатая в огромный кулак, которым великан воинственно размахивал на протяжении всего монолога, опустилась и разжалась в ладонь — ладонь, неловко протянутую Хуркосу в знак примирения.

— А я не имею удовольствия, — вежливо произнес поэт.

Хуркос, взяв руку, энергично потряс ее.

На какое-то мгновение Сэм почувствовал, что сейчас упадет в обморок. Единственное, что до сих пор держало его на ногах, был страх перед этим гигантом. Этот страх, как током, пронзal его дрожавшие ноги и выпрямлял его своей силой. Теперь, когда страх исчез, ему хотелось только подогнуть ноги и упасть лицом вниз. Ценой неимоверного усилия он все же остался стоять.

— Мое имя Хуркос. Оно же и фамилия. Я сам никто, но я читал ваши стихи. Они мне

очень нравятся. Особенно «Первобытные дикиари».

— Это стихотворение, однако, довольно вызывающее, — просияв, сказал Гноссос.

Кровь размажь по гневному лицу;
Подними ружье, топор и палицу...

Хуркос докончил четверостишие:

Крикни так, чтобы кровь застыла в жилах,
Убивать — вот все, что в твоих силах.

Улыбка на лице поэта сделалась еще шире.

— Мир весь — только сцена для разбоя... — начал Хуркос следующую строфиу.

— Х-м-м! — как можно ненавязчивее кашлянул Сэм.

— А! Господин Микос, это...

— Гноссос, — перебил поэт. — И обращайтесь ко мне на «ты».

Хуркос нескованно обрадовался этому предложению.

— Гноссос, это мой новый друг. Сэм, познакомясь с Гноссосом Микосом, величайшим и образованнейшим поэтом Империи.

Лапа великана, заключив руку Сэма в свои теплые, сухие объятия, чуть не переломила ему все косточки до самого запястья.

— Очень рад с тобой познакомиться, Сэм. — Он, казалось, и в самом деле был очень рад. —

Ну так из-за каких же неполадок на вашем судне произошла эта неприятность?

— Я...

— Возможно, я смогу помочь их исправить.

Позже, когда поэт выслушал рассказ об отсутствующих торговых марках, амнезии, провалах в памяти, странных голосах в голове Сэма, он потер руки и сказал:

— Вы от меня не отделаетесь, пока мы не докопаемся до сути. Чертовски таинственное происшествие! Уже есть о чем писать эпическую поэму!

— Значит, ты не сердишься? — спросил Сэм.

— Сержусь? На что? Если ты имеешь в виду это несчастное столкновение наших гиперкосмических полей, забудь об этом. Ты тут ни при чем, и вообще мы должны обсудить кое-что поважнее.

Сэм снова тяжело вздохнул.

— Ну, — сказал Хуркос, обращаясь к величайшему поэту современности, — что ты об этом думаешь? — Он сидел на полу, обняв колени.

Гноссос провел языком по пухлым губам, прикрывающим широкие, безупречно ровные зубы, и на минуту задумался. У него бы-

ли прозрачно-голубые глаза, и, когда он пристально на что-то смотрел, взгляд его, казалось, не падал на предмет, а проникал сквозь него.

— Похоже, — проговорил он, растягивая слова, — что кто-то пытается перевернуть галактику или, по крайней мере, нарушить установленный в ней вековой порядок.

Хуркос не мигая уставился на него. Сэм, тоже сидевший на полу, нервно заерзal, подождал продолжения, потом снова заерзal.

— Что ты имеешь в виду?

— Вспомни про оружие. Оружие — кроме спортивного, охотничьеgo и коллекционного — уже тысячу лет как запрещено. Ты говоришь, что это оружие явно не для спортивных целей, потому что обладает ужасающей мощностью, а коллекционировать взрывчатые вещества или новенькие, блестящие ружья тоже никто не будет. Кто-то — я вижу это с болезненной ясностью — намеревается использовать это оружие против людей.

Сэм невольно содрогнулся. Хуркос побледнел как полотно. Эта мысль подспудно висела у обоих где-то в глубине подсознания, но ни один не отважился вытащить ее на яркий свет. Теперь она предстала перед ними как единственно верная и абсолютно невозможная в силу своей чудовищности.

— Торговых марок, — продолжал Гноссос, — нет потому, что этот корабль и его содержимое не должны выдавать имя владельца и изготовителя. Сэма здесь кто-то использует. Как инструмент для изменения существующего порядка вещей.

— Тогда он может в любой момент получить приказ убить нас обоих!

На лбу Сэма выступили капельки пота.

— Не думаю, — сказал поэт.

— Но приказ направиться в гиперпространство... — настаивал Хуркос.

— Был постгипнотическим внушением. — Гноссос подождал минутку, чтобы посмотреть на реакцию. Когда на их лицах появилось некоторое облегчение, он продолжал: — Сэма, наверное, похитили и изъяли у него память. Затем они — кем бы они ни были — засадили туда серию гипнотических команд, приказаний, расположенных в определенной последовательности. Когда это было сделано, они посадили его на корабль и запустили, чтобы он выполнил то, что ему приказали. Первый приказ должен был быть активизирован... ну, скажем, съеденной тобой пищей.

— Но на меня-то эта пища никак не повлияла, — возразил Хуркос.

— В твое сознание, в отличие от Сэма, ничего под гипнозом не запрограммировали.

Первое внушение было запущено в действие едой. А теперь, вероятно, через определенные интервалы будут проявляться остальные приказы. Допустим, через каждые шесть часов. Или, возможно, промежутки времени будут неравномерные, но запрограммированные.

— Таким образом, тот, кто дал ему приказания, о нашем присутствии ничего не знает.

— Верно.

В их разговор вмешался Сэм:

— Я чувствую огромное облегчение. Я слишком привязался к вам, чтобы убивать.

— Одно мне только непонятно, — сказал Гноссос. — Почему вы не ответили на мой радиосигнал сразу после столкновения?

— Мы никакого сигнала не получали, — в замешательстве произнес Сэм. — Мы пытались с тобой связаться, но это ты нам ничего не ответил.

— Рация сломана? — предположил Хуркос.

Сэм, с трудом поднявшись на ноги, подошел к приборной доске.

— Сообщите о состоянии приемника-передатчика.

РАБОТАЕТ ИСПРАВНО.

— Тогда эта теория неверна.

— Но как же может мой таинственный хозяин контролировать радио, если он даже не

знает, что происходит? — Сэм провел пальцами по клавишам на приборной доске.

Гноссос, пожав плечами, поднялся на ноги.

— Значит, мы не правы. Вероятно, они все-таки знают, что мы с Хуркосом здесь, и теперь ждут подходящего момента, чтобы устранить нас. Но с этим вопросом мы потом разберемся. А сейчас давайте пройдем в лабораторию. У меня есть одна идея.

Они все трое смотрели на роботов-хирургов. Сэма при виде их передернуло: бездушные существа с человеческими способностями. Он снова отметил какую-то безотчетную ненависть, испытываемую ко всем машинам, с которыми соприкасался.

— Контейнеры мог изготовить кто угодно, — сказал поэт. — Но достаточные мощности, чтобы произвести то, что внутри них, есть только у нескольких компаний. Никто не в состоянии собрать роботов-хирургов из металломола — для этого нужно сложнейшее оборудование и сотни квалифицированных работников. Тот, кто их собрал, должен был закупить детали фабричного изготовления.

Сэм нажал кнопку, опускающую роботов с потолка. Они медленно двинулись вниз. Когда их подвесные руки раздвинулись в стороны

и машины почти коснулись поверхности стола, он остановил их. Затем развернул главный контейнер таким образом, чтобы крышка входного отверстия оказалась прямо перед ними.

Гноссос удовлетворенно потер ладони.

— Ну, теперь мы непременно кое-что узнаем. — Он отодвинул щеколды, закреплявшие крышку, снял и бросил на пол. — У любой компании есть список поставщиков и клиентов. Один маленький номер серии поможет нам найти покупателя и, соответственно, того, кто изготавлил эту посудину.

Наклонившись, он заглянул внутрь темного шара. На его лице появилось недоумевающее выражение.

— Там кромешная тьма, — сказал Хуркос.

Гноссос просунул внутрь руку, продвинул ее поглубже... глубже, еще глубже, по самый локоть.

— Там ничего нет! — воскликнул Сэм.

— Нет, есть! — взвизгнул Гноссос. — Оно схватило меня за руку!

Глава 5

Гноссос, вырвав из машины руку, прижал ее к груди и потер. Она покраснела, распухла и в нескольких местах кровоточила.

— Что за чертовщина там внутри? — спросил Хуркос, отпрянув от отверстия.

Сэм подавил крик отвращения, готовый сорваться у него с губ.

Словно в ответ на вопрос Хуркоса, из открытого контейнера на стол начали сползать капли желеобразной массы янтарного цвета с оранжевыми разводами. Масса, сотрясаясь и подрагивая, увеличивалась в размерах. Эти конвульсии сопровождались громким жужжанием. На поверхности «желе» начало формироваться нечто вроде кожи, янтарно-оранжевый оттенок которой перешел в розоватый, и это делало ее поразительно похожей на человеческую кожу — слишком похожей. Кожа, сокращаясь и растягиваясь, образовывала псевдощупальца, опираясь на которые это нечто двигалось по столу по направлению к ним.

Они отступили к самой двери.

— Там внутри не было никаких механизмов! — воскликнул Гноссос, потирая раненную руку.

— Но оно двигалось, — возразил Сэм. — Или же это не машина? Иначе как же она могла это делать без движущих частей?

К поверхности желеобразной массы из глубины поднялись какие-то пузырьки и, лопнув, оставили на ней щербинки. Но щер-

бинки быстро затянулись, и кожа приобрела свой первоначальный вид.

— Там вместо начинки, вместо механизма была эта штука, — сказал Гноссос. — Она все и приводила в движение.

Из шарообразных недр главного контейнера просочилась последняя капля. В нем одном вся эта масса не поместились бы, очевидно, она заполняла все опустошенные теперь секции. Бесформенное «желе» перевалилось через край стола, с отвратительным хлюпаньем шлепнулось на пол и теперь приближалось к ним, переступая по холодному полу своими псевдощупальцами.

— Склад с оружием! — вскричал Сэм и, бросившись в коридор, широко распахнул дверь, ведущую в помещение напротив. Наверное, под гипнозом он научился обращаться с оружием и поэтому так быстро про него вспомнил. Он умел убивать; он мог остановить эту гигантскую амебу. Он снова показался в двери с винтовкой в руках, вскинул ее на плечо, прицелился.

— Отойдите прочь!

Гноссос и Хуркос отступили к рубке управления. Прицелившись в центр массы, Сэм спустил курок. Из винтовки вырвалась, вспыхнув, голубая искорка и, как вновь зажженная звезда, устремилась вперед. От нее исходил

свет, но не тепло. Даже наоборот, пламя, казалось, распространяло вокруг себя прохладу. Столкнувшись с «желе», оно погрузилось в него. Масса, скорчившись, издала звук, напоминавший крик, хотя это, безусловно, был не голос. «Желе» остановилось, Сэм снял с курка трясущиеся пальцы и глубоко вздохнул.

И тут «желе» прыгнуло на него!

Он снова выстрелил, и голубая искорка заплясала внутри янтарной массы, как молния в прозрачном шаре. Он снова прицелился и спустил курок.

Ничего не произошло.

Ничего!

Никакой голубой искры. Никакого прохладного, но смертоносного пламени. Даже никакого щелчка паршивого! Он поднял оружие, чтобы рассмотреть его и проверить, не заклинило ли где-нибудь. Тогда он увидел, как из ствола забила пульсирующая янтарная жидкость. Внезапно руку его ошпарило как кипятком, и из патронника тоже вылезла амеба. Он отбросил винтовку в сторону и начал яростно тереть руку о стену, царапая ее до крови в отчаянной попытке освободиться от «желе».

— Взрывчатка! — крикнул Гноссос.

Сэм, повернувшись, снова ринулся на склад. Он вышел оттуда, держа в руках три

гранаты. Он подбежал к Гноссосу и Хуркосу, тяжело дыша, глаза его были расширены, сердце отчаянно колотилось.

Желеобразная масса тем временем опрвилаась и прошлепала в коридор, где соединилась с каплями вещества, вытекшими из винтовки. Обе части, встретившись, соприкоснулись поверхностями, которые при этом замерцали бордовым светом, потом слились и стали единым целым.

— Теперь я, кажется, понимаю, почему не работало радио, — сказал Гноссос. — Оно по-просту не хотело работать.

— Похоже, что весь корабль живой, — согласился Сэм.

Хуркос стукнул рукой по стене и прислушался к упругому звуку.

— Это металл. Черт меня побери, если там есть что-нибудь, кроме металла!

— Там внутри, — сказал Сэм, не отрывая глаз от шевелящегося в конце прохода «желе». — Глубоко внутри, под обшивкой, написано еще много этого студня.

— Но гиперпривод...

— А тут на самом деле и не должно быть никакого механизма с гиперприводом, — сказал Сэм. — «Желе» каким-то образом может само образовать гиперпространственное поле. Могу предположить, что на борту вообще

нет никаких механизмов. Во всех оболочках только «желе».

— Значит, твой страх перед машинами... — начал Хуркос.

— Передался от того, кто построил, — или от того, что построило, — эту штуковину.

Амеба снова начала двигаться, мокро шлепая нежными ножками по полу. Она была шесть футов в высоту и весила, судя по всему, добрых триста фунтов.

— Надевайте-ка скафандры, — сказал Гноссос, беря в руку гранаты. Он сам все еще был в скафандре, и шлем лежал рядом. — Придется перебраться на мой корабль. После того как нам стала известна часть его тайны, оно не позволит нам долго оставаться в живых.

Сэм с Хуркосом залезли в скафандры, пристегнули шлемы и прикрепили баллончики с воздухом. Хотя все эти движения и были выполнены на предельной скорости, на них, казалось, понадобились часы. Когда они оделись, Гноссос захлопнул люк, отделявший рубку управления от коридора, по которому к ним неторопливо приближалось «желе».

— Посмотрим, как оно сюда проберется! — сказал поэт, надевая шлем. — А теперь рвем когти отсюда.

— Боюсь, что ничего у нас не получится, — возразил Сэм, стоявший у приборной доски. — Я нажал все кнопки, чтобы декомпрессировать рубку и открыть входной люк, но не могу добиться от корабля никакого ответа.

Хуркос, расширив глаза, подпрыгнул к приборной доске и включил связь с компьютером.

— Выпусти нас!

Но компьютер был не компьютером. Из обвитой проводами пластмассовой голосовой платы раздался оглушительный вопль. В нем слились визг, рычание, скрежет... Словно тысячу крыс сжигали заживо. Словно миллион воробьев схлестнулись в смертельной схватке.

— Выключи его! — крикнул Гноссос.

Хуркос с размаху ударил по выключателю. Звуки продолжались. Сначала они выбрасывались неравномерными порциями, рассыпались на части и снова срастались. Потом они слились в один непрерывный, режущий уши оглушительный грохот. А потом динамик начал выплевывать капли «желе»...

Оно сочилось сквозь отверстия в прутьях решетки.

Внезапно решетка динамика отлетела, снесенная напором находившейся за ней массы.

Части приборной доски начали проваливаться внутрь по мере того, как «желе», на которое они опирались, просачивалось наружу.

Грохот продолжался.

— Это тот же звук, — прокричал Сэм в микрофон на своем скафандре, — который я слышал, когда повиновался гипнотическим приказам, — только сейчас он ничего не приказывает.

— Гранаты! — крикнул Хуркос, стараясь голосом перекрыть грохотание, а «желе» тем временем стекалось на пол, и разбухающая пульсирующая масса изменила цвет с янтарного на розоватый. На люк из коридора напирала другая глыба. Раздался скрежет разрываемого металла. Сейчас люк не выдержит и они окажутся в ловушке между двумя бесформенными чудовищами. «Желе» закроет их с головой и поглотит их плоть.

Гноссос вырвал чеку из гранаты и бросил ее. Ничего не произошло.

— В гранатах тоже «желе»! — крикнул Хуркос.

Сэм выхватил из рук поэта один из оставшихся снарядов.

— Нет. В них нет механизмов, поэтому «желе» нет смысла заменять их собой. Там только химические вещества, которые взрываются от сотрясения. Нужно ее хорошень-

ко встряхнуть. Гноссос просто неудачно ее метнул. — Он с размаху швырнул вторую гранату в иллюминатор.

Корабль в одно мгновение залил ослепительно яркий свет. Взрывная волна ударила в основном наружу. До них она не дошла, разбившись о второй сгусток «желе», поднявшийся, чтобы проглотить гранату. Трое друзей каким-то чудом пробрались к покореженному носу корабля, чтобы нырнуть в темную пустоту космоса и добраться до «Корабля Души», судна поэта, которое дрейфовало всего лишь в миле от них.

За ними, кипя и разбрызгиваясь, переступало «желе». Осознав, что его шансы настичь людей уменьшаются, оно выбросило вперед псевдоруки. Издаваемый им грохот явно был не звуком, а мыслью. Оно обстреливало их сознание, отдавая беглецам приказ остановиться.

Первым сквозь отверстие в носу корабля протиснулся Хуркос. За ним последовал поэт. И наконец Сэм. Перед ним, словно кнут, взвилась струйка жидкости, выпущенная чудовищем в попытке отрезать его от остальных. Отрезать и уничтожить. Сэм, задыхаясь, нырнул в проем, прежде чем петля смогла обвиться вокруг него и заключить в свои едкие объятия.

И все затихло. Кипя и вспыхиваясь, «желе» постепенно уменьшалось в размерах. Правда, из корпуса корабля все время подтекало новое вещество, не давая извивающимся щупальцам истончиться, отделиться от основной массы и раствориться в вакууме. Но в конце концов, все же не осталось ничего, кроме розоватого пятнышка. Оно окрасилось в янтарно-оранжевый цвет, потом тоже превратилось в пузырек и лопнуло. Вместе с ним исчез и грохот.

Забравшись внутрь «Корабля Души», друзья разделись и рухнули в мягкие кресла. Это был корабль, созданный для отдыха и путешествий, а не для ведения войны. Нормальный корабль, рассчитанный на шесть человек, а не на одного — слепое орудие сумасшедшей безымянной сущности без лица и времени. Какое-то время они сидели молча, каждый обдумывал проблему, которую им предстояло обсудить. Сигналом к тому, что пора закончить отдых и начать наконец действовать, послужило предложение Гноссоса выпить немного вина, чтобы снять стресс.

Теплое зеленоватое вино было налито из особой бутылки, открытой по особому случаю.

— Я слышал тот же звук, когда пребывал в гипнотическом трансе.

— Это значит, — изрек Хуркос, любуясь игрой света в стакане с напитком, — что это сам корабль давал тебе приказания. За всем этим стоит гнусное «желе».

Гноссос одним глотком осушил свой стакан и сразу же налил себе вторую порцию.

— Я не согласен. Если бы за действия Сэма отвечал корабль, то не было бы необходимости в гипнотическом контроле и вообще необходимости в Сэме. Если бы корабль обладал интеллектом, он сам мог бы делать все, что делал Сэм, и вероятно, даже гораздо лучше. А когда Сэм стрелял, корабль мог бы отдать ему приказание выбросить оружие. Нет, это не корабль, он был всего лишь оболочкой для этого зловредного студня, пред назначенной для того, чтобы отправить Сэма на Надежду, и ничего больше.

— Но что за человек смог изготовить такую штуку, как это «желе»?

— По-моему, — сказал Гноссос, — ты стал жертвой внегалактического разума.

— Чепуха! За последнюю тысячу лет нам не удалось найти никаких других разумных существ. Это...

— Это вполне возможно, — задумчиво произнес Хуркос. — Нас окружают тысячи,

если не миллионы галактик. Как знать, может, племя желеобразных масс похитило тебя, чтобы запрограммировать на переворот в галактике.

Сэм залпом допил вино. По его жилам растеклось приятное тепло. И все же оно не смогло прогнать пробиравшую его ледяную дрожь.

— Не может этого быть, — ответил он как можно спокойнее, — потому что завоевывать Империю таким вот способом было бы чертовски нерационально. Если эти внегалактические обладают такими способностями и могут использовать «желе» для передвижения в гиперпространстве, приготовления пищи и управления роботами-хирургами, они смогли бы за неделю завладеть галактикой. За неделю! Черт, эта клякса даже разговаривала со мной голосом компьютера. Возможно, она образует нечто вроде голосовых связок, когда они ей необходимы. И радиоприемником она тоже управляла, это же...

— Это живая машина, — проронил Гностос себе под нос.

— Вот вам и еще одно, — добавил Хуркос. — Твой страх перед машинами. Ты боишься их, очевидно, потому, что этот кто-то — или что-то, — который тебя загипнотизировал, тоже боится машин. Потому что

он, или оно, механизмами не пользуется. У них вместо этого кляксы. У нас ничего подобного нет. Вот тебе и доказательство того, что они не из нашей галактики.

— В Империи без помощи механизмов никто существовать не может, — согласился Гноссос. — Значит, это был кто-то... извне.

— Нет. — Сэм поставил стакан на пол. — Если бы все это выдумали пришельцы, я бы им не понадобился. Для целой внегалактической расы масштаб слишком мелок. Скорее всего, это некто, кому для выполнения его грязной работы понадобилась помощь.

— И с этим я тоже согласен, — сказал поэт. — Видимо, наш разговор, как и весь ход рассуждений, зашел в тупик. — Он переменил позу, устраивая поудобнее свое огромное тело. — Ну, что до меня, то, пока мы не разгадаем эту загадку, я останусь с вами. Я не сойду с полдороги, когда все так запуталось. Может оказаться, что это самое важное и самое опасное происшествие за последнюю тысячу лет. А в наши дни так не хватает опасности. Когда люди воевали, они, возможно, совершали много жестоких безумств, но свою положенную им в жизни порцию риска получали сполна. Сегодня мы живем без хлопот и забот, и все идет так гладко, что никаких приключений и не бы-

вает. Мне, например, уже давно нужна хорошая встряска.

— И мне, кажется, тоже, — сказал Хуркос.

У Сэма сложилось впечатление, что муэ после столкновения с амебой чувствовал себя немного не в своей тарелке. Но перед поэтом он просто не мог ударить в грязь лицом.

— Так что же теперь?

Гноссос потер своей огромной лапой подбородок и на минутку наморщил лоб.

— Мы возьмем курс на Надежду. Когда прибудем туда, подождем твоей следующей команды. Надо же выяснить, к чему все это.

— Но, — неловко начал Сэм, — допустим, мне приказано перевернуть галактику.»

— Мы с Хуркосом будем наготове и не дадим тебе этого сделать.

— Надеюсь, — сказал он.

Позже, когда они допили вино и высказали массу различных предположений, а «Корабль Души» продолжал свой путь сквозь густую пустоту Свободного Космоса, они откинулись на спинки кресел, пристегнулись, расслабились и постепенно погрузились в сон.

Стояла ужасающая густая тьма, лишь бабочки-звезды рассыпались по ночному куполу. Потом с порывом ветерка на горизонт вска-

рабкалась заря, окрасив черноту в желтый... а потом в оранжевый цвет... И там стоял холм, а на нем — крест. На кресте висел человек. Из ладоней его сочилась кровь.

И из ног его сочилась кровь...

Раны гноились и были черны, как пасть демона.

Человек на кресте поднял голову и взглянул на восходящее солнце. Жизнь едва теплилась в этом изможденном теле. В уголках его глаз скопилась слизь, затруднявшая зрение. Давно не чищенные зубы пожелтели.

— Проклятье, снимите меня! — простонал он.

Эти слова эхом отразились от низкого неба.

— Пожалуйста, — умолял он.

Солнце глядело на него пылающим глазом. Когда оно вошло в зенит, прилетели ангелы. Они порхали вокруг человека, и один их вид облегчал нестерпимую боль. Кто-то из них смочил водой его потрескавшиеся губы. Другие намазали маслом его раны. Третий, вытерев масло, накормили его. Потом они исчезли, растворившись в воздухе.

— Пожалуйста, — рыдал человек.

Ангелы позабыли вытереть остатки масла с его бороды. Она блестела на солнце и щекотала его.

С наступлением ночи явились демоны. Они выползали из-под серых камней, выбирались из расщелин в земле. Среди них были пресмыкающиеся карлики, безглазые, но зоркие. Там же рыскали волки-оборотни с острыми, как сабли, зубами. Там были существа с рогами и хвостами, существа, у которых вместо голов огромные пасти. Они вопили и рычали, выли, визжали и стонали. Переползая друг через друга, они приблизились к распятию. Но до человека добраться не могли. Они царапали когтями дерево, но до него им было не дотянуться. Один за другим они умирали...

Извиваясь и корчась, демоны превратились в дым, унесенный прочь прохладным ветром. Они рассыпались в пыль. Пролились лужами крови.

Потом ненадолго появились звезды.

А потом снова наступил рассвет...

И ангелы...

И снова ночь, и демоны, и звезды, и рассвет, и внушающие трепет ангелы, и ночь... И все продолжалось как в кино при ускоренной съемке. Дни становились неделями; недели превращались в месяцы. Он висел там годами. Веками висел на кресте. Наконец время исчезло, и солнце завертелось с бешеною скоростью, и ночь с ее демонами проносилась в мгновение ока.

— Пожалуйста! — взывал он. — Прошу!

Услышав этот последний вопль, они, тяжело дыша, проснулись. Сэм, оттолкнувшись от спинки кресла, резко приподнялся и огляделся, чтобы удостовериться, что больше не спит. Затем он повернулся к Хуркосу:

— Что это был за сон?

Гноссос поглядел на них с любопытством.

— Он телепат, — объяснил Сэм. — Ненадежный дар. Но что это, черт возьми, был за сон?

— Именно это я и хотел бы знать, Сэм, — сказал Хуркос. — Этот сон пришел ко мне от тебя.

Глава 6

— От меня?

— Ну, не совсем от тебя. Через твое сознание. Генератор этих мыслей где-то очень далеко. В этой комнате его нет. Сознание у этого генератора ужасающих размеров. Необъятно. А это была лишь частичка его мыслей, маленький уголочек. В данном случае я лишь зацепился за след этих мыслей и по какой-то причине с помощью своих психонических способностей начал раскручивать их в полный рост и снова транслировать.

— Но без твоей помощи мне бы эти сны не привиделись.

Хуркос грустно улыбнулся.

— Они бы тебе приснились точно так же и во всех подробностях. Просто ты бы не осознавал, что видишь их, вот и все.

— Но что же это все-таки было? Этот сон напомнил мне о кресте с распятым на нем человеком, который ты опрокинул после смерти Белины.

— Это легенда о Христе, — вмешался Гнос-сос.

Они повернули головы и поглядели на него.

— Я профессионально занимаюсь разными легендами. Поэты много работают с мифологией. Мифов очень много, среди них есть некоторые совершенно дикие. Легенда о Христе — не столь древняя. Как вы знаете, христиане все еще существуют, хотя их осталось совсем мало. Эта религия, так же как и все остальные, практически вымерла после того, как был установлен Вечный Мир и изобретена таблетка бессмертия. Согласно этой легенде, Христос — божественная личность — был распят на кресте из кизилового дерева. В вашем сне, по-видимому, был разыгран этот миф, хотя я и не припомню, чтобы этот человек висел там так долго

или чтобы о нем заботились ангелы и искушали демоны.

— Может быть, это даст нам в руки какой-нибудь ключ к разгадке тайны, — предположил Хуркос.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Сэм, готовый схватиться за любую соломинку.

— Возможно, твой таинственный гипнотизер — неохристианин, один из тех, кто отвергает таблетку бессмертия. Это, безусловно, объясняет, почему он хочет покорить Империю. Он собирается обратить язычников на праведный путь, собрать дикарей под знамя религии. Дикари — это мы.

— Здравые рассуждения, — кивнул Гноссос. — Но они не объясняют, при чем же здесь желтая клякса.

Хуркос задумался.

Дзинь-дзинь-дзинь!

ПРИГОТОВИТЬСЯ К ПЕРЕХОДУ В ОБЫЧНЫЙ КОСМОС И РУЧНОМУ УПРАВЛЕНИЮ КОРАБЛЕМ!

— Надежда уже близко, — сказал Гноссос. — Думаю, скоро мы еще что-нибудь обнаружим.

«Корабль Души» вошел в зону действия диспетчерской системы огромного, занимающего целую планету, города, и, посколь-

ку они не запросили определенного места посадки, служба слежения начала приземлять их по собственному выбору. Над ними, под ними и со всех сторон сновали космические корабли всевозможных систем и модификаций. По огромному подвесному шоссе двигались автомобили, похожие на разноцветные пузыри. «Корабль Души» мягко опустился на серую площадку со специальным покрытием, поглотившим, охладившим и рассеявшим образовавшееся при спуске пламя.

Надежда. Супергород. В буквальном смысле надежда для многих миллионов на новую жизнь. Гноссос, Сэм и Хуркос стояли у люка, ожидая, пока служащий отметит их посадочный талон. Когда они вернутся на свой корабль, он разорвет его на две части и отдаст им корешок.

— Ну, — нарушил молчание Гноссос, — и куда же теперь?

— Пока никаких указаний, — ответил Сэм.

— Тогда давайте просто немного побродим по городу, посмотрим, что к чему, — предложил Хуркос.

— Конечно, надо ведь с чего-то начинать, — поддержал его Гноссос.

Так они и сделали.

Он сидел перед толстым окном, которое на самом деле окном не являлось, и смотрел на находившееся за ним существо. Существо металось и бушевало, вопя и стеная, словно тысяча разъяренных быков. Сколько времени? Сколько времени оно бьется о Щит, пытаясь сломать перегородку и вырваться наружу? Бредлоуф вцепился в подлокотники и откинулся на спинку кресла. Необъятных размеров письменный стол почти полностью скрывал бесформенные очертания его тела. Тысячу лет и больше. Вот сколько. Это его отец сконструировал этот барьер и находящуюся за ним камеру, погруженную в другое измерение. Нет, даже не другое измерение, а высшее измерение. Не иной порядок вещей, а просто другой уровень той же самой структуры. А когда его отец погиб в нелепой катастрофе, с последствиями которой были бессильны справиться медики, то он сам вступил во владение семейным состоянием, зданиями, принадлежащими семье офисами, расположенным в центре Надежды, а также Щитом и находящимся за ним резервуаром. О двух последних вещах он, разумеется, никогда не распространялся. Это была семейная тайна — тот сор, который из избы не выносят. Это была его, и только его, ноша.

На протяжении последних шестисот лет он приходил сюда каждую неделю, иногда просиживал в этом кресле целыми днями, иногда просто заглядывал на несколько минут. Он приходил смотреть на Щит. И на то, что было скрыто за ним. Это тяжелое бремя постоянно давило ему на плечи. Поводов для беспокойства нет. Он знал это. Щит держался более тысячи лет; он продержится вечно. Он никогда не выйдет из строя. Его обслуживали машины, а машины перестали ломаться еще в то время, когда его дед не познакомился с бабкой. А эти машины поддерживались в порядке не людьми, на которых конечно же нельзя положиться в столь ответственном деле, а другими машинами, а их в свою очередь снабжали энергией другие механизмы. Изощренная противодураковая система.

И все же Алекс — Бредлоуф III — неизменно приходил сюда раз в неделю, иногда — чтобы задержаться здесь подольше, иногда — лишь на несколько минут. И все же он беспокоился. И все же — боялся.

Об экран ударил малиновый взрыв и, осев вниз, на дно, окрасился охрой. Взрывы не могут потрясти Щит, какими бы яростными они ни были. Неужели *оно* до сих пор этого не поняло? Уже тысячу лет бьется об экран взрывами и все еще не догадалось. Эта мысль

пробудила в его душе жалость, но он припомнил слова, которые часто произносил его отец (произносил так часто, что они стали семейным девизом): «Невежеству больше нет места среди людей». Возможно. Очевидно. И все же он боялся, что невежество лишь затайлось, ожидая своего часа...

На Щите появились красивые серебристо-голубые разводы, когда оно попыталось применить удары определенной частоты в определенной последовательности. Но оно уже не раз пробовало это сделать. Оно перепробовало все, что можно...

Бредлоуф поднялся со стула и подошел к двери, ведущей в коридор. Он раздобудет кофе и чего-нибудь поесть. И вернется. Это был тот случай, когда беглого взгляда недостаточно. Ему предстоит провести здесь неделю. Долгую неделю.

Глава 7

Во время прогулки Сэм не раз замирал с разинутым от удивления ртом, несмотря на то что у него сохранились — полностью или частично — воспоминания о том, что теперь он видел собственными глазами. Но при этом у него было стойкое ощущение, что он здесь

впервые. Это не могло его не тревожить. Они зашли в казино, посмотрели уличный спектакль. Они прогулялись по паркам и бульварам, где сидели художники. Гноссос хорошо знал город: истинному поэту просто необходимо держать руку на пульсирующем сердце метрополии. Или мегаполиса? Не важно. Он разъяснял то, чего Сэм с Хуркосом не понимали, обращал их внимание на самое интересное, щедро снабжая свой рассказ историческими и культурологическими комментариями. Одним словом, они прекрасно проводили время, если бы не глажущая мысль о возможности следующего гипнотического транса, который снова превратит Сэма в орудие чужой воли.

И случилось так, что, бесцельно бродя по городу, они встретили христианина. Сэм заметил, как Хуркос ощетинился при виде этого человека, — не потому что он лично ему не понравился, а потому что за его плечами незримо присутствовал его Бог.

Христианину было лет пятьдесят — в мире, где люди вечно остаются тридцати-сорокалетними или моложе, он казался древним старцем. Он, очевидно, происходил из семьи строгих христиан, поскольку даже не пользовался средствами, препятствующими росту бороды; его щеки отливали странным ме-

таллическим цветом. Во рту старика виднелись желтые неровные зубы. Кожа вся в морщинах. На груди и на спине христианина висели таблички. Передняя гласила: «БОГ СТЫДИТСЯ!» Увидев, что они заинтересовались, христианин повернулся спиной, чтобы продемонстрировать вторую надпись: «МЫ ВНОВЬ ПРЕДСТАНЕМ ПЕРЕД СУДИЕЙ!»

— Не понимаю я их, — пожал плечами Хуркос.

Губы Гноссоса сложились в тонкую улыбку.

— Когда-нибудь, думаю, очень скоро, они вымрут окончательно.

— Но зачем нужны эти люди? — спросил Сэм. — Разве врачи не научились предотвращать рождение детей с умственными недостатками?

— Дело в том, — начал поэт, замедляя гигантские шаги, чтобы его спутники могли поспеть за ним, — что Империя изначально основывалась на концепции полной свободы. Умственные недостатки были искоренены, это верно. В результате с тех пор количество верующих резко сократилось. Но в системе полной свободы нельзя запрещать ничьи верования. Поэтому всем верующим было позволено исповедовать свои религии. Хотя их дети рождались в умственном отношении как нельзя более здоровыми, родители, воспиты-

вая их, передавали отпрыскам свои собственные предрассудки и заблуждения. Количество верующих уменьшилось. Но покуда они будут плодиться и размножаться — а это неотъемлемая часть христианской доктрины, — у них всегда будут дети, которых можно будет изуродовать, обратив в свою веру. Жаль, конечно. Но в конце концов, за это отвечают только они, это их жизнь и их дети. Человек имеет право тратить как ему заблагорассудится то, что ему принадлежит. Как мне кажется.

— Познайте Слово, — сказал христианин, когда они подошли к нему вплотную. Он протянул Гноссосу и Сэму листовки — красные буквы на желтой бумаге. По их помято му и истрапанному виду можно было только догадываться, сколько людей возвращало их, не читая.

— Дайте и мне листочек, — попросил Хуркос, протягивая руку.

Христианин ничего не ответил. Хуркос повторил свою просьбу.

— Будьте любезны, попросите этого с нечистой кровью не заговаривать со мной, — обратился стариk к Сэму. Ему было явно не по себе; его костлявые руки теребили висевшую у него на груди пластмассовую табличку, перебирая ее обмахрившиеся края.

— С нечистой кровью?

— Они не любят муэ, — объяснил Гноссос. — Они не заговорят с муэ, если только им, будучи при смерти, не придется попросить о помощи. Тогда, по их понятиям, на это будет воля Божья.

— А почему муэ нечистокровны? — спросил Сэм.

— Муэ — не создание Божье, а дело рук человека, — выпалил христианин. — Муэ — нарушение священной власти Творца. — Глаза его горели фанатичным огнем.

— Предрассудки, — сказал Гноссос, — являются частью любой религиозной догмы. Иногда они тщательно замаскированы, но все равно присутствуют. Тебе известна история твоей церкви, старик?

Христианин переступил с ноги на ногу. Он смутно чувствовал, что с этими язычниками, наверное, лучше не связываться, но его фанатизм не позволил ему отступить.

— Конечно, известна. В начале было...

— Она^{*} началась не столь давно, — рассмеялся Гноссос. Он облизал губы в предвкушении словесной схватки. — История церкви началась не с тьмы и света и не с семи первых дней. Она появилась гораздо позднее. Через тысячи лет. Церковь не возникает до тех пор, пока у человека не по-

является потребность вскарабкаться вверх по социальной лестнице, возвыситься над своими ближними. Тогда он создает религию и церковь. Создав ее, он заявляет, что знает, что есть Бог и зачем он существует. Он сам начинает верить в то, что постиг цель мироздания, и таким образом поднимается над другими людьми.

— Бог избрал святого Петра, чтобы тот основал церковь и возвысился над другими.

Гноссос улыбнулся по-отечески снисходительной улыбкой — он сам был бы похож на святого, если бы не его ядовитый язык.

— Сомневаюсь. Простите мое недоверие, но я очень в этом сомневаюсь. История прямо-таки кишит людьми, которые говорили, что Бог избрал их вождями. Многих сбило с ног и снесло потоком Времени и Вечности, по сравнению с которым любой человек бесконечно мал.

— Лжепророки! — грозно проговорил христианин.

— А почему вы убеждены, что святой Петр не был лжепророком?

— То, что он создал, до сих пор с нами.

— Продолжительность — еще не доказательство ценности. История войн, которые вело человечество, гораздо дольше истории вашей религии, но с ними покончено раз и

навсегда, потому что они несли в себе зло. А потом, от вашей веры уже почти ничего не осталось. Создание святого Петра ожидает та же участь, что постигла войны.

Сэм, нахмурившись, снова вмешался в разговор:

— Но зачем ненавидеть Хуркоса за то, что он не напрямую создан Богом? Если Бог наделил человека властью изобрести и использовать искусственные утробы, значит, он и дал толчок созданию муэ, пускай...

— Человек злоупотребил своей властью, — безапелляционно заявил христианин.

— Но если Бог всемогущ, то человек не мог ничем злоупотребить. Он уничтожил бы людей, которые...

Гноссос положил руку Сэму на плечо.

— Христиане ненавидят муэ не по этой причине. Как я сказал, им нужно чувствовать свое превосходство. Теперь осталось так мало людей, на которых они могли бы смотреть сверху вниз, потому-то муэ — замечательный козел отпущения. Поскольку они зачастую физически не соответствуют людским нормам — не важно, будь то уродство, просто функциональная разница или же недостаток красоты, — тут есть над чем почувствовать превосходство. «Я не такой, как ты, — заявляют они. — Я нормальный, я цельный».

Вокруг них начала собираться толпа. Люди расталкивали друг друга локтями, чтобы подобраться поближе и послушать спорщиков. Гноссосу это, по-видимому, доставляло великое удовольствие, но раздражало христианина.

— И вот еще что, дружок, — продолжал Гноссос самым дружественным тоном, стараясь говорить погромче, чтобы те, кто стоял в дальних рядах толпы, слышали каждое слово — тщеславие не было ему чуждо. — Знаете ли вы, кто развязал большинство самых жестоких войн за последние три тысячи лет?

— Сатанинские силы.

— Нет. Как это у вас все просто получается. Нет, это были христиане, те самые, что проповедовали ненасилие. В...

Старик оскалил желтые зубы так, словно собирался зарычать.

— Я не буду продолжать этот спор. Ты пособник Сатаны.

Он быстро двинулся прочь, расталкивая собравшуюся толпу. Люди расступались, чтобы пропустить его. Фанатик исчез, растворившись в темноте ночи.

— Не воображаешь ли, мой драгоценный Гноссос, что ты чего-то добился? — спросил Хуркос, когда собравшиеся было зеваки ра-

зошлись и они продолжили путь. — Не воображаешь ли ты, что тебе удалось достучаться до начинки его костлявого черепа?

— Нет. Но я не мог не поддаться искушению попробовать сделать это. Боюсь, что этот человек жил и умрет со всеми своими предрассудками. Кроме того, если бы у него и были сомнения в вере, он не допустил бы их в свои мысли. Он отказался обрести реальную вечность через таблетку бессмертия, и теперь ему остается только цепляться за надежду, которую дает ему его религия, обещания, раздаваемые Богом.

— Меня прямо мороз по коже пробирает, — пожаловался Сэм.

— Мы свернули на какие-то нездоровые темы, — заметил Гноссос. — Давайте-ка разыщем гостиницу и немного отдохнем. Я просто с ног валяюсь, а никому не известно, сколько нам еще придется побегать, пока Сэм получит новый приказ.

Бредлоуф закончил смаковать последний бутерброд, глотнул горячего черного кофе и снова откинулся на спинку кресла, утопая в его бархатном уюте. В комнате было темно, ибо то, что находилось за Щитом, не было предназначено для яркого света. Тогда слиш-

ком ясно стали бы видны все ужасающие детали. Чернота милосердно скрдывала подробности.

Ярко-красные всадники на зеленых жеребцах, ударившись об экран, расплылись бледно-желтой волной...

Алексу нравилось наблюдать за разноцветными взрывами и придумывать им названия. Так мальчику, лежащему летом в зеленой траве, нравится наблюдать за облачками.

Дракон держит в пасти искалеченное тело янтарного... янтарного... янтарного рыцаря...

Интересно, подумал Алекс Бредлоуф III, сидел ли вот так же когда-нибудь его отец, глядя на разноцветные узоры и давая им имена? Искал ли он порядок в безумном калейдоскопе фантастических превращений? Погружался ли его отец в это же кресло, в раздумье склонив царственную голову, сосредоточенно наморщив лоб и сдвинув густые брови? Сидел ли он, погрузив крепкие пальцы в водопад белых волос, наблюдая за Пленником, вернее изучая его?

Вряд ли. Его отец глубокомысленному созерцанию предпочитал упорный труд и активные действия. Он превратил небольшое наследство, полученное от своего отца, в огромное состояние, точной суммы которого

не знал никто, поскольку оно росло с каждой минутой. Когда инженеры в поисках новых принципов организации строительства случайно наткнулись на Щит, когда они, к своему ужасу, обнаружили, что скрывается за ним, стажер подошел к делу с практической точки зрения. Он знал, что здесь скрывается богатство неизмеримо большее, чем весь его уже очень внушительный капитал. Ему оставалось только покорить находившуюся за Щитом силу и заставить ее работать на себя. За Щитом стали следить. Но покорить эту силу так и не удалось. Чтобы смириться с рабством, раб должен бояться своего хозяина. Этот Пленник не знал страха. Вообще.

Блестящие белые вспышки, словно рыба, резвящаяся на мутной поверхности моря...

Сердце Бредлоуфа так и подпрыгнуло от резкой вспышки яркого света, хотя он и знал, что Щит абсолютно непроницаем. Можно взять одну молекулу и расширить ее. Еще немного расширить. Можно сделать ее больше — еще и еще больше, — но нельзя нарушать естественное равновесие частиц. У тебя есть Щит. Он сдержит любой натиск, противостоит даже ядерной энергии высочайшей силы. Но у тебя есть и дверь, ведущая в высшее измерение. Дверь, закрытая на засов. Нет, это

скорее похоже на небьющееся стекло. Стекло, которое высшее измерение превращает в тюрьму, сжимая его в ограниченном пространстве (закон противоположностей, который уравнивает давление, созданное расширением первой молекулы). И тогда высшее измерение заковано в крошечные пределы. Оно и его обитатели оказываются в ловушке, не в состоянии двигаться или выбраться из нее.

Блестящая белизна на желтом, словно кошачий глаз...

Нет, его отец никогда так не сидел. Он был слишком деятелен, чтобы предаваться меланхолии. Когда шла вторая сотня лет заключения Пленника, старик — вероятно, с большой горечью — осознал, что никогда не сможет покорить его и заставить работать на себя. Шли годы, и он продолжал держать его за Щитом только потому, что его освобождение означало бы гибель его семьи, а возможно — и всего человечества. Пленник стал бы искать отмщения — окончательного и беспощадного. Ко времени совершеннолетия Алекса к этому страху перед Пленником добавилось чувство моральной ответственности. Прогресс и благосостояние Империи зависели от содержания Пленника в плену. В глубине сознания у него все-

гда таился страх, что существо сбежит. Временами этот страх накатывался на него волной, и тогда ему хотелось выбежать на улицу и во весь голос поведать всем о заключенном под Щитом чудовище. Но это Бредлоуфы поймали чудовище в ловушку. И теперь на них возложит обязанность вечно наблюдать за ним. А возможно, и дольше.

Алекс подошел к Щиту и приложил ладонь к бурлящим за ним протуберанцам.

— Как ты, — произнес он, обращаясь к существу, — стало таким?

Когда рука его касалась Щита, он мог общаться с Пленником посредством мыслей. В его голове отдаленно слышались едва различимые слова:

Выпустименя, выпустименя...

— Как ты стало таким?

Выпустименяотсюда, выпустименяотсюда...

Это был его непрекращающийся вопль. Иногда Пленник изрекал угрозы, от которых кровь стыла в жилах. Но они оба знали, что угрозы эти невыполнимы. До тех пор, пока его сдерживает Щит. И он не получит ответа на вопрос: «Как ты стало таким?» Не сегодня. Как-то раньше существо ответило, думая, что чего-то этим достигнет.

— Как ты стало таким?

И оно сказalo: «*Я всегда было таким...*»

Они лежали на гидрокроватях, в уютном и просторном гостиничном номере. Ложе Гноссоса находилось рядом с дверью, чтобы Сэму, если тот захочет выйти, пришлось бы перебираться через него. Мягкий, приглушенный свет, сладкий вкус вина во рту. Наступило время для стихов:

Взгляни в окно,
Погляди сквозь пургу.
Век печали,
Младенцы в снегу.
Взгляни в окно,
Где в пыльных морях
Время лежит,
Повержено в прах.

Потом подошло время сна. Вино было выпито, стихи прочтены, и комната погрузилась в темноту. По крайней мере, на время...

Им приснился сон. Сон про пустой склеп и гниющие трупы. Только одно тело поднялось и двинулось к выходу. Но откуда ни возьмись налетели демоны, схватили тело, швырнули его на трупы и приказали ему оставаться мертвым. Всегда и везде стонущие, истекающие слюной демоны...

Тут Хуркос потерял нить чужих мыслей, и все трое, как один, мгновенно проснулись в холодном поту. Приглушенное мерцание ламп вдруг показалось каким-то зловещим.

— Опять не мой сон? — спросил Сэм.

— Он передан тем, кто заложил в тебя гипнотические команды. Очень издалека.

Однако запах гниющей плоти перенесся в реальную действительность.

— Ну что же, — проворчал Гноссос, поднимаясь с постели. — Мне теперь уже не заснуть.

Сэм и Хуркос согласились с ним.

— Давайте продолжим осмотр достопримечательностей. Может, нам уже недолго ждать следующей команды.

— Куда пойдем? — спросил Хуркос. — Далеко? У меня до сих пор ноги болят.

— Недалеко, — заверил его Гноссос.

Но они уже знали, что один шаг великана мог сойти за два, а то и за три, а небольшая прогулка, обещанная поэтом, грозила превратиться в утомительный марафон.

— Тут есть пара неплохих местечек, где можно посидеть. Одно из них как раз за углом. Называется оно «Преисподня».

Глава 8

«Преисподня» оказалась баром. Но не просто баром, а копилкой необычных ощущений. Все здесь было приспособлено для того, чтобы вызвать определенную сенсор-

ную реакцию. Из ниш и альковов выплы-
вали, окутывая помещение, серебристо-мо-
лочные клубы дыма, иногда просто для эф-
фекта, иногда чтобы скрыть полураздетье
фигуры танцовщиц. Доски на полу неожи-
данно откидывались, и из отверстий, как
черт из коробочки, неожиданно выскакива-
ли клоуны в малиновых, красных, желтых и
белых костюмах — в зависимости от настро-
ения посетителей. Блестящие ткани пере-
ливались разнообразными оттенками, в со-
ответствии с вашими ощущениями. Пол,
стены и потолок вращались с разными ско-
ростями и в противоположных направлени-
ях. То и дело вспыхивали вертящиеся фона-
ри. По комнате носились симфонии запахов,
доводя завсегдатаев до синестезии, когда му-
зыка доставляла неописуемое наслаждение
органам обоняния. В воздухе голубым тума-
ном разливался эротический аромат, щеко-
ча ноздри и связывая все ощущения в одно
пульсирующее, благоухающее целое.

Они заняли свободный столик в углу. Ро-
бот-официант поставил им выпивку, как
только Гноссос сделал заказ, набрав его на
серебряных клавишиах, и опустил в прорезь
нужное количество монет. Они сидели, при-
хлебывая прохладные напитки и разглядывая
присутствовавших в баре посетителей.

— А что в этом заведении такого особенного? — спросил Сэм, задыхаясь от тяжелого аромата духов. — Оно ничем не отличается от вестибюля «Гранд-отеля» или десятка других подобных местечек.

— Погляди на людей, — загадочно произнес Гнессос.

Сэм поглядел. Ни одеждой, ни поведением они ничем не противоречили тому, что было принято в Империи. О чем он и сказал Гнессосу.

— Присмотрись к ним получше, — ответил тот. — Посмотри на их лица.

Сэм перевел взгляд на людей, сидевших поодаль. И увидел. Чем дольше он смотрел, тем яснее и очевиднее становилось отличие этих людей от тех, кого ему приходилось встречать сегодня на улицах. Но что же это такое? Сэм порылся у себя в памяти, ища что-нибудь похожее, какое-нибудь подобие, которое помогло бы ему передать увиденное словами. Он уже готов был сдаться, когда его вдруг осенило. Взгляд на их лицах поразительно напоминал глаза нетопырей, которых держали в вольере в зоопарке. В естественных условиях нетопыри двигались быстрее, чем молния по грозовому небу. Они казались глазу бешено вертящимися, смазанными всплохами. А загнанные

в вольер, они прижимались лбами к стеклянным стенам и тоскливо глядели туда, где была свобода, движение, желая снова сделяться молниями, обрести то, чего их лишили.

— Я понял, — сказал он Гноссосу.

— Это ненатуралы.

— Те, кто...

— Те, кто хочет убивать, — докончил за него Гноссос. — Они родились дефективными, их психика искорежена жаждой убийства, всепожирающей алчностью и крайним эгоизмом. Правительству ничего другого не оставалось, как только взять и превратить их в сверхощущенцев... Если они ударят кого-нибудь, то сами чувствуют боль. Только в десять раз сильнее. И любая причиненная ими боль многократно отдает по их нервной системе. Если они помогают кому-нибудь, то чувствуют доставленное другим удовольствие. Если они убьют кого-нибудь, то почувствуют агонию и предсмертные судороги в десять раз острее, чем их жертва. Никто не в состоянии это выдержать. Вот почему они не убивают и не причиняют боли другим.

— А выглядят они вполне нормально, — покачал головой Сэм.

— Внешне. Внешне, Сэм. Но внутри...

— Он знает про ненатуралов, — вмешался Хуркос, — но не знает про муэ. Любопытно.

— Поразмыслим над этим за стаканчиком, — сказал Гноссос, делая новый заказ.

Он опустил монеты в прорезь. Но напитки вопреки ожиданиям не поднесли. Он стукнул разочек по стоявшему поблизости роботу-официанту, а потом зычным голосом подозывал живого бармена, который, сидя за стойкой, протирал стаканы. Его лицо начиняло багроветь, как в тот раз, когда Сэм врезался в его корабль. Но и Сэм, и Хуркос уже знали, что это был лишь притворный гнев, напущенный для того, чтобы позабавиться, приняв разъяренный вид. Бармен открыл дверцу в стойке и пересек зал почти такими же быстрыми и уверенными шагами, как обычно ходил Гноссос. На лице его застыло напряженное выражение загнанного вольер нетопыря.

— Эта штука сломана! — рявкнул Гноссос. — Верните мне мои деньги.

— Вот, пожалуйста, — сказал бармен, бросив поэту три монетки. — А теперь вам всем лучше уйти отсюда — будьте добры.

— Почему? — спросил Сэм. Он уже второй раз за это время столкнулся с откровенной грубостью — первый раз с христиани-

ном, а теперь с ненатуралом. Это его озадачило.

— Это бар не для натуралов.

— Ничего натуральнее этого хамства я не встречал, — пробормотал Хуркос.

Бармен проигнорировал это замечание.

— Нас должны обслуживать в любом месте, — возмутился Гноссос. — В Империи нет сегрегации натуралов и ненатуралов.

Бармен перенес вес тела с ноги на ногу — то ли он действительно немного испугался, а может быть, просто избрал другую линию поведения.

— Я прошу вас об этом для вашей же собственной безопасности. — Теперь в его глазах отчетливо читались страх и беспокойство.

— Вы мне угрожаете? — удивленно спросил Гноссос. — Здесь что, дикари собирались?

— Я не угрожаю. Я же сказал, это в ваших собственных интересах. Это все из-за него — вон того.

Они проследили взглядом за пальцем бармена, дернувшимся в направлении стоявшего в дальнем углу человека. Незнакомец держал в руке стакан желтой жидкости, отхлебывая ее без видимых усилий большими глотками, и, ополоснув ею рот, как зубным эликсиром, отправлял ее себе в глотку. Он

был огромен, почти так же широк в плечах, как Гноссос, рыжеволосый и красноглазый. Там, где у Гноссоса намечался жирок, у него бугрились мышцы. Его руки, покрытые узлами мускулов, могли, казалось, разнести на кусочки что угодно и кого угодно. Его сжатые в кулаки мохнатые руки разжимались лишь затем, чтобы схватить стакан с выпивкой.

- Кто это? — спросил Гноссос.
- Черный Джек Буронто.
- Вы, наверное, шутите, — сказал Хуркос, плотнее вжимаясь в сиденье стула. — Разыгрываете нас.
- Его зовут Генри Буронто, но ему чертовски везет в играх, поэтому его и прозвали Черным Джеком. К тому же он носит при себе дубинку, которую называет «Черный Джек».

Многие ненатуралы носили при себе грубое оружие, изнемогая от желания пустить его в дело, но никогда на это не осмеливались из-за боли, которая десятикратно усиленным эхом отдалась бы по их сверхчувствительным нервам. Гноссос глядел на Буронто как завороженный. Вот человек, непохожий на других. Любой поэт, разумеется, если он хоть чего-то стоит, видит людей насквозь. И если его привлекает что-то необычное, он

в тот же миг перестает быть пресыщенным гуру и превращается в наивного ученика. На таких необычных вещах поэты оттаскивают свое воображение. Буронто был необычен. Вот человек, которому улыбалась Фортuna за карточным столом. Вот человек, сильнее которого, возможно, нет на Земле (если не считать, конечно, самого Гноссоса — поэт недостатком самомнения не страдал). Вот человек, которого все почему-то боятся.

— Он опасен, — сказал бармен.

— Опасен, потому что носит дубинку и выигрывает в карты?

— Нет. Опасен, потому что способенпустить дубинку в ход. Он способен всех вас троих стереть в порошок — вот так. — Бармен сделал жест руками, как будто разрывая салфетку. Он поискал на их лицах какой-нибудь признак слабости, затем снова перевел взгляд на Буронто.

Буронто, как по сигналу, двинулся с места и зашагал прямо на них.

— Уходите, пожалуйста, — повторил бармен.

— Может быть, нам действительно лучше уйти? — предложил Сэм.

— Зачем? — спросил Гноссос. — Ты что, дубинки испугался? Он не причинит нам вре-

да. Вспомни, если мы почувствуем боль, он ощутит ее в десятикратном размере.

— Но... — начал было бармен.

— Вы говорили обо мне, — произнес Буронто, приблизившись к их столику. Голос его был похож на трель канарейки — высокий, нежный и мелодичный.

Все трое недоуменно переглянулись. Из бычьей глотки снова раздался тоненький голосок:

— Так что вы обо мне говорили?

Сэм, не в силах больше сдерживать себя, расхохотался. Вслед за ним и Гнессос разразился громоподобным смехом. Хуркос изо всех сил старался себя пересилить, не желая выходить из напущенного на себя меланхолического настроения.

Буронто снова заговорил:

— Прекратите смеяться надо мной!

Слово «смеяться» он произнес так высоко, что голос у него сорвался. Тут не выдержал и расхохотался и Хуркос.

— Прекратите смеяться! — снова крикнул Буронто.

Но напряжение, владевшее всеми тремя, достигло предела. После столкновения с жеleoобразной массой они так и не могли полностью успокоиться и расслабиться. И потому находились на грани срыва. Постоянное

ожидание чего-то странного и неожиданного до предела источило нервы, превратив их в проволоку, готовую загудеть от малейшего прикосновения. Так что голос Черного Джека Буронто — вернее, птицы трели, служившие ему голосом, — явился последней каплей, переполнившей чашу их нервного напряжения. Они заливались как сумасшедшие и не могли успокоиться, так что слезы текли у них по лицу. Хотя так дико хохотать было, собственно, не над чем.

— Не надо, перестаньте, не надо, перестаньте, — как заклинание повторял нараспев бармен.

— Заткнитесь! — пискляво рявкнул Буронто.

С губ у него текла пена. Лицо покрылось белыми пятнами... Опустив гигантский кулак на стол из искусственного дерева, он снес с него все стаканы. Но это лишь вызвало у них новый приступ хохота. Хуркос прислонился к Гноссосу, а Сэм, подывая, запрокинул голову назад.

Черный Джек пробормотал какие-то неразборчивые слова, значение которых потонуло в бурлящем потоке гнева. Сцепив руки в один огромный кулак, он со всего размаха обрушил его на крышку стола, разломав ее на две части, которые еще мгнове-

ние простояли на расщепленных ножках, а затем все сооружение посыпалось на колени троих натуралов. Смех прекратился.

Теперь Буронто походил на разъяренного хищника. На его лице, равномерно окрашенном в красный цвет, появились отвратительные синие прожилки. Его оскаленные зубы покрывала пена. Скрежеща зубами, он изрыгал неразборчивые проклятия. Он был зол, как черт, да и сам черт, появись он в этот момент, не мог бы его остановить. Вцепившись в стул Хуркоса, он выхватил его из-под муэ и с размаху швырнул его об пол.

— Какого черта? — произнес Гноссос, обращаясь к бармену. — Он, конечно, ненатурал, но ведь он же еще и сверхощущенец.

— Да, он сверхощущенец! — крикнул бармен, косясь одним глазом на Черного Дже-ка, который продолжал колошматить стулом Хуркоса о стену, с каждым ударом наливаясь яростью, пока она, казалось, не наполнила его до краев. — Он сверхощущенец и чувствует боль жертвы. Но такого ненатурала докторам не встречалось. Он мазохист!

Краска схлынула с лица поэта, когда до него дошел смысл сказанного.

— Так, значит, ему нравится быть сверхощущенцем, потом что...

— Потому что ему нравится испытывать боль, — докончил бармен.

Со столом было покончено. От него осталась лишь груда щепок, и нечем было колотить о стену, которая, кстати, тоже пострадала. Черный Джек Буронто мог, наверное, не моргнув глазом, убить сотню людей. Или тысячу. Он двинулся к ним, пробираясь через обломки. Он отбрасывал в сторону все, что попадалось ему на пути, — столы, стулья, лампы и роботов-официантов. Ринувшись на Хуркоса, он наградил его ударом кулака, от которого маленький муэ, кубарем перелетев через стол, свалился на пол, подняв вокруг себя облако стеклянных осколков.

Гноссос выступил навстречу разъяренному Буронто, намереваясь обуздить его, но он был натуралом. Он был не в состоянии поднять руку на своего собрата, как бы этот собрат того ни заслуживал. Будь Буронто животным, было бы проще. Но он был человеком, а за тысячу лет здравомыслия Гноссос разучился наносить удары даже тогда, когда у него возникало к этому побуждение. И Буронто мощным апперкотом поверг поэта на землю. Пока Гноссос и Хуркос с трудом поднимались на ноги, Черный Джек отшвырнул попавшийся ему на пути стол и приблизился к Сэму.

Из дверей начали появляться завсегдатай, старавшиеся спрятаться за какие-нибудь устойчивые предметы. В драку они ввязываться не собирались, но и такое шикарное представление не хотели пропустить. Размахивая бутылками, они свистом и улюлюканием подзадоривали Буронто.

И в этот момент до Сэма дошел второй гипнотический приказ...

Грохочущий звук заглушил шум в баре. Глаза Сэма вспыхнули. На мгновение он застыл в нерешительности, словно ни он, ни его таинственный повелитель не контролировали полностью его преобразившуюся сущность. Затем он решительно направился к выходу. Буронто, увидев это движение и ошибочно расценив его как отступление, заревел и бросился к двери, пробираясь через раскиданную по полу мебель, и оказался там раньше Сэма.

— Не торопись, приятель! Сначала я тебя отколочу!

Он замахнулся на Сэма гигантским узловатым кулаком...

И внезапно согнулся пополам, получив от Сэма удар в живот, способный сокрушить стену. Тот, кто управлял телом Сэма, очевидно, ничего не имел против насилия. Великан охнул, пошатнулся, но все же ухит-

рился схватить Сэма за плечо. Сэм поднял ногу, резко повернувшись, вырвался из рук Буронто, вмазал ему ногой пониже пояса, и тот опустился на колени. Тогда Сэм, пройдя мимо ненатурала, исчез за дверью.

— За ним! — воскликнул Гноссос. — Он получил следующий приказ!

Перепрыгнув через ловившего ртом воздух Буронто, они выскочили из бара. Но окутаные ночной тьмой улицы были безлюдны. Сэма и след простыл.

Глава 9

Вокруг него по невидимым трубкам переливалась вода, химические и смазочные вещества. Вернее, не невидимым. Материально не существующим. Жидкость была заключена в трубки из энергии. Не тяжелые, ненадежные, подверженные разрушению металлические конструкции, а чистая первозданная энергия была приспособлена для этой работы. Булькающие потоки жидкости переливались из одной части гигантской машины в другую, быстро и эффективно обслуживая блочный механизм. Эта машина поддерживала Щит, и он боялся, потому что она казалась такой хрупкой. Он знал, что энергия, если ей при-

дать необходимую форму, служит лучше материальных деталей, которые могут со временем износиться или сломаться из-за технических недочетов. И все же все эти текущие через пространство жидкости и каждая из них жизненно необходима для поддержки Щита...

Щелк!

Бредлоуф повернулся.

Щелк!

Снова повернулся!

Щелк-щелк-хлоп, т-ш-ш-ш-ш.

Эти звуки вызывали у него беспокойство; каждый из них он воспринимал как сигнал о неполадке. Ладно, он посмотрел на него. Теперь можно уходить. Подойдя к двери, он замешкался и огляделся по сторонам. Снова послышались щелчки и приглушенное хлюпанье. Если он будет прислушиваться к каждому звуку, то сойдет с ума. И, не давая смехотворной мысли, что скоро все рухнет, сковать леденящим ужасом его сознание, Бредлоуф быстро вышел из зала и закрыл за собой дверь. Неохотно и все же с огромным чувством облегчения он вернулся к себе в кабинет.

Теперь приказы в голове Сэма молниеносно сменяли один другой. Между исполнением одного и поступлением следующего про-

ходило не более нескольких секунд, за которые он обретал контроль над собой и припоминал, кто же он такой. Он полностью забывал, в чем заключался предыдущий приказ, и с головой погружался в исполнение следующего, не успев даже как следует оглядеться по сторонам.

Теперь он стоял в большом зале, полном машин. И это приводило его — или, вернее, его хозяина-гипнотизера — в беспокойство. Кругом одни машины и механизмы. Жужжащие, шипящие, булькающие. Он проник сюда, взломав дверь. Вообще в Надежде теперь почти никто не запирался. Преступления не совершились, и в замках не было необходимости. Но дверь на этот этаж была на запоре. Последний полученный им приказ состоял в том, чтобы взломать ее и явиться в этот зал, где жидкость текла по невидимым трубам и деловито фыркали машины. Но что он сделал раньше? И что ему предстоит совершить?

На него опять обрушился беспорядочный грохот, и он двинулся с места...

Когда он пришел в себя, пакет, который он держал под мышкой, исчез. У него не хватило времени рассмотреть его. Он не знал, что было в этом пакете. И что он с ним сделал.

На него опять обрушился беспорядочный грохот, и он, повинуясь приказу...

Бредлоуф потер кулаками глаза, выдвинул ящик стола и нащупал рукой пузырек со снотворным. Достав его, он сунул две капсулы в рот и проглотил, не запивая водой. Закрутив на пузырьке крышечку, он достал пачку успокоительных таблеток. Он готовился проглотить одну из них, когда дверь, распахнувшись, с оглушающим скрежетом слетела с петель. Там стоял человек, смотревший перед собой пустыми, невидящими глазами и, подобно фокуснику на сцене, делал пассы вытянутыми вперед руками. Кончики его пальцев светились и пульсировали недоброй энергией.

Из-под ногтей показались стрелы.

Иголки сна.

Они вонзились в Бредлоуфа, разнося по его телу красное тепло, и темнота сковала его, не позволив даже вскрикнуть...

Когда Сэм снова обрел власть над своим телом, первое, что привлекло его внимание, было упавшее на письменный стол обмякшее тело человека — очевидно, он потерял сознание. Внешне он выглядел расслабленным, но каждый его мускул был так напряжен, словно, когда он очнется, его ждал смертный приговор. А еще перед ним был экран. Он на минутку окрасился густым, иссиня-черным цветом, а потом вспыхнул

россыпями ослепившего его оранжевого, кремового и белого.

Подойдя к экрану, он пристально вгляделся в него. Вверх и вниз по его позвоночнику пробежал неприятный холодок. Как будто цвета были живыми и рвались наружу.

— Что вам нужно? Кто вы?

Голос раздался как гром в тишине. Он подскочил, сердце у него бешено заколотилось. Но говорили не цвета, говорил человек. Сэм подошел к столу.

— Меня зовут Сэм. Я...

— Что вам нужно? Зачем вы со мной это сделали?

— Что сделал?

— Я не могу двинуться с места, черт вас возьми!

Сэм в нерешительности оглядел помещение, воображая сцену, которая здесь, вероятно, имела место быть.

— Я вас парализовал?

Тонкие губы Бредлоуфа двигались, а глаза вращались, как шарикоподшипники в хорошо смазанных пазах. Но остальные части его тела были словно вырезаны из дерева, жесткие и неподвижные.

— Да, вы. Вы выстрелили в меня чем-то из-под ногтей. Что вы за человек?

Сэм поднял руки и оглядел их. Ногти были черными, как будто находившиеся под ними кусочки плоти сгорели дотла, оставив черные ямы. Он потер один ноготь, но цвет не стерся — он был определенно не на поверхности.

— Кто вы такой? — На этот раз голос Бредлоуфа перешел в крик, в каждом его слове сквозила охватившая его смертельная паника.

— Я не знаю, — произнес наконец Сэм. — Я могу вам чем-нибудь помочь?

Бредлоуф шумно дышал.

— Да! Сходите за помощью!

— Я не могу, — сказал Сэм. Он стоял на ковре, переминаясь с ноги на ногу и чувствуя себя лицемером и обманщиком.

— Почему? Почему не можете?

— Оно не пустит меня.

— Оно?

Он вкратце рассказал всю историю — про желеобразную амебу, про гипнотические команды. Когда Сэм закончил, глаза его собеседника расширились, но все равно они были малы для помещавшегося в них ужаса.

— Пленник! — прохрипел он.

— Что?

— Пленник за Щитом. Это он вами командует!

Сэм инстинктивно повернулся к переливающимся разноцветным волнам.

— Так, значит, они живые!

Бредлоуф разразился смехом, и Сэм не в силах был его остановить. Это был не тот смех, которым они с Хуркосом и Гноссосом смеялись в «Преисподней». Это был смех отчаяния перед неотвратимостью катастрофы. Он это чувствовал, но остановить Бредлоуфа не мог. И отправиться за помощью тоже был не в состоянии. Его ноги донесут его до двери, но выйти ему не удастся. Ментальный заслон удерживал его в пределах комнаты. Его память начала постепенно расчищаться, и он вспомнил, что еще он сделал, когда вошел в это здание. Он заложил в находящийся внизу механизм какое-то взрывное устройство. Это, наверно, был механизм, обслуживающий этот... Щит.

— Тысячу лет, — выкрикнул Бредлоуф в перерыве между приступами дикого хохота, — тысячу лет оно пыталось освободиться все время одним и тем же способом, и мы решили, что оно слишком примитивно, чтобы выдумать что-то новое. А оно, значит, только притворялось глупым, чтобы лишить нас бдительности. И у него это получилось. Как раз когда мы почувствовали себя в безопасности, оно со смехотворной простотой

берет тебя и приводит сюда. Тысяча лет для Пленника — как для нас один день. — Он снова хрюпlo рассмеялся.

На верхней губе у Сэма выступили капельки пота. Он стер его и обнаружил, что прош потел весь насовсем. Холодным потом страха. Тысячу лет за Щитом. И оно просто вошло людей за нос, используя время, чтобы обмануть их. Долгие века для него ничего не значили. Сэм глядел на него с глубочайшим отвращением. Являются ли разноцветные краски его истинной сущностью или же это лишь созданные Щитом эффекты? Сэм решил, что, скорее всего, занимательные картины — это маска, не имеющая ничего общего с его природой. *Оно* конечно же не может быть таким красивым и жизнерадостным. Со дна поднялась голубая клякса, похожая на вопросительный знак на неоновой вывеске...

Неоновая вывеска!

Он вспомнил, что видел ленту из двадцати футовых неоновых букв, опоясывавшую верхушку Дома Бредлоуфов. Возможно, что пульт управления находится здесь. Если так, то он может набрать сообщение для Гноссоса и Хуркоса. Они наверняка его сейчас разыскивают. Они не смогут не заметить такую огромную неоновую надпись. Если они находятся в этом квартале...

— Пульт управления вывеской, — полуovo-просительно произнес он.

— Что? — Глаза Бредлоуфа метались в глазницах, как загнанные в клетку животные.

— Рекламная вывеска. Световая надпись. Как управлять световыми буквами?

— А что?

— Где пульт управления? — В голосе Сэма неожиданно для него самого появились командные нотки.

— Основной пульт находится в главном вестибюле, но у меня в кабинете тоже есть щит — вон там, в стене.

Найдя его, он воткнул вилку в розетку и начал печатать послание, которое будет выведено на наружную панель огромными светящимися — красными? желтыми? синими? — буквами. Он решил пустить алые слова по черному фону. ГНОССОС, ХУРКОС...

— Какой это этаж? — спросил он Бредлоуфа.

— Верхний.

ВЕРХНИЙ ЭТАЖ. КАБИНЕТ УПРАВЛЯЮЩЕГО. ПРИХОДИТЕ НЕМЕДЛЕННО. СЭМ.

Теперь надо ждать. Он зашагал взад-вперед по ковру, время от времени пытаясь выбраться за дверь, но каждый раз обнаруживая, что это ему запрещено гипнотическим

внушением. Наконец друзья явились. И потребовали объяснений.

Сэм объяснил им все, что мог, рассказал о заложенной внизу бомбе, которая разрушит механизм, сломает Щит и освободит Пленника, кем бы этот Пленник ни был. Он объяснил им, где она находится, как ее вынуть и как с ней обращаться. Гноссос и Хуркос со всех ног бросились вниз. Он отсутствовали, казалось, целую вечность — времени хватило, чтобы выстроить тысячу всевозможных предположений о том, что могло бы произойти, если бы бомба взорвалась. Когда он уже готов был считать их дезертирами, они вернулись с бомбой и часовым механизмом, неся их, словно дорогую хрустальную вазу.

Сэм осторожно отсоединил провода, открутил верхнюю часть оболочки и выпил летучую жидкость в находившееся за письменным столом Бредлоуфа единственное в кабинете окно. Когда он повернулся и сказал: «Все в порядке», четверо человек одновременно с облегчением вздохнули.

— Значит, вот что это такое! — сказал Гноссос, первым прия в себя. Он прошелся туда-сюда по залу, остановившись у Щита, чтобы потрогать его. — Вот это существо, которое управляло тобой. Но если оно заклю-

ченко за Щит, как ему удалось тебя загипнотизировать? И как оно соорудило этот корабль с начинкой из «желе»?

— Думаю, что я... мог бы пролить на это свет, — проронил Бредлоуф. Он все еще был парализован, но его пальцы уже начали подергиваться. Воздействие сонных игл начинало ослабевать.

Они одновременно повернулись к нему.

— Какой свет?

— Он... — начал Бредлоуф.

— Сэм, — представился Сэм.

Бредлоуф благодарно мигнул.

— Да, Сэм. По-моему, у вас у всех сложились ложные представления. Пленник не гипнотизировал Сэма. Он его не похищал. Сэм — создание Пленника.

— Создание? — фыркнул Гноссос.

— Да. Пленник создал Сэма в своем воображении и воплотил воображаемое в конкретную сущность. Возможно, это произошло во время последнего большого взрыва энергии Пленника.

— Какая чушь!

Бредлоуф сделал попытку покачать головой, но у него лишь затряслись губы и дрогнули глаза.

— Нет. Пленник сосредоточился, собрал все силы и сформировал человека и корабль.

На корабле не было машин, так как машины чужды сознанию Пленника. В некоторых местах, благодаря искажению внешнего измерения, через Щит можно пропустить мысли и создать Сэма и корабль.

— Но почему он не смог сам пропустить себя в одном из этих мест? — спросил Хуркос.

— Не смог, потому что у него не оставалось на это энергии. Понимаете, он гораздо, намного больше, чем корабль и Сэм вместе взятые, бесконечно большой. Он сам — все высшее измерение целиком.

Оранжевые птицы порхают над сине-зеленым океаном...

— Одно существо — целое измерение?

Бредлоуф кашлянул.

— Если это существо Бог, то да. А Пленник Щита и есть сам Бог.

Глава 10

— Бог! — крикнул Гноссос.

Хуркос подошел к Щиту и прижал лицо к экрану, следя за цветными разводами, которые закручивались в затейливые спирали, складывались в букеты и окрашивались новым цветом. Здесь находилось существо, на

которое молитвы не действовали. Технология с успехом заменила веру.

— Значит, сны, — произнес Гноссос, поворачиваясь к ослепительным вспышкам на экране, — которые оно посыпало Хуркосу, были снами параноика, снами существа, одержимого охотой на демонов.

В голове Сэма крутился ночной кошмар, где в долине сомнения поднимались почти неодолимые вершины неверия.

— И машины были вовсе не машинами, потому что Бог — не создатель машины. Бог — создатель жизни, создатель человека, который производит машины. Бог смог воспроизвести внешний вид машины, но единственный способ, которым Он мог заставить ее заработать — это наполнить ее живой начинкой — желеобразной массой, — чтобы сымитировать работающий механизм.

— И Бог боялся машин, потому что они находятся за пределами Его возможностей. Он боялся муэ и проигнорировал их существование, когда обучал тебя, потому что они созданы не Его властью, они — результат присвоения человеком Его прав.

— Тысячу лет, — прошептал Бредлоуф.

— Как вы могли это выносить? — спросил Гноссос, отворачиваясь от Щита. — Как вы могли сидеть здесь, зная об этом?

— Иногда, когда я выходил отсюда и шел по улицам, вдыхая свежий воздух, мне казалось, что я никогда больше не вернусь обратно. Но когда мне приходило в голову, насколько хуже будет, если Он вырвется отсюда...

— Конечно, — сочувственно произнес Гноссос. — За тысячу лет люди постепенно стали разумнее, они порвали связь со своим варварским прошлым. И все потому, что Он был заточен в это искаженное измерение и не мог ни на что повлиять. Не так ли?

Бредлоуф вздохнул. Теперь он уже мог сжать руки в кулаки и сидел, разминая пальцы.

— В точности так. Мой отец думал, что может поработить Пленника и заставить его работать на семью. Он знал, кто это такой. Но мы так и не смогли Его покорить. Стало ясно, что нам уже никогда нельзя Его выпускать. Вначале, разумеется, это было только в интересах безопасности нашей семьи. Тогда бы Он изничтожил всех Бредлоуфов — это было в его власти. Затем, по прошествии нескольких сотен лет, когда мы увидели, во что превращается Империя, насколько больше здравомыслия в человеке и организованном им управлении, мы осознали, что безобразие нашей жизни — во многом — дело рук Божь-

их. У нас была еще одна серьезная причина держать Его взаперти. Если Он вырвется на свободу, — Бредлоуф наконец смог помахать рукой, — то снова начнется война. Голод, которого мы никогда не знали. Болезни. Эпидемии. Нам остается только одно: держать Его в плену.

— Разрешите поправить. Вам остается только одно: освободить Его!

Прозвучавшие слова заставили всех повернуть головы к дверям. Там стоял человек — судя по бороде, христианин. За ним стояло еще с десяток других — грязные, небритые, одетые в потрепанные лохмотья. Среди них был старик, с которым у Гноссоса завязался спор, — с того времени, казалось, прошла целая вечность. Теперь он улыбался, и табличек на нем не было. Он сделал шаг вперед.

— Не чудо ли это? Бог избрал нас своими освободителями!

— Как они?.. — начал Бредлоуф, пытаясь оторвать от стула свое онемевшее тело. — Как они здесь оказались?

— Это я им велел прийти сюда! — крикнул Сэм.

В памяти у него всплыли все гипнотические команды. Приказания Бога высветились с предельной отчетливостью. Он один

за другим произнес все приказы, которым следовал после прибытия в Надежду: «Найди храм и скажи христианам, что семья Бредлоуфов держит Бога в пленах в Доме Бредлоуфов; я извергну из твоего рта пламя, чтобы убедить их в правдивости твоих слов. Купи следующие химические вещества и оборудование: эфир глицерина, азотную кислоту, часы, моток двадцатишестимиллиметровой медной проволоки и маленький строительный детонатор. Изготовь бомбу. Затем проникни в Дом Бредлоуфов, заложи бомбу в подвале к насосу АЗА45. Затем с помощью наркотических стрел обездвижь Алекса Бредлоуфа III».

— Значит, это он сказал христианам. Они явились сюда по его зову.

— Ты не виноват, — сказал Гноссос.

По этажам здания, сотрясая стены, пронеслась взрывная волна. Христиане ломали поддерживающие Щит машины. Они заложили новые бомбы, чтобы совершить то, что бомбе Сэма сделать не удалось.

Пол покачнулся еще сильней от второго взрыва...

И Щит дрогнул...

...и отлетел...

Бредлоуф издал душераздирающий вопль, прервав его на середине, когда из дыры в

стене вылетела черная миллионноглазая птица с медными когтями и, подхваченная порывом холодного ветра, ринулась на него. Казалось, зал увеличился в размерах до десятка галактик. Он как будто сам сделался микрокосмосом. И вместе с тем это помещение, в котором они находились, переполнялось существом вне их измерения, поэтому с другой стороны оно необычным образом сжалось до размеров маленькой каморки.

Перемешались верх и низ.

Звезды померкли и пожрали сами себя.

Тьма шершавым языком слизала свет.

Сэм метался по созданному Богом и лишенному Бога пространству, натыкаясь на огромные перья, гонимые ветрами, то холодными, как лед, то горячими, словно сердце вулкана. Он бросался из стороны в сторону, сопротивляясь надвигающейся черноте, которая тянулась к нему липкими щупальцами. Тут он увидел Алекса Бредлоуфа. Сначала он увидел его с содранной кожей и кровоточащего. Потом он увидел его почерневшим и обуглившимся. Угли превратились в темных птиц, которые, вонзившись в тело всемогущей черной птицы, снова оживили его. Он увидел, как из истлевших ноздрей Бредлоуфа вырвалась молния, и черви пожрали его чер-

ный язык. Он увидел, что в наказание ему посланы все мыслимые и немыслимые адские муки. И с ужасом ждал момента, когда Бог обратит свой гнев на всех остальных и раздерет их печень на части своими острыми клыками и когтями.

Перья упали с Бредлоуфа, черные слипшиеся перья. Своим клювом птица-Бог выщипала перья, оставляя на их месте зияющие дыры, из которых сочился желтый гной...

Не осталось ни тепла, ни холода.

Все вытеснил ужас.

Тут внезапно, без всякого предупреждения, в его мозгу раздались слова. Он услышал знакомый голос Хуркоса:

«Послушай, послушай меня. Я Его вижу. Я вижу Бога!»

«И я Его вижу!» — мысленно возопил Сэм.

«Нет, я хочу сказать, что вижу Его своим психоническим зрением. В Нем ничего нет! Он совсем маленький!»

«Объясни!» — это крикнул Гноссос.

«Он совсем крошечный. Он не всемогущ. Зал не увеличился. Бредлоуф не сожжен и не съеден червями. Бог пытается запугать Бредлоуфа до смерти. Его единственное оружие — страх и иллюзии. У Него ничего больше не осталось. Он растерял все силы. Наверное, после долгих лет заключения и последнего

всплеска энергии, который понадобился, чтобы создать Сэма. Он опустошен».

«Но что же тогда происходит?» — подумал Сэм.

«Он нас водит за нос! Я сейчас пошлю вам истинную картину. Я гляжу сквозь его обманы и иллюзии. Я вижу. Телепатирую вам».

В мгновение ока все в зале стало на свои места. Бредлоуф не обуглился. Но он и в самом деле был мертв. Глаза его были пусты, как у рыбы. Обеими руками он держался за сердце. Оно, наверное, отчаянно взывало о помощи. Если его вовремя отвезти в больницу — здесь, в городе, — чтобы поставить новое сердце, пока не начал разрушаться мозг, то он снова будет жить.

— Где? — спросил Гноссос.

Тогда они увидели это существо, висевшее на краю Щита. Маленькое, розовое, бесформенное создание. Оно послало вместо себя Сэма лишь по той причине, что у человека вышло бы лучше, чем у него самого. На минуту на них снова нахлынули видения, но Хуркос с помощью своей более сильной энергии прогнал их. Затем муэ поднял стул и обрушил его на розовую улитку. Еще раз, еще и еще раз. Он колотил с яростью, которую Сэм в нем раньше и не подозревал.

И Хуркос убил Бога.

Глава 11

Бредлоуф вошел в бар, на мгновение задержался у двери, поискав их глазами и, увидев, улыбнулся. Он умер всего лишь семь часов назад, но сейчас снова выглядел здоровым и бодрым. Собственно говоря, таким бодрым он давно уже не выглядел. Он пробирался через толпу, время от времени останавливаясь, чтобы обменяться рукопожатиями со старыми друзьями, уже прослышавшими о его недавнем приключении. Наконец он добрался до их столика и присел на свободный стул.

— Я по дороге проходил мимо церкви. Христиане собирают пожитки и выселяются из своих домов в подвалы. Мне было как-то неловко на них смотреть. Их жизни теперь потеряли всякую цену.

— Теперь в них могут стрелять, и они останутся невредимыми, — сказал Хуркос.

За долгое, долгое время он впервые по-настоящему расслабился. Он полностью удовлетворил свое желание отомстить — на большее он не мог и надеяться. Сэм сначала опасался, не повредился ли Хуркос психически, потому что он, в конце концов, совершил убийство. Но он убил не человека. В этом было все дело. То, что он убил, находилось

рангом ниже человека, то есть на самом деле являлось животным.

— Они смогут жить вечно.

— Некоторые из них — возможно. Но не забывай, что они старики. Им по пятьдесят — шестьдесят лет, в то время как всем нам не больше тридцати. Не очень-то приятно в эру вечной молодости пребывать в преклонном возрасте.

— И смешно и трагично, — сказал Гноссос, отхлебнув из стакана. — А вы как себя чувствуете?

— Как нельзя лучше, — ответил Бредлоуф, нажимая кнопки с названиями напитков на клавиатуре робота-официанта и безуспешно пытаясь отвести руку Гноссоса, опускавшую в машину монеты.

— Еще бы, — сказал Хуркос. И добавил: — Гноссос, я сегодня убил Бога. Выйдет из этого эпическая поэма?

— Я как раз размышлял на эту тему, — ответил поэт. — Но лучше бы Он был Голиафом. Что героического в том, чтобы раздавать жалкого слизняка?

Сэм, осушив свой стакан, поставил его на стол.

— Пойду прогуляюсь, — произнес он, вставая. — Скоро вернусь. — Прежде чем кто-нибудь успел заговорить, он повернул-

ся к двери, пробрался через толпу и вышел наружу.

Ночь уступала место рассвету; горизонт уже окрасился золотистой полоской зари.

— С тобой все в порядке? — спросил Гноссос, выходя следом за ним.

— Я не болен, если ты это имеешь в виду. Просто немного не в себе.

— Да. Да, я знаю, что ты хочешь сказать.

— Цель жизни: превзойти своего создателя. И вот...

— А с чего ты решил, что прогулка тебе поможет? Я, например, собираюсь напиться.

— Да-а, — протянул Сэм. — Но ты же знаешь, что и это тоже бесполезно. Может, и я потом напьюсь. Но сейчас я хочу пройтись.

— Хочешь, я пойду с тобой?

— Нет.

Сэм сошел с тротуара на мощенную камнем улицу. Дороги здесь были кривые, ибо законы предписывали сохранять в первозданном виде эстетические традиции старой Земли, хотя при этом дороги в Надежде были гораздо чище и лучше приспособлены для передвижения. Он забрел на улицы, которые завязывались узлом, извиваясь между причудливыми старыми зданиями и петляя среди растущих в парке редких деревьев. В его мозгу теснились воспоминания о находив-

шейся у Бредлоуфа за Щитом камере, всплывали картины холодной пустоты. Он все еще не мог избавиться от прохладного ощущения ерошившего ему волосы ветра из пустого резервуара.

Он шел по парку, где вдали блестело озеро. Волны мягко ударялись о пристань. Время от времени раздавался всплеск — это била хвостом рыба. Где-то лаяла собака. А ему на ум приходили вопросы.

Кто он такой?

Кем он был раньше?

И куда — куда же! — он направляется?

Часть вторая

ПОЛЕТ ДУШИ

И станет человек на рас-
путье между старой дорогой
и новой...

*Составлено по записям
в дневнике Эндрю Коро*

Глава 1

Когда-то давно, вскоре после того, как кровь моей матери быламыта с улиц нашего городка, а ее тело сожжено на погребальном костре за городом, я пережил то, что психологи называют «психотравмой». Мне это кажется очень удачным термином.

Чтобы понять, что именно со мной произошло, нужно знать, какие события всему этому предшествовали. Посреди ночи явились горожане, схватили мою мать, обезглазили, засунули в ее безжизненный рот крест, вырезанный из черствого хлеба, и сожгли ее тело на костре из кизилового дерева. Мне тогда было пять лет.

Это были времена, когда люди еще убивали друг друга, когда Надежда еще не успела сделаться столицей нашей галактики и сфор-

мировать общество, где один человек не убивает другого и где правят здравый смысл и справедливость. Это было тысячу лет назад, век спустя после Первой Галактической войны, до того, как Комбинат Вечности дал нам бессмертие. И что хуже всего, это произошло на Земле. Остальная часть галактики по-тихоньку вставала на ноги, осознавая, что шовинистические мечты, которые сотни лет будоражили человечество, вряд ли когда-нибудь сбудутся. Мысль о Надежде родилась в лучших умах, как последняя возможность выживания того, чем должен являться человек, мечта о бесцарствии, незамутненная Утопия, последний шанс, но шанс, лучше которого у человечества не было. А земляне все продолжали охотиться на ведьм.

Чтобы спрятать меня от тех, кто готов был размозжить мою голову только из-за того, что моя мать умела поднимать карандаши (только карандаши и кусочки бумаги!) силой мысли, мои дед с бабкой заперли меня в своем доме в кладовке. Я навсегда запомнил эти запахи: нафталин, старые резиновые сапоги, пожелтевшая газетная бумага. Стоит мне закрыть глаза, и я явственно представляю развесанные кругом пасти шерсти и пряжи, пучки трав и воображаемых злых пауков, ко-пошающихся в темноте.

Я плакал. Что же мне еще оставалось делать?

На третий день охотники на ведьм решили, что я сгорел в доме во время пожара, потому что меня они так и не нашли, а моему деду они доверяли — он для виду охотился вместе с ними и ждал, когда все немного успокоятся. И вот на третий день меня выпустили из кладовки и привели в гостиную. Бабушка поцеловала меня и утерла мне слезы серым холщовым передником. В тот же день ко мне пришел дедушка, что-то пряча в своих грубых, мозолистых руках.

— У меня для тебя сюрприз, Энди.

Я улыбнулся.

Он раскрыл ладони, и в них оказался маленький черный, как уголь, комочек с блестящими бусинками-глазами.

— Цезарь! — воскликнул я.

Цезарь был азиатским скворцом, каким-то непостижимым чудом спасшимся от устроенного мракобесами побоища.

Я кинулся к дедушке и, подбегая к нему, услышал, как птица чирикнула, повторяя услышанные слова: «Энди-малыш, Энди-малыш». Я остановился, не в силах пошевельнуться, как будто к ногам привязали пудовые гири, и уставился на Цезаря. Он захлопал крыльями. «Энди-малыш, Энди-малыш, Эн...»

И тут я отчаянно закричал.

Крик вырвался из моих легких непроизвольно, сорвался с губ и эхом прокатился по комнате. Птица своим чириканьем передразнивала слова моей матери, точь-в-точь повторяла ее интонации. На меня нахлынул поток воспоминаний: от теплой кухни до сожженного трупа, от сказок на ночь до обезглавленного, безжизненного тела. Добрые воспоминания перемешались с дурными, перепутались, сплелись в одно целое. Я повернулся и выбежал из гостиной. Следом захлопнул крыльями Цезарь.

Дед тоже побежал за мной, но мне казалось, это уже был не мой дед, а один из тех мракобесов, что кидали камни в окна нашего дома, требуя смерти моей матери.

Я ворвался в кладовку, слетел вниз по ступеням, ударившись о бетонный пол, чуть было не сломал шею, непрестанно отмахиваясь от преследовавших меня, как в кошмарном сне, крыльев и оранжевого клюва. Я заперся в комнатушке, где хранился уголь, а Цезарь бился снаружи в толстую дверь. Когда наконец ко мне вломился дедушка, я стоял на коленях, пригнув голову к полу, и, не в силах больше кричать, что-то хрипло шептал. Локти и колени у меня были ободраны о серый бетонный пол, на кото-

ром красным горошком простили капли крови.

Меня уложили в постель, успокоили, вылечили, а потом отослали подальше от Земли к тетке, которая жила в другой Солнечной системе, где люди взрослели быстрее. Я вырос, стал одним из первых участников проводимых Комбинатом Вечности опытов и пережил Цезаря, деда, охотников за ведьмами и всех остальных.

Годы спустя, на одном приеме у конгрессмена Хорнера, какой-то психолог объяснил мне, что у меня психическая травма, вызванная смертью матери и моим нынешним ее восприятием. Я сказал ему, что «травма» — дурацкое слово, и пошел танцевать с хорошенькой девушкой.

Теперь, по прошествии стольких лет, я испытывал почти такой же страх, как и тогда, когда мне было пять лет и три дня назад погибла моя мать. Это был страх смерти — душный, липкий, всепоглощающий. В начале охоты на меня всегда нападает страх. И не важно, что я отправляюсь на охоту уже в двухсотый раз — мне никуда не деться от знакомых ощущений. Если меня убьют в этих джунглях, Комбинат Вечности не подоспеет вовремя, чтобы оживить меня. Если я умру, то так и останусь мертвым. Очень надолго — навечно.

Зачем же рисковать? Не странно ли, что в нашей обширной галактике, где можно найти так много разнообразных занятий и способов заработать на жизнь, кому-то пришло в голову выбрать такое опасное дело, как охота на зверя? Но ничего не происходит без причины. В действиях человека, поскольку он является частью природы, всегда присутствует какая-то логика. Он, как правило, может дать им объяснение. Иногда, правда, это объяснение вызывает новые вопросы... У Дикого, во всяком случае, была веская причина отправиться на эту охоту: зверь убил его брата, который ходил на него в прошлый раз. Дикий жаждал мести. Настроен он был решительно — совсем как Гамлет. Лотос была с нами потому, что не могла нас оставить, зная, что мы подвергаемся опасности. Иначе она сошла бы с ума. А я? Отчасти из-за денег. За этого зверя обещали щедрый куш, треть которого по праву принадлежала мне. А кроме того, я родился на Земле и на меня повлияло извращенное сознание этой планеты. Мне нравилось убивать. Зверей, конечно, как вы понимаете. На своего собрата я никогда не поднял бы руку. Но звери... Ну, звери другое дело...

Погрузив в летун последнюю камеру, я поглядел на своих спутников.

— Лотос! Дикий! Пошевеливайтесь!
— Ладно, ладно, — проворчал Дикий, спрыгивая с крыльца дома для гостей.

До завершения экспедиции мы жили на земном ранчо конгрессмена Хорнера под присмотром его помощника, Сэма Пенуэля, человека с очень большими странностями. Конь, в котором было триста пятьдесят фунтов живого веса, предпочитал не наступать своими копытами на скользкие полированные ступени из блестящего пластстекла. Да, его полное имя — Дикий Конь, хотя, собственно, при рождении его нарекли Джексоном Линкольном Эйнштейном — в честь знакомого генерала, знаменитого президента и гениального ученого. Но мы все звали его Дикий Конь — в первую очередь за его дикий нрав — ну и, конечно, потому, что он был очень похож на лошадь.

Дикий был естественным мутантом, а не продуктом искусственных утроб. На Земле когда-то очень давно разразилась ядерная война, последствия которой оказались на всей цивилизованной галактике. Через несколько поколений на свет появился Дикий — мускулистый, подвижный, с лохматой головой и лошадиным задом. Но, заметьте, не зверь, а человек, причем незаменимый в такой экспедиции.

— Где Лотос? — спросил я.

— Ягоды собирает. Ты же ее знаешь!

— Что он знает? — спросила Лотос, выпорхнув с порывом ветра из-за забора на своих нежно-голубых полупрозрачных крыльшках. — Что ты тут говорил у меня за спиной, Дикий?

Дикий Конь, переступив с копыта на копыто, умоляюще сложил руки.

— Что же можно сказать за спиной у создания, у которого такие большие уши, моя хорошая?

Лотос опустилась на траву рядом со мной. Проведя пальцами по нежным, удлиненным, как у всех эльфов, ушам, она поглядела на Дикого.

— Ты на себя посмотри... Если бы у меня на голове висели два таких раздувшихся пузыря, я бы воздержалась от подобных замечаний.

Дикий заржал, тряхнув огромной головой, чтобы своей пышной гривой прикрыть торчащие в стороны уши.

Лотос удовлетворенно произнесла:

— Надеюсь, что я не опоздала.

— Вся беда в том, — сказал я, обнимая ее за тонкую талию (двенадцать дюймов) и оглядывая ее крошечную фигурку (четыре фута одиннадцать дюймов), — что мы можем

прождать тебя весь день и не рассердиться — и ты это прекрасно знаешь.

— Потому что я самая симпатичная девушка в округе, — сказала она, кокетливо стрельнув зелено-голубыми глазами.

— Потому что кроме тебя на ранчо вообще нет женщины, — пробормотал Дикий.

— А коней, Дикий, кроме тебя я вообще никогда не встречала, — улыбнувшись, произнесла она таким тоном, что он не знал, рассвирепеть ему или рассмеяться. Сама же она залилась смехом.

Вот такой была наша Лотос. Забавная смесь из рождественских свечей, новогодних хлопушек и ярмарочных шаров, что позволяло ей легко и быстро перемещаться в пространстве. Она была одним из лучших специалистов-ботаников, занимавшихся пост-А-военными растениями, и, кроме того, экспертом по воздушной разведке, поскольку могла лететь впереди, приземляться туда, куда нашему летуну никогда бы сесть не удалось, и сообщать обо всех опасностях и интересных находках, которые ожидали нас на пути. Вы скажете, зачем же нужен ботаник в охоте на зверя? Верно, мы, как правило, занимались животными-убийцами, которые причиняли беспокойство небольшим поселениям на сельскохозяйственных

(со времени войны) планетах. Но время от времени встречались растения не менее смертоносные, чем звери.

На Фаннере-II были ходячие растения, которые, учуяв proximity теплокровное существо (зачастую человека), кидались на него, опутывали корнями, всю ночь прорастали в него, поглощали богатые белком ткани и с рассветом уходили прочь — довольноые, подросшие на несколько дюймов, с новыми побегами — до следующего наступления темноты. А это происходило на Фаннере-II каждые девять часов. Так что Лотос порой была нам просто необходима.

— Нам пора двигаться, — сказал я. — Я хочу установить эти камеры до наступления темноты.

— После вас, Бабочка, — произнес Дикий, отвешивая самый учтивый поклон, на который только был способен, учитывая его не вполне человеческую конституцию, и делая рукой куртуазный жест.

Лотос облачком впорхнула в летун. За ней последовал Дикий, а последним вошел я, закрыв за собой дверь. В рубке располагалось три кресла — посередине сидела Лотос, я пилотировал.

Летун — это круглый шар, состоящий из независимых друг от друга наружного и внут-

ренного корпусов. Таким образом, столкнувшись, как, например, это однажды случилось на Капистрано, с восемнадцатифутовой летучей мышью, можно позволить ей растерзать наружный корпус на кусочки и даже не почувствовать этого и нисколько не сбиться с курса. Двигатели и система управления находятся во внутреннем корпусе.

Я дернул за рычаг, поднял летун в воздух и взял курс на джунгли, росшие вокруг Харрисбургского кратера. На экранах возникло изображение леса: отвратительные гниющие заросли, на опушках — серо-зеленые папоротники с толстыми листьями, опутанными паутиной с налипшим на нее коричневым пометом. Потом пейзаж сменился: папоротники были вытеснены гигантскими деревьями, такими же серыми и безжизненными.

— Ты почти ничего не рассказал о том звере, что убил Гарнера, — сказал Дикий. Гарнер был его братом. Двойняшкой, хоть он, в отличие от Дикого, и имел совершенно нормальный человеческий облик.

— Я стараюсь об этом не думать.

— Расскажи нам, — попросила Лотос, заворачиваясь в легкую ткань своих крыльышек, словно в накидку. — Расскажи нам о том, что ты узнал от мистера Пенуэля.

— Гарнер — не единственная жертва. Всего в тех четырех отрядах было двадцать два человека. Двадцать из них больше не вернулись.

— А еще двое? — спросила Лотос.

— Спасательные экспедиции нашли их — разорванными в клочья.

Под нами простирался серо-зеленый лес...

Пролетев еще миль пять и очутившись над лесом, где преобладали огромные сучковатые деревья, я разыскал небольшую полянку и посадил на нее летун. Лотос полетела вперед, чтобы присмотреть, куда бы еще можно было установить камеры и пусковые механизмы к ним. Если что-то появляется в десяти футах перед объективом камеры, она начинает снимать. Конечно, нам предстояло запечатлеть на пленку массу всякой всячины, но того, кого мы искали, не трудно было заметить. Мы слышали его описание от трех человек — все трое говорили, что он приблизительно восьми футов роста, человекообразный и отвратительный. Первой и последней характеристике соответствовали многие, но человекообразных среди зверей было немного. Однако ни одно из этих описаний никоим образом не объясняло, почему двадцати двум опытным охотникам не удалось его уничтожить.

Дикий устанавливал объектив и протягивал ко мне провод, прикрывая его тонким слоем пыли. Я маскировал камеру среди кустов и камней. Оба мы стояли спиной к одному и тому же участку леса.

Это было ошибкой...

Глава 2

Дикий услышал бы первым, но уши его все еще были закрыты густыми лохмами, мешая его обычно острому слуху. Когда же его услышал я — подозрительный щелчок и яростное шипение, — он уже собирался на нас прыгнуть. Я вскинул ружье...

Прицелился... Проклятье, какой он огромный. Большой и бесшумный — нам не так уж редко встречалось такое сочетание. Паук смотрел на нас сквозь кроны деревьев с высоты в тридцать футов, с отвисшим животом, похожим на огромную грушу, который в свою очередь был прорезан злобно оскаленным слюнявым ртом, сжимавшимся и разжимавшимся над нами, словно огромные клещи. Никакого пищеварительного тракта. Просто раскрыл рот — и а-ам! Меня тошнит от пауков. Это довольно распространенная мутация, и они всегда мерзки и отвратитель-

ны. От этого меня тошнило больше, чем обычно. Все его тело было покрыто отвратительными злокаческими струпьями, а густо растущие на лапах волосы слипались от гноя.

— Не стреляй пока! — крикнул я Дикому.

Но он не нуждался в моих указаниях. Ему не раз приходилось видеть, как эти существа, реагируя на выстрел, прыгали и проглатывали державшего ружье. Большой паук не столь велик, каким кажется, потому что если подожмет свои мохнатые ноги, то уменьшится в размере до пятнадцати футов и превратится в шарик, который может, перекатываясь, погнаться за тобой. С пауком нужно обращаться бережно и нежно, пока не приготовишься убить его наверняка. Иначе он убьет вас первым.

— Камни, — тихо сказал я, следя за уставившимся на меня взглядом фасетчатых глаз.

Мы очень медленно и осторожно, на цыпочках, прокрались вдоль валунов, за которыми я спрятал камеру...

Паук следил за нами, поворачивая свою до странности крошечную голову, где под глазами у него росли тонкие волосинки. Кроме этих волосинок ничего не шевелилось — он, казалось, окаменел. В долю секунды — времени не хватило бы даже на то, чтобы вспомнить, как

тебя зовут, — он мог начать двигаться быстрее самого быстроногого человека.

Камни, вдоль которых мы пробирались, были на самом деле древними развалинами, образовавшимися после А-взрыва, сровнявшего с землей город Харрисбург, являвшийся тогда столицей округа. Теперь от него осталось обширное нагромождение пещер и стен из кирпича и камня, густо посыпанных известью.

Паук осторожно и бесшумно переставил мохнатую лапу и издал звук, похожий на сипение расстроенной гармони.

Мы подошли к тому месту, где в стене виднелся разлом, ведущий в узкую ложбину длиной четыреста футов, на другом конце которой находился вход в темный туннель, углубляющийся дальше в развалины, — в этот туннель такому зверю было не пролезть, но мы с Диким там могли поместиться.

— Давай, — прошептал я. — Бегом!

Добравшись до разлома, мы шмыгнули в ложбину и скрылись с глаз паука. Дикий был у туннеля первым. Когда нужна скорость, его ноги — просто подарок судьбы, но — о Боже! — посмотрели бы вы на него, когда он пытается танцевать!

Я был уже на полпути к туннелю, когда появился паук. Взобравшись на стену, он

глядел на нас обвиняющим взглядом огромных, мерцающих красным огнем глаз. Еще бы — ужин ускользнул. Нехорошо. Потом вылезло брюшко с открытыми и щелкающими челюстями. Щелк-щелк! Щелк!

Ф-сс-ш-ш-ш... Дикий, открыв огонь из вибропистолета, зацепил одну из его лап. Паук, отдернув свою конечность, отчаянно завертел ею. Дикий снова выстрелил и снес животному другую лапу. Она огромным шнуром повисла на камнях, продолжая извиваться, не ведая о том, что уже отделена от тела.

Я бежал.

Паук опустился в ложбину.

Я отчаянно напряг легкие и голосовые связки, чтобы поторопить Дикого.

Тот снова выстрелил и вспорол зверю бок. Но кровь у пауков не идет, а дырка величиной с кулак этого малыша остановить не могла.

Кроме того, в спешке мы позабыли еще одну очень важную вещь: туннели иногда оказываются обитаемыми. Когда Дикий снова поднял пистолет и прицелился в паучью голову, из туннеля, извиваясь, выползло розоватое червеобразное существо и, защищая свое жилище, выпустило жесткие трехдюймовые иглы, одна из которых вонзилась Дикому в руку, отчего он, пошатнувшись, упал на землю и выронил оружие.

Паук издал хриплый вопль, покачивая головой и клацая челюстями.

Червяк, превратившийся теперь для нас в гораздо более непосредственную опасность, зашипел, выгнулся покрытую панцирем спину и бросился вперед, дергаясь рывками, и метал иглы, которые могли пронзить камень. Я побежал к Дикому, чтобы оттащить его к стене, где звери не могли бы напасть со спины. Но тащить конеподобного человека весом в триста пятьдесят фунтов — чертовски трудно.

Я склонился над Диким Конем, повернувшись спиной к пауку, и вытащил шип из его руки. Рука сильно кровоточила. Очень много крови. И нечем было ее остановить. Я повернулся к червяку, ища у него на теле уязвимое место. Живот его был покрыт панцирем, но два передних сегмента приподнимались кверху наподобие «бегущей» змеи. Я прицелился в эти два мягких сегмента из вибропистолета и спустил курок. Червь дернулся, подскочил, несколько раз перевернулся, выпуская новые иглы, просвистевшие у нас над головами. Когда я закончил стрелять, он упал на землю и замер.

Но оставался паук...

Он успел перелезть через стену, воспользовавшись задержкой, которая понадобилась нам, чтобы разделаться с червяком. За ним

тянулась нитка паутины, прикрепленная другим концом к валуну. Он приготовился поймать нас в сеть.

Дикий застонал, дернул копытом и снова потерял сознание. Черты лица его исказились, кровь заливалась все тело.

Паук кинулся на нас.

Быстро переступая мохнатыми лапами, он бесшумно скользил по земле.

Я выстрелил.

Его лапы мгновенно поджались, превратив паука в шар, который откатился назад, как комок пыли, гонимый ветром. После этого он надолго застыл в неподвижности, и я уж было грешным делом подумал, что он мертв. Но наконец он шевельнулся, встал и, прижавшись к каменной стене, принял наблюдатель за мной, выбирая момент для атаки. Я тоже не шевелился, стараясь предугадать его следующее движение. Но я не ожидал, что он с такого расстояния выплюнет в нас паутиной, похожей на струю жидкого дыма. Она неторопливо ползла по направлению к нам, извиваясь, как вылепленная из тумана змея. По-видимому, паук мог направить две струи одновременно, потому что к нам приближались сразу две змеи. Одна ударила о стену слева и, оттолкнувшись от камня, взвилась вверху; вторая попала в противоположную

стену на той же высоте и закрепилась, зацепившись за неплотно прилегавшие друг к другу камни. Затем зверь начал плести паутину, протягивая нити от стены к стене, затягивая нас в свою сеть.

Я сел на землю, прислонившись спиной к Дикому, и снова нашупал курок пистолета. Сеть паутины упала мне на руку. Пришлось потратить несколько драгоценных секунд, освобождая пальцы и пистолет от липкого месива. Когда я снова поднял оружие, паук уже успел продвинуться на пятьдесят футов вперед. Я выстрелил. Но паутина была столь плотной, что поглотила выстрел. Частично я смог ее растворить. И все же паук плел сеть быстрее, чем я мог ее разрушить.

Еще одна нить упала мне на спину. Другая закрутилась вокруг правого уха, сползла по плечу и оплела меня за талию. Дикий был покрыт паутиной почти полностью. Я снова выстрелил в нее. Паутина поглотила выстрел. Растворилась. На ее месте появилась новая. Паук отчаянно зашипел и завизжал, уже больше не таясь, торжествуя, уверенный в победе. Вокруг меня оплелось еще несколько липких струй, привязывая руки к груди. Еще. Еще. Меня помещали в кокон. Я выронил пистолет, потому что кровь не поступала больше в руки, пальцы онемели и не могли держать оружие.

Еще одна липкая нить легла мне на лоб — я ощутил ее прохладное прикосновение — и забилась в глаз.

Другая, извиваясь, оплела губы, залезла в нос и застряла там, щекоча мне ноздри.

Дикого уже не было видно под белым сугробом из серебряной пряжи.

Паук сжался перед прыжком...

Глава 3

Лотос в минуту опасности? Беспомощная, перепуганная девчонка? Нет. Лотос совсем не такая. Лотос — девушка, которая появляется из-за деревьев в ту минуту, когда паук готов пожрать ее друзей, и кидается на зверя, потому что у нее нет ружья.

Почему нет ружья? У нее есть нож, вот почему. Она держит его за поясом. Видна только разукрашенная рукоятка — до тех пор, пока она не пустила его в дело. А как обращаться с ножом, ей объяснять не надо.

Я, оплетенный паутиной, наблюдал, как черный мохнатый мутант спускается ко мне по выстроенной им серебристой дороге. И тут на фоне утреннего неба появилась она и сразу же приступила к делу. Опустившись пониже, она с полсекунды раскачивалась в не-

решительности, а потом спикировала зверю на затылок. Лотос обхватила его ногами за шею, оседлала, как дикого мустанга, и поскакала верхом, как ковбои скачут на настоящих конях на ранчо Хорнера. Паук дико завращал глазами, пытаясь увидеть ее, но для этого ему не хватило кругозора. Как раз в тот момент, когда он повернул их до предела, она вонзила ему в левый глаз серебристое лезвие по самую рукоять.

Паук встал на дыбы.

Поток липкой жидкости внезапно прекратился, и зверь, покачиваясь, засеменил назад по наклонной серебряной плоскости, издавая звуки, похожие на верещание расстроенной трубы. Он как пьяный шатался из стороны в сторону. Я хотел крикнуть, предупредить Лотос, что эта тварь может покатиться по земле и подмять ее под себя, но мой рот был зажат быстро засыхающей паутиной, а двинуть руками, чтобы освободиться от нее, я тоже не мог.

Лотос вытащила нож и поразила им второй глаз. Паук, заметавшись, кинулся к стене, но был не в силах, мучаясь от раздирающей боли, перелезть через нее. Спотыкаясь во внезапно наставшей для него тьме, он ковылял от одного камня к другому, пытаясь найти выход, и не находил его. Тогда он превратился в шар и покатился.

— Лотос! — завопил я. Но через оболочку на моих губах вырвался лишь приглушенный хриплый шепот.

Но она уже была в воздухе и отчаянно била крыльями, пока ее не подхватил легкий ветерок. Тогда она расправила крылья и стала парить над волосатым шаром, наблюдая за агонией паука.

Он умер. Не сразу, медленно. Один раз он чуть было не наткнулся на собственную паутину и не свалился на нас с Диким. Когда он затих, Лотос осторожно спланировала на краешек паутины.

— Энди! Дикий!

Я попытался крикнуть. Вместо крика из паутины раздался низкий глухой гул.

— Я тебя слышу! Сейчас я тебя раскопаю.

«Да здравствуют ее продолговатые уши», — подумал я.

Она принялась рубить ножом серебристые волокна. Через некоторое время, пробравшись ко мне, она освободила меня от гадости, спутавшей мне руки и заткнувшей рот. Мы вместе откопали Дикого и были готовы к самому худшему.

Но все оказалось не так уж плохо. Он все еще не пришел в сознание, но паутина, обложившая рану от иглы, остановила фонтирующую кровь.

— Придется нам лететь назад, — сказал я.
— А как же камеры?
— Мы успели установить только две.
— Закончи работу.
— Я не могу...
— Закончи работу, — настойчиво повторила она. — Я поглядела, что там впереди. Иди полмили по главной тропе, и тебе попадется на пути шесть перекрестков. Если установить на них камеры, у нас будет достаточно информации, чтобы понять, часто ли здесь появляется зверь. И будь добр, сначала доставь сюда летун — я возьму там аптечку и позабочусь о Диком.

— Но он, может...

— С ним все будет нормально. В летуне достаточно медикаментов, чтобы оказать ему всю необходимую помощь.

Лотос была хорошей медсестрой; она не раз мне перевязывала раны.

— Ладно, — сказал я. — Через минуту вернусь.

Вернулся я, правда, через четыре минуты, но, когда посадил летун в ложбину, на Диком уже не осталось ни клочка паутины. Я взял камеры, перекинул их через плечо и потащил ношу, рассчитанную на двоих, держа пистолет наготове и зорко поглядывая по сторонам...

Три часа спустя я, пошатываясь, приплелся назад, не скрывая своей смертельной усталости. Лотос и Дикий сидели, весело хихикая над чем-то.

— Неплохой способ отлынивать от работы, — сказал я вместо приветствия.

Дикий поднял на меня глаза и тихонько заржал.

— Если хочешь, можем с тобой поменяться. По мне, лучше расставлять камеры, чем возиться с этой проклятой рукой.

— Как же, как же!

— По-моему, нам пора убираться отсюда, — вмешалась в нашу перебранку Лотос. — Кажется, приближается гроза, а я не хотела бы встретиться с тем, что вылезет во время дождя.

Во время ливня у растений-вампиров на Фаннере-II пробуждался зверский аппетит.

— Хорошо. Ты можешь идти, Дикий?

— Как-нибудь доковыляю.

Однажды люди начинают тебе казаться животными. Лица превращаются в морды. Глаза становятся похожи на матовые бусинки. Уши вдруг обрастают шерстью. Вместо ногтей появляются когти. А ты знаешь, что животных можно убивать: стреляй в них

сколько угодно, только людей не трогай. И ты идешь смазывать ружье... Но ты понимаешь, что просто представляешь их животными в своем воображении, чтобы можно было убить их и отомстить за мать — и таким образом стереть из своей жизни целую главу. В глубине души боишься, что тебе хочется пролить горячую человеческую кровь — приникнуть к свежей ране и насосаться...

Я, должно быть, стонал во сне. Это был старый и давно знакомый сон; сколько я себя помнил, он все время повторялся. Очнувшись ото сна в полутемной спальне, я оказался в объятиях мягких бархатных крыльев, рядом со мной лежало ее легкое тело, губы прижимались к моим...

На следующее утро мы пошли снимать камеры. Рука у Дикого почти прошла (спасибо таланту Лотос и заживляющей мази). Мы надеялись, что к полудню он окончательно поправится и сможет начать охоту — в том случае, если камеры запишут что-нибудь интересующее нас.

А интересного там было немало.

— Не нравится мне это, — проворчал Дикий, в шестой раз прокручивая пленку.

— Ну, нам и не такие страшилища встречались, — ответил я, чтобы приободрить их, а заодно и себя.

Но и это тоже выродок хоть куда. Семи с половиной футов, потяжелее Дикого. Две волочащиеся по земле конечности с шестидюймовыми когтями, а посередине бочкообразной груди — пара дополнительных, меньших по размеру рук. Эти руки беспрестанно требили друг друга, царапались, выискивали насекомых, действуя при этом со странной согласованностью. Рот был настоящей сокровищницей для биолога, интересующегося формами зубов у хищников. На левой части лица у зверя располагался один запавший глаз, а на месте другого зияла недоразвитая глазница. Лицо было покрыто морщинистой кожей, на которой в некоторых местах росли пучки жестких волос.

— По виду он ничуть не опаснее паука.
— Вот и я об этом. Не нравится он мне.
— Как?
— По-моему, — вмешалась Лотос, — Дикий хочет сказать, что *слишком* уж он просто выглядит. Такого простака, каким выглядит этот зверь, взял бы первый же посланный за ним отряд. У него должно быть что-то еще, помимо когтей, зубов и лишней пары рук.

Выглядел он устрашающе. К тому же не следовало забывать о тех двадцати двух охотниках.

— А ты что думаешь?

— Даже не знаю, что сказать, — едва слышно пробормотала Лотос. — Это было бы все равно что устанавливать причину смерти до убийства.

— И что же мы решим? Может, отказать-ся, пока не поздно?

Они оба покачали головами.

— Нам ведь эти деньги пока что не нужны.

— Но там был Гарнер, — возразил Дикий. Улыбнувшись, я выключил камеру.

— Ладно. Давайте начнем. Дикий, как твоя рука?

Он размотал повязку и расправил мускулистую руку. Рана затянулась новой, нежной и упругой кожей. Рука была красная и распухшая, но без шрама.

— Как нельзя лучше. Пора отправляться.

Что мы и сделали.

Глава 4

После короткого, но утомительного перехода мы расположились лагерем неподалеку от того места, где зверя засекла камера. Первой — вечером — на часах была Лотос, потом ее сменил я и, отдежурив половину положенного времени, услышал, что справа приближается некое существо крупнее сред-

них габаритов. Держа наготове пистолет, я вытянулся за густой полосой растительности и затаился. Мои защитные очки с инфракрасными стеклами разгоняли темноту, и видел я, должно быть, не хуже зверя.

Может, лучше бы мне было находиться в темноте. В жизни этот парнишка оказывал гораздо более сильное впечатление, чем на пленке, снятой бесстрастным объективом. В первую очередь камера не уловила легкой пружинистой походки мутанта. Происхождение его я установил быстро: обезьяна. Наверное, когда большой взрыв стер с лица земли город и пригороды, неподалеку находился зоопарк — неподалеку, но на достаточноном расстоянии, чтобы не исчезнуть со взрывом. Остальное доделала радиация. Оставаясь незамеченным, я наблюдал, как зверь вприпрыжку проследовал мимо.

От него изрядно разило потом, несмотря на то что дул холодный ветер.

Поднявшись с земли, я отступил на свою прежнюю позицию. Я пока не открывал огня, потому что хотел сначала прикинуть, сколько выстрелов понадобится, чтобы остановить зверюгу. Я оценил ситуацию и теперь мог ждать, когда он снова появится. Опустившись на землю, краешком глаза я заметил, что зверь вернулся и, стоя в десятке ярдов

от меня, прищурившись, наблюдает за мной. Я мысленно отругал себя за то, что забыл про обезьянье любопытство и хитрость.

Внезапно он бросился на меня.

Я поднял пистолет и выстрелил.

Синий-белый, синий-белый!

Но когда вспышка погасла и ночь снова вступила в свои, на мгновение нарушенные права, обезьяны там не было — ни живой, ни мертвый. Если бы я убил ее, то там лежал бы ее громадный труп. Если бы я ранил ее, она бы так быстро не ускакала. Значит, она жива и бродит где-то поблизости.

Темень стояла непроглядная, даже инфракрасные очки не спасали. Я замер, прислушиваясь. Меня внезапно осенило, что зверь сейчас, возможно, пригнувшись, движется по тропинке за густым кустарником к тому месту, откуда ему проще было бы совер什ить прыжок. Я выбrанил себя за то, что промазал, извиняя себя лишь тем, что зверь слишком быстро двигался и попасть в такую мишень было вообще невозможно. Не дожидаясь, пока он атакует, я стал пробираться назад через кустарник, держа наготове оружие и пытаясь уловить, куда следует целиться.

На расстоянии сотни ярдов от меня, среди полянки, возвышался небольшой бугор-

рок. Если бы мне до него добраться, я бы мог обозревать местность с высоты, обнаружить мутанта, когда он зашевелится, и не дать ему близко подобраться ко мне. Я начал осторожно продвигаться к холмику. Звать на помощь было бесполезно. Не успев достигнуть гряды, отделявшей меня от лагеря, крик полностью растворился бы в глухом лесу.

Ветер был не просто холодным. Он был ледяным и пронизывающим. Я продрог до костей.

Добравшись до холмика, я обнаружил, что это вовсе никакой и не холмик. Полянка была покрыта густым клевером, который на опушке достигал в высоту лишь нескольких дюймов, а к середине становился все выше и образовывал этот самый бугорок в пять с половиной футов высотой, похожий на шляпу гриба. Остановившись, я повернулся, чтобы идти назад, но обострившийся за годы охоты инстинкт самосохранения приказал мне остановиться. Где-то впереди, поджиная меня, засел зверь. Где именно — я не знал, но возвращаться тем же путем было равносильно самоубийству. Единственно правильное решение в моей ситуации — это продолжать отступать через поляну, затем к гряде, перебраться через нее и очутиться в лагере. Я отступил.

Сделать это было гораздо труднее, чем сказать.

Преодолев полпути, по плечи утопая в густой растительности, я услышал поблизости яростное рычание и фырканье.

Я остановился и замер, стараясь даже не дышать. Где-то совсем рядом, спрятавшись под зыбкой поверхностью клевера, двигался зверь и вынюхивал меня. Поддавшись минутной панике, я выстрелил. Выстрел выжег в море клевера открытое пространство размером с человека. Рычание не прекратилось, теперь оно было еще ближе. Я заставил себя успокоиться. От такой бесцельной стрельбы толку мало, она лишь раздразнит зверя.

Вокруг свистел ледяной ветер.

Наконец я увидел то, что искал. Зыбь на поверхности клеверного моря. Если через него двигалось, пригнувшись, такое большое тело, оно должно было оставить след на поверхности. Прицелившись в это место, я...

...метнулся в сторону, чтобы уклониться от прыгнувшего на меня зверя! Чуть было не задев меня, он проскочил мимо и нырнул в клевер, исчезнув в зелени. Я выстрелил в это место, но он был уже далеко. Мое сердце бешено стучало. Я снова внимательно взгляделся в поверхность клеверного моря.

Он снова прыгнул. На этот раз, несмотря на то, что я отчаянно дернулся в сторону, ему удалось зацепить меня когтями. Кровь брызнула из раны на плече, а затем вязким потоком заструилась по телу. Всю руку от плеча до кисти прострелило словно огнем, и я переложил пистолет в здоровую ладонь.

Заставляя себя не обращать внимания на боль, я снова огляделся в поисках зыби на клевере, обозначавшей присутствие противника, уже почти приготовившись к тому, что зверь сожрет меня прежде, чем я его обнаружу. И когда по моим ногам снизу вверх уже поползла сковывающая усталость, я засек его. Тщательно прицелившись, я выстрелил. Зверь выпрямился во весь рост, схватившись за бок, и покачнулся. Дрожа, я выстрелил еще раз и ранил его в ногу. Из раны хлынула кровь. Я снова прицелился.

И тогда вдруг все затуманилось, слилось и превратилось в медленный поток действий, лишь подсознательно отмечавшихся в моем мозгу. Зверь, пошатываясь, пытался уйти... Я не мог выстрелить... Зверь что-то сделал, и я не мог выстрелить... Курок был как каменный... Ночь поглотила его... Я потерял сознание.

Потом я увидел солнце и услышал пение птиц, надо мной склонилось прекрасное

лицо Лотос, она вливала мне в рот что-то теплое. Потом Дикий испортил картину, сунув в нее свою лошадиную морду.

— Что случилось?

— Мы нашли тебя в клевере. Почти мертвым. Что это было?

С их помощью мне удалось подняться. В голове у меня гудело, как после катания на американских горках, потом шум постепенно улегся.

— Я застрелил его. Во всяком случае ранил. Он хотел меня убить.

— Почему же ты его не убил? — спросила Лотос.

— Кажется... он выбил у меня оружие.

— Нет, — возразил Дикий. — Когда мы тебя нашли, пистолет был у тебя в руке. Ты, вероятно, держал его, когда зверь уходил. Ты так вцепился в него, что мы его едва смогли вынуть из твоих пальцев. Почему ты в него не выстрелил?

Я попытался припомнить. Я вспомнил сине-белый витралуч, разорвавший темноту. Потом какое-то восклицание, которое у меня не вырвалось. Потом я не мог выстрелить. Я пересказал им свои воспоминания.

— Гипноз? — недоверчиво произнес Дикий.

— Не думаю. Я не был в трансе. Это что-то... что-то другое.

— По-моему, нам пора рвать когти, — сказала благоразумная Лотос, — иначе мы кончим так же, как Гарнер. Извини, Дикий, но так оно и будет! Нужно заводить мотор и поскорее смыться.

— Нет, — произнес я, стараясь выглядеть бодрее, чем был на самом деле. — Мы возьмем его. Я знаю, что возьмем.

— Но есть и другая работа, более легкая, — возразила она.

— Мы пролили свою кровь, — сказал Дикий. — Когда проливаешь свою кровь на охоте, ты обязан достать зверя, чего бы это ни стоило. Речь идет о мести.

Передернув своими легкими голубыми крыльями, Лотос пронзила меня насеквоздь своим самым ядовитым взглядом.

— И для тебя ведь это значит нечто большее, так, Энди?

— Да, — пробормотал я. Нет смысла скрывать что-либо от Лотос, от ее глаз, которые проникают прямо в душу. — Да, видимо, так. Хотя я не знаю, что именно. — И я снова отключился.

Два дня спустя.

Все мои раны благополучно затянулись. Зверя мы с тех пор не видели, но у нас хва-

тало опыта, чтобы не подумать, будто он уполз и издох в своей берлоге. В нашей работе это опасно: стоит на секунду успокоиться — и тебе конец. Мы решили, что он просто вернулся в свое логово где-то в лесу, чтобы зализать раны. Мы перестали строить предположения по поводу того, почему я не смог убить его, когда имел такую возможность, поскольку это была не самая интересная тема для разговоров. Потом обычно снятся кошмарные сны.

Оставив все относительно тяжелые вещи в летуне, мы нагрузились переносными матрацами, пищей, водой и оружием. В основном оружием. Внимательно изучив следы чудовища (человекоподобные, с четырьмя пальцами, каждый из которых заканчивался острым когтем), ведущие прочь от места столкновения на полянке с клевером, мы углубились в лес. На второй день похода мы нашли место, где он упал и отлеживался, чтобы собраться с силами и пойти дальше. На третий день следы привели нас к Харрисбургскому кратеру — там они заканчивались.

Мы стояли на краю огромной воронки, оставленной суперъядерной ракетой с тройной головкой. Как известно, кратер имеет в диаметре две мили с четвертью. Огромное пространство, испещренное тысячами образовав-

шихся в результате взрыва, воспламенившего горные породы и почву, пузырьков. Во многих местах были разломы, ведущие в неизученный лабиринт пещер и туннелей. Очевидно, одну из этих пещер облюбовал зверь.

— Как же мы его обойдем? — спросил Дикий. — Он такой большой! И скользкий!

— Мы его обязательно отыщем, — сказал я.

Но я не хотел здесь оставаться. Сам не знаю почему, но я приказал всем отступать на ранчо и убираться подальше от этого места. Лотос, конечно, была права: у меня была более веская причина, чем просто отомстить бессловесному животному. На мгновение я почувствовал себя Гамлетом, который бродит по замку и разговаривает с призраком. Но это ощущение прошло. Причина моей целеустремленности скрывалась в той ночи, когда я мог убить его и не убил. Когда он чуть было не убил меня. Но почему? И что все-таки случилось с теми двадцатью двумя?

— Пожалуй, это место ничем не хуже других, — сказала Лотос. — Давайте разобьем здесь лагерь.

Махнув рукой, она показала на тридцатифутовый участок плотной земли между лесом и кратером. Кое-где на безжизненной поверх-

хности между вулканическим стеклом и растительностью пытались пробиться жалкие травинки. У них это не очень хорошо получалось, но хоть что-то радовало глаз в этом жутком месте.

— Ну что ж, здесь мы и расположимся, — сказал я, сбрасывая на землю свою поклажу. — Завтра обыщем пещеры.

Ночь опустилась на нас черным туманом.

На небе взошли звезды, но они не могли сравниться с сияющим полем, раскинувшимся у наших ног. Перед нами на пространстве двух с четвертью миль вулканическое стекло, отдавая дневную жару, переливалось всеми цветами радуги. Синие оттенки носились по его поверхности в погоне за красными, янтарные пятна кружились в хороводе с черными, цепляясь за зеленые прожилки.

Я сидел на краю кратера лицом к лагерю и махал ногами. Дикий все еще доедал свой ужин. Он обычно трапезничал по два часа кряду, причем ни одна из этих ста двадцати минут не пропадала даром. Лотос присела рядом со мной, поджала под себя крошечную ножку и положила голову мне на плечо. От ее прохладных волос исходил сладкий запах. Еще мне было очень приятно, что ее черные как смоль, пряди обвивались вокруг моих ушей и подбородка.

— Как красиво, правда? — сказал я.
По поверхности расплылись оранжево-серебристые разводы.

— Очень, — ответила она, поплотнее прижимаясь ко мне.

Лотос была нашим утешением. Она сплачивала нашу маленькую команду. Мы с Диким и месяца бы без нее не протянули. Я, правда, удивляюсь, как ей, такой хрупкой и крошечной, удавалось утешать большого и неуклюжего Дикого. Но поскольку она всякий раз оставалась цела, этот увалень умел быть нежным и трепетным.

— Ты боишься? — спросил я.

Она вся дрожала, хотя ночь была теплая.

— Ты же меня знаешь.

— Мы его поймаем.

— Ты говоришь так уверенно...

— Мы должны его поймать. Мы же отчаянные ребята.

Я ощутил у себя на шее что-то влажное и знал, что это слеза. Я крепко обнял ее и забормотал: «Ну-ну, успокойся» и все, что обычно говорят в таких случаях. В общем, сидя там, я чувствовал себя неловко и вместе с тем был чертовски счастлив. Лотос почти никогда не плачет. Если она заплакала, значит, она и впрямь очень волнуется за кого-то из нас. Тогда уж ее не остановить,

пока она до конца не выплачется. А когда все пройдет, она никогда не вспоминает о том, что плакала; и вам тоже лучше ей об этом не напоминать.

Итак, она плакала. А я прижимал ее к себе.

Внезапно раздался крик Дикого...

Глава 5

Когда-то очень давно, еще до того, как мне пришлось покинуть родной дом, я сидел у окна на втором этаже, и тут из ночной мглы появились два гигантских красных глаза. Большие, как блюдца, они осветили дом алым светом. Это был джип, покрытый простынями и красным целлофаном и разрисованный под дракона членами организации «Рыцари Дракона за Сохранение Человечества». Мне показалось забавным, что взрослые люди играют в такие смешные игры.

Снизу, из внезапно открывшейся и поглотившей Дикого ямы, глядели малиновые глаза паука, опустившего на глубину в сотню футов свои скрученные веретеном лапы. За этими фарами скрывалось кое-что пострашнее джипа. Гораздо страшнее.

— Дикий! — крикнул я.

— Здесь! Слева!

Я взял у Лотос принесенный из лагеря фонарики и опустил его, освещая круто уходивший вниз туннель. Он тянулся футов на пятьдесят. Вероятно, это логово самки паука. Самки, как правило, смелее самцов. От главного туннеля ответвлялось еще несколько боковых ходов, забитых паутиной и липкими яйцами.

— Она, наверное, подобралась слишком близко к поверхности! — крикнул Дикий. — Я просто наступил на землю. Она заколебалась, подалась, и я провалился.

Он скатился в один из боковых туннелей и запутался в липкой паутине. Паутинъ здесь была другого рода, чем та, в которую нас поймал тот паук. Она служила защитной оболочкой яйцам и поэтому была более толстой и тягучей. Внизу возилась паучиха-мать, уже оправившаяся от испуга и готовая встать на защиту своего потомства.

— Лотос! — крикнул я. — Скалолазные крючья и твой нож! Живей!

Она поднялась в воздух, улетела и почти сразу же вернулась. Я привязал крючья к сапогам и взял ее нож, чтобы прорубать ступени в стенах туннеля.

— Я спускаюсь, Дикий.

— А как же эта страшилина?

— Она вроде бы напугана.

— Эти твари быстро приходят в себя. Лучше тебе сюда не соваться.

— Дикий, ты с ума сошел.

Я начал спускаться по склону туннеля. Пришлось перевернуться спиной к пауку — это было дико неприятно, но спускаться головой вниз у меня бы тоже не получилось. Я каждую минуту был готов к тому, что она сейчас раскроет пасть и кинется на меня.

Время от времени оглядываясь через плечо, я видел следившие за мной красные глаза. Они не мигали. Ни век, ни ресниц.

Когда я добрался до боковой пещеры, в которую попался Дикий, у меня под ногти набилось столько грязи, что больно было рукам. Я разрубил паутину, скатал ее в шарик и забросил его за спину Дикого. Я не хотел бросать его вниз из страха, что он потревожит паучиху и она, раскрыв пасть на животе, бросится наверх. Когда я освободил его руки и голову, он тоже стал мне помогать. Мы быстро убрали остатки липкой нити.

— Ты первый, — сказал я. — Получится у тебя?

— Копыта прекрасно помогают сохранить равновесие.

Он выбрался из пещеры с кладкой яиц и начал подниматься вверх по наклонной плоскости с такой легкостью, словно прогуливался по цветущему саду. Когда он почти добрался до верха, я тоже начал карабкаться. Но наши передвижения потревожили паучиху-мать. Я услышал, как, быстро приближаясь, шуршат ее лапы.

— Я не могу выстрелить, Энди! — вскричала Лотос. — Ты мне мешаешь!

В ответ я начал выкрикивать какие-то слова, которые, наверное, мне лучше было бы держать при себе, и тут мохнатые лапы, обхватив меня за талию, оторвали от стеки. Сопротивляться ее цепкой хватке было бесполезно. Но она не была готова к такому весу. Паучиха покачнулась, потеряла равновесие, и мы оба покатились вниз, завернули по ходу туннеля — она отчаянно дрыгала ногами — и упали с высоты двадцати футов на дно пещеры.

Я сидел верхом на паучихе.

Она завопила. О Боже, какие это были вопли! Они многократным эхом отразились от стен. Несмотря на сумасшедшее биение сердца, я оглядел пещеру и увидел, что, судя по экскрементам, это гнездо, где обитает несколько пауков. Пока что мы здесь были одни, но вопли привлекут других насекомых.

Я почувствовал что-то мокрое и взглянул вниз. Моя нога застряла у нее в кишках. Во время падения она упала на спину, и я оказался верхом на ее брюхе. Челюсти ее подрагивали. Я выдернул ногу и обнаружил, что все еще сжимаю в руке нож. У меня выступила испарина, сердце бешено билось, я думал только о том, чтобы мне не выронить свое единственное оружие.

Паучиха дернула головой, пытаясь сбросить меня. Я ударил ее ножом в глаз, как это раньше сделала Лотос, вытащил лезвие, и из раны хлынул поток слизи. Она завопила, заглушая крики своих сородичей, уже переполнившие пещеру, и в ярости покатилась по земле. Меня отбросило к стене, где я нашел валун и спрятался за него.

Паучиха продолжала танец смерти, неуклюже дрыгая лапами в разные стороны.

Притаившись за камнем, я плотно сжимал поврежденную руку, как будто давление могло облегчить боль, и боялся взглянуть на рану до тех пор, пока не увидел собственными глазами, что паучиха мертвa и больше не бросится на меня. Умерла она не сразу — долго билась в агонии. Когда я наконец посмотрел на свою руку, то заметил, в чем причина боли: из мяса торчал маленький кусочек кости. Голова у меня кружилась, я чувствовал

себя тысячелетним стариком; мне казалось, что я старше самой Вселенной.

Сверху, из туннеля, в который упали мы с паучихой, послышалось громкое шуршание. Голова у меня закружилась еще сильнее, рука горела нестерпимо, в мозгу пронеслись нарисованные страхом многочисленные образы паука-самца, один другого омерзительнее. Я не без труда поднялся на ноги, словно у меня под ногами была тонкая прослойка воздуха, а не дно каменистой пещеры. Мои глаза казались мне раскаленными углями, вставленными в больные глазницы, а голова — куском льда, она таяла. Пошатываясь, я выбрался из пещеры и двинулся к туннелю, в конце которого мерцал свет, надеясь, что он выведет меня из смрадного подземелья. Означает ли этот свет свободу, или же это сияние конца моей жизни?

В конце туннеля я обнаружил разветвление. Стены там становились стеклянными, и туннели извивались лабиринтом под поверхностью Харрисбургского кратера. Меня встретили вспышки бирюзово-малиновых потолков, отражавших мое искаженное болю и страхом лицо словно цветные зеркала. Тысячи моих лиц разных цветов, размеров, форм и структур. Как будто зеркальная комната на карнавале. Реальность отодвину-

лась от меня еще дальше, головокружение и лихорадка усилились. Я повернул вправо, а вместе со мной — тысяча моих изображений, искалеченная армия в коридорах вечности.

Моя рука превратилась в пылающее дерево, корни которого уходили мне глубоко в грудь и оплетали легкие. Задыхаясь, я побрел дальше по извивающимся стеклянным коридорам, зная, что мне нужно как-то выбраться отсюда, но в лихорадке не сообразив, что мне нужно повернуться и направиться назад по собственным следам. И тогда я наткнулся на логово зверя.

Того самого зверя.

Туннель заканчивался углублением, заваленным гниющими обедками обильных трапез. В одной из стен открылся пролом, от которого вверх, к спасительному полукруглому отверстию в дне кратера, вела лестница — неровная, с острыми краями, но которую вполне можно было использовать. Я почувствовал себя человеком, попавшим под лед замерзшей реки и увидевшим наконец у себя над головой полоску проруби. Но путь к спасению мне препрятсвовал зверь. Умирающий, он все же еще не умер.

Я остановился, раскачиваясь из стороны в сторону. На мгновение я подумал, что сей-

час вот упаду на мутанта и буду лежать неподвижно, пока он меня не сожрет. С огромным усилием я слегка разогнал окружавший меня туман — ровно настолько, чтобы быть в состоянии с горем пополам владеть своим телом. Зверь следил за мной, оторвав от земли тяжелую голову, его единственный красный глаз как отвратительный фонарь ярко выделялся даже на фоне причудливо раскрашенных светящихся стен. Он заорал, попытался подняться и взвыл. Нога у него была раздроблена. Моя работа. Он поджал под себя другую ногу и принял сидячее положение, переместив тяжесть тела на здоровую руку и здоровую ногу. Он зарычал. Я увидел, что, даже будучи тяжело раненным и слабым, зверь собирается совершивший прыжок.

Я огляделся в поисках обломка стекла и нашел кусок размером с мой кулак. Я наклонился, чувствуя при этом, как стремительно усиливается головокружение, подобрал его и взвесил на ладони. Отведя назад здоровую руку, я с размаху швырнул им зверю в голову. Вместо этого попал ему в грудь. Я огляделся в поисках другого обломка, а зверь тем временем попытался подняться: бой инвалидов — нелепый, почти смешной, но настоящий бой не на жизнь, а на смерть.

Стены переливались всеми цветами радуги и, когда я делал резкие движения, казалось, приближались и отступали...

Я нашел кусок стекла с острыми краями и размахнулся, чтобы бросить его.

И тут зверь заговорил.

— Пусть Цезарь замолчит! — крикнул он. — Пусть он замолчит!

Я чуть было не выронил осколок. Краски на стенах задергались в сумасшедшем танце. Зверь снова и снова повторял слова как заклинание. А потом бросился на меня.

Если бы зверь оттолкнулся обеими лапами, сила удара была бы гораздо больше. И все же он сбил меня с ног и, когда мы катились по земле, провел по щеке когтями. Освободившись, я откатился к дальней стене. Надо мной был выход.

— Энди! — В отверстии появились головы Лотос и Дикого. Значит, это они шуршали у входа в отвесный туннель, а не самец-паук!

— Пусть Цезарь замолчит! — нараспев повторял зверь. — Пусть он замолчит!

Они застыли как громом пораженные. Дикий уже вскинул ружье и приготовился выстрелить. Теперь он разжал пальцы, не в состоянии выстрелить в существо, столь похожее на человека.

— Убейте его! — крикнул я.

— Он разумный, — возразила Лотос, в замешательстве теребя себя за пальцы.

— Он зверь!

— Он не просто животное, — сказал Дикий, держа в руках бесполезное оружие.

— Это мои слова! — крикнул я хриплым и, вероятно, безумным голосом. — Я говорил это в тот раз, когда стрелял в него в джунглях. Наверное, он и тогда говорил слова, услышанные от других охотников, а я подумал, что он разумен. Вот поэтому я и не смог снова в него выстрелить. Человеку не позволено убивать человека. Но он тут ни при чем! Это не человек, это — скворец-пересмешник.

— Это мои слова! — кричал зверь, подбираясь ко мне по дну пещеры и время от времени осторожно оглядываясь на Дикого и Лотос. Но его уловка действовала. Она связывала им руки. Дикий и Лотос не могли в один миг забыть веками внушавшуюся им заповедь. Он разговаривал, это делало его человеком. И они не могли в него выстрелить.

— Это мои слова! — повторил он.

— Вот видите!

— Вот видите! — раздалось эхо его голоса.

Лотос выхватила у Дикого ружье, прицелилась. Но выстрелить не смогла.

— Держи, Энди! — Она перекинула оружие через зверя. Звякнув, оно ударилось о

стену в пяти футах от меня. Я из последних сил потянулся за ним, каждый дюйм казался мне милей.

И тут зверь оказался на мне.

Я из последних сил лягнул его ногой и, угодив по нижней челюсти, оглушил его. Но он, быстро оправившись, снова бросился вперед и глубоко запустил когти мне в бедро. Я взвыл от боли и снова собрал остатки сил, хотя мое тело говорило мне, что это — конец. Снова лягнув его ногой, я продвинулся еще на несколько дюймов вперед. Мои пальцы нашупали ружье. Странное чувство — казалось, холодный металл накачал меня силой. Я приставил ствол к злобной физиономии и, задыхаясь, обхватил пальцами курок.

— Вот видите! — взвизгнул он, протягивая ко мне длинную волосатую руку.

Азиатский скворец? Мог ли я быть в этом уверен?

Когти прошлись по моей груди.

Через мое сознание пронеслись вспышками странные сцены: дом, охваченный огнем, горящая женщина, люди, превращавшиеся в животных. Куда бы я ни посмотрел, лица становились мордами... Я спустил курок, увидел его лицо, потонувшее в красном фонтане, и погрузился во тьму.

Когда я пришел в себя, у меня над головой было синее небо, на обоих берегах мелькали деревья, а подо мной была водная гладь. Дикий, отломив кусок стеклянного пузырька, превратил его в лодку и спустил ее в небольшую речушку, протекавшую через ранчо конгрессмена Хорнера. Такой маршрут был гораздо короче, чем тот, которым мы прибыли.

— Что ты чувствуешь? — спросила Лотос, потерев мне лоб.

— Облегчение, — прохрипел я.

— Я знаю, — сказала она, проводя крошечной ладонью по моим щекам.

— Нет. Нет, ты не знаешь, — сказал я, поворачивая лицо к стеклянному дну и глядя в глубокую воду.

Часть третья

ЛЕСТИЦА В ИНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

И увидишь — по новым
волнам поплывет Старина
головой дракона...

Глава 1

— Мы прибываем через одиннадцать минут, мистер Пенуэль, — сказала стюардесса, открывая в улыбке белые-пребелые зубы и сияя синими-пресиними глазами. — Через три минуты выходим из гиперпространства.

— Спасибо, — удалось выговорить Сэму в промежутке между зевками.

Она еще раз улыбнулась и пошла по проходу прочь: в тусклом свете пассажирского салона ее гладкие ноги сверкали загаром.

Пенуэль... Пенуэль... Прошло уже десять месяцев с тех пор, как Хуркос разрушил розовый кокон в кабинете Бредлоуфа. Десять месяцев, как из пустого резервуара за стеной полился холодный воздух, подобный дыханию замороженного чудовища. Но Сэм все

еще не привык к своему имени. Частенько он не откликался на обращение «мистер Пенуэль». Такую фамилию предложил Бредлоуф. «Пенуэль» на древнееврейском означало «лицо Бога», и Алексу очень понравилась такая шутка.

Пенуэль... Без Алекса он бы до сих пор оставался просто Сэмом, почти никем. Он и сейчас чувствовал себя неуверенно, но все же не так, как в ту ночь десять месяцев назад. В самый трудный момент ему помогла дружеская поддержка Алекса Бредлоуфа. Личная забота Бредлоуфа и его влияние в официальных кругах помогли Сэму занять должность помощника конгрессмена Хорнера, где вал срочной и ответственной работы заставил на время позабыть обо всех мучивших его проблемах. Теперь он знал ответы. Пусть они были верны только сегодня, но ответы эти были настолько хороши, чтобы позволить ему жить спокойно; по крайней мере до тех пор, пока он, впадая в меланхолию, не начинал вспоминать свои прежние страхи.

Раздался тихий свист и тяжелый, долгий, приглушенный грохот — корабль выходил из гиперпространства в обычный космос.

Сэм сдвинул переключатель обзорного экрана и посмотрел на картинку, появившую-

юся на вмонтированном в спинку переднего сиденья мониторе. Сначала была видна только чернота бесконечного космоса, а затем камеры корабля медленно повернулись вниз и влево, захватывая в поле обзора покрытый дымкой зеленый шар — Чаплин-І, планету земного типа, на которой существовала весьма многочисленная и развитая колония. С такой высоты казалось, что все у них там нормально, но ни из одного города Чаплин-І не поступало радиосигналов. Три с четвертью миллиона человек не то впали в летаргию, покинув свои радиостанции, не то были мертвы. Правительство Надежды хотело исключить вторую вероятность, но здравый смысл советовал исключить первую. Необходимо было выяснить, что же произошло на самом деле, и этот корабль был отправлен на помощь.

Какого рода должна быть эта помощь, никто не знал.

Существовало широко распространенное мнение, что на Чаплин-І появились какие-то необычные существа, потому что в последней войне, которая велась более тысячи лет тому назад, Чаплин-І стал мишенью для ядерного удара. Но несмотря на возможные опасности, на правительственном корабле летела группа искателей сокровищ,

правда на всякий случай прихватив с собой огромный бронированный летун, оснащенный различными видами оружия. Сэм не видел охотников за сокровищами — все путешествие они занимались проверкой своего оборудования и тестированием приборов летуна. Остальные пассажиры были представлены двумя репортерами, которые, узнав, что Сэм всего-навсего представитель Хорнера, то есть выполняет очередную политическую миссию, быстро потеряли к нему всякий интерес. Ну и, конечно, на корабле были тысячи тонн продуктов, воды, медикаментов, пятьдесят пять роботов-хирургов с гиподермическими руками и две огромные стационарные системы для медицинских исследований.

Планета, укрытая за облаками, затаила угрозу.

— Нет связи с наземными службами, — сказал пилот. Его голос гулко звучал в проходе.

Сэм уже был готов выключить экран, когда из-за туч вынырнула тонкая серебряная игла и, лениво вращаясь, устремилась прямо на них. Для космического корабля она была слишком тонкой. Понаблюдав за игрой еще немного, Сэм понял, что это была старая добрая баллистическая ракета...

Глава 2

«Раса» — массивный, грузный корабль полного жизнеобеспечения, целый корабль-мир — сотрясался от бурной деятельности населявших его существ. Коридоры были его венами; они лихорадочно пульсировали, а кровью служили члены экипажа, его сырье, его рабы. Слаги — существа, похожие на виноградных улиток, стремительно передвигались по извивающимся коридорам. Их бело-желтые тела энергично растягивались и сокращались, словно внутренности стремились двигаться быстрее, чем могли позволить наружные покровы. И все это происходило под Песню Расы. Слаги толпились во входах и выходах у металлических ульев — их призывали в разные места корабля, чтобы срочно выполнить то или иное задание. Повсюду раздавалась Песня Расы. Команды уборщиков мусора, проталкиваясь по змеящимся коридорам, регулярно очищали палубы от тел тех слагов, которые, будучи загнанными до предела, сворачивались в кочечко, когда их двойные сердца разрывались от непосильной нагрузки. Тела, изуродованные теми слагами, которые, не заметив павших, не останавливались и не огибли их, и складывались мусорщиками в большие кучи

на тележки с магнитным приводом, тихо плывшие по воздуху вслед за ними, а потом опорожняли эти тележки в мусороприемники, сбрасывая трупы в ухмыляющуюся пасть огнедышащего дракона — огромной печи, которая быстро распоряжалась ими. Улиткообразные торопились, бежали, падали и умирали. Даже работники мусоросборочной команды, чтобы справиться со своей работой, трудились из последних сил и сами, в свою очередь, становились пищей для печи-дракона. И эта сумасшедшая гонка была тем бременем, которое все с радостью несли, проринаясь сквозь космический хаос.

Странное утешение слаги находили в том, что, несмотря на короткую и многотрудную жизнь, поколения лежали в гнездах, зрея, чтобы прийти им на смену. Зрея быстрее, чем могла истребить весь их род такая невыносимая жизнь. А когда наступит перенаселение, «Раса» выпустит рядом еще один корабль, корабль-почку, и Империя будет расти и становиться все более великой. Знание того, что каждая смерть приближала заветную цель, дарило им радость. Они были бесконечно счастливы — у них была общая цель, за которую стоило жить и умереть.

И эта безумная преданность лелеялась и направлялась Существом в Сердце корабля.

Глава 3

Боевая ракета не разрушила корабль, но все же пробила дыру в нижней части, а значит, все, кто находился в том отсеке, погибли. Будь это метеор, корабль легко мог уклониться или разрушить его; но современные суда не оборудованы защитой от самонаводящихся ракет, как вообще не были оснащены оружием: с кем воевать в мирном космосе? Сейчас корабль падал, по спирали приближаясь к поверхности планеты, и должен был разбиться. Если...

«Если, — подумал Сэм, — они доберутся до летательного аппарата в грузовом трюме, где находились искатели сокровищ. Если они сумеют забраться внутрь и вылететь из корабля раньше, чем он будет разрушен, они спасут хотя бы самих себя».

Из динамика раздался непонятный скрип — пилот пытался сказать нечто, не основанное на показаниях приборов.

Корабль вращался все быстрее и быстрее, устремляясь вниз.

Сэм отстегнул ремень безопасности, схватился за спинку переднего сиденья и с большим трудом поднялся на ноги. Он успел повернуть в проход, когда корабль наклонился еще сильнее. Корпус выл, как тысяча баниши¹. От страшных перегрузок скоро начнут отлетать заклепки.

Ему предстояла битва на вершине холма — в прямом и переносном смысле. Он должен был подняться по накренившемуся полу и добраться до двери в грузовой трюм. Но даже если это ему удастся, он не был уверен, что сможет открыть ее при таком ускорении, работавшем сейчас против него. Но он не мог сдаться и приготовиться умереть, как, похоже, сдались безмозглые репортеры, визжащие за его спиной. Сэм пробивался вперед, борясь со все увеличивающейся силой тяжести, преодолевая склон, который становился все отвесней. Он тяжело дышал, лицо его стало багровым от натуги, пот струился по лицу, обжигая глаза.

За спиной что-то загромыхало. Это оторвался и съехал вниз по проходу радарный модуль.

¹ Б а нь ш и — персонаж кельтского фольклора, дух женщины, завывания которой слышны в той семье, где кто-нибудь скоро умрет.

Сэм упрямо двигался вперед.

У двери трюма он прислонился к сиденью справа от прохода и попытался повернуть колесо запорного механизма. Оно не поддавалось. Ему приходилось противостоять силе тяжести, увеличивающейся с каждой секундой при ускорении их падения, и бороться с тугим механизмом. То и дело включались двигатели, пытаясь предотвратить быстро приближающийся конец, но их дерганье мало помогало Сэму. Он чувствовал себя как мотылек, который хочет поднять свечу и унести ее с собой. Его сердце гулко стучало, глаза наполнились слезами. Когда Сэм решил, что его грудная клетка сейчас треснет, как ореховая скорлупа, и сердце выскочит наружу, он почувствовал, что колесо повернулось, и дернул дверь. Он вовремя догадался убрать руки прочь — огромная круглая дверь резко распахнулась, увлекаемая силой тяжести, и с размаху врезалась в стену. За ней был грузовой трюм, а в нем — летательный аппарат. Вход в шарообразный летун был еще открыт. Там его заметили, поняли его намерения и ради него задерживали старт. Позади двое репортеров боролись друг с другом; каждый из них пытался первым последовать за Сэном. В результате не успели оба.

Сэм преодолел уже половину пути, когда палуба качнулась ему навстречу и словно ку-

лаком ударила в лицо, порезав подбородок. Он ощутил во рту привкус крови, почувствовал, что скользит обратно к двери, теряя опору под ногами. Он ухватился за вделанное в пол кольцо для закрепления груза и подтянулся. С трудом сосредоточившись, он увидел, что пандус летуна находится в десяти ярдах от него. Оглядев палубу, он понял, что может преодолеть оставшиеся тридцать футов, если будет по очереди хвататься за крепежные кольца, подтягиваясь к ним. Но он не был уверен, хватит ли ему сил и времени.

В передней части корабля раздался удар, и герметичная дверь между пилотской и пассажирской кабинами захлопнулась; громко завыла сирена. Лобовое стекло вылетело или, скорее, влетело в рубку управления, вероятно пришипилив, словно сотней булавок, осколками пластстекла всех, кто там находился, включая синеглазую стюардессу с красивыми загорелыми ногами. Вскоре тоже самое произойдет и с корпусом корабля. Если они не разобьются раньше, что было весьма вероятно. Дотянувшись до следующего кольца, он пополз по палубе. На удивление быстро, подгоняемый смертью, Сэм добрался до опущенного пандуса. Чьи-то руки, подхватив его, втянули внутрь аппарата. Он поднял взгляд, чтобы поблагодарить,

увидел, что его спаситель оказался человеком с лошадиными ногами, и охотно провалился в небытие.

Глава 4

Распускались сети.

Они расцветали как розы в фильме при замедленной съемке.

Появлялось новое поколение — никто не считал, которое в бесконечном круге рождений. Вновь народившиеся слаги быстро двигали челюстями, выискивая хоть какую-нибудь пищу. Вокруг них разевались сети, не давая им вгрызаться в палубу и портить обшивку — кожу корабля. Словно по единому приказу, тысячи розовых молодых улиткообразных поднимали тела, опираясь только на задние сегменты, и жалобно мяукали — они требовали еды. Вокруг них опускались клубы качающихся защитных сетей. Затем сети разошлись в сторону, и жертвенные слаги выступили со своих мест, ликуя, что их время наконец-то настало, что вот сейчас и они послужат общему делу. Качнувшись назад, они в едином порыве бросились вперед, к молодым улиткообразным, открывая поры на передних сегментах, чтобы вытекли соки, воз-

буждающие аппетит, наполняя воздух паухой тяжестью. И молодые улитки, дико визжа в ответ, вонзали недавно ороговевшие десны в мягкие тела жертвенных улиток, отрывая и глотая большие куски плоти, пьянея от запаха крови. А жертвенные слаги с радостью шли им навстречу, готовые выполнить свой долг.

Главное Существо в Сердце корабля обратилось к другим делам, беспокоящим Его.

Улиткообразные, ведающие движением корабля и наблюдением за пространством, обнаружили еще один корабль, который быстро двигался прочь от судна, недавно ими подбитого. Если этот кораблик ускользнет, для «Расы» появится опасность — человечество, кишащее в галактике над ними, узнает о его существовании. Среди штурманов и радиистов поднялась паника — они поспешили переключали рычаги управления своими ложноНожками; кораблик, как выяснил старший радиист, был шаром, полым внутри. Да, определенно полым. Сначала они боялись, что это может быть бомба. Но кораблик летел прочь от «Расы», а не к нему. Все же надо с ним расправиться. На той высоте, где они сейчас находились, скорость кораблика была больше, чем скорость «летуна», но экипаж улиткообразных поднял в

воздух огромный, как гора, корабль и отправился в погоню, плавно скользя над поверхностью Чаплин-І, чтобы найти и разрушить маленький кораблик...

Глава 5

— Вам хорошо? — спросил его тоненький голос с мелодичными китайскими интонациями, когда он выплыл из чернильной темноты, которая казалась бесконечно густой и вязкой. Но вот наконец забрезжил свет, и Сэм потянулся к словам, словно они были маленьким маячком, способным вывести его из обморока в реальность, — милый, нежный маячок.

— Да с ним все в порядке, — сказал другой голос, более грубый.

— У тебя нет сострадания, — ответил ему китайский голосок.

Сэм открыл глаза и обнаружил, чтоглядит в маленькое лицо эльфа. Эльф! Девушка-эльф! Заостренные уши... Тонкие мелкие черты лица... Миниатюрное, но хорошо сложенное тело... Крылья! Пара голубых бархатистых крыльев, мгновение назад разевавшихся за ее спиной, мягко сложились в виде плаща. Тога, которая кончалась у ее

круглых милых коленок, была такого же цвета. Он вспомнил Хуркоса и успокоился. Это был мутант, появившийся, быть может, под влиянием среды, а быть может, выращенный в искусственной утробе. Эта конкретная мутация дала прекрасный результат. Сэм никогда не видел таких красивых девушек.

— Вы хорошо себя чувствуете? — спросила она; маленькие губки раздвигались, выпуская милые слова.

Сэм застонал и попытался сесть.

— Не перенапрягайтесь, — сказала она, дотронувшись до его плеч тонкими прозрачными руками цвета перламутра и пытаясь своими изящно вылепленными пальчиками удержать его, заставить лечь обратно.

— Я... ничего... — произнес Сэм, превозмогая головную боль, от которой, как он уже знал, будет нелегко избавиться.

— Я же тебе говорил, — сказал грубый голос.

Сэм повернулся вправо, посмотрел в красивое широкое лицо человека, которому принадлежал грубый голос. Его голову обрамляла непокорная грива волос, наполовину закрывая большие уши. Сэм вспомнил, как внутрь летуна его втаскивал человек с лошадиными ногами.

— Наверное, мне следует поблагодарить вас за спасение...

— Не берите в голову, — ответил человек-лошадь, немножко краснея и смущенно усмехаясь.

— Все же вы спасли мне жизнь...

— Не благодарите Дикого особенно сильно, — сказал третий голос. Это был Эндрю Коро — с ним Сэм уже как-то встречался не сколько месяцев назад на ранчо Хорнера на Земле, когда идея экспедиции только начала обсуждаться. Коро, сделав шаг вперед, оказался между девушкой-эльфом и человеком-лошадью. — А не то он разволнуется, и с ним потом сладу не будет.

— Пф! — фыркнул Дикий.

— Я, кажется, не знаком с вашими... коллегами, мистер Коро.

— Конечно нет, — кивнул Коро. — Извините меня. Это Лотос, наша нянька, утешительница и милый дружок. Еще она довольно известный ботаник, но, если вы заговорите с ней о цветах, они вам потом будут сниться по ночам. Я вас предупредил. А это Дикий Конь, — продолжал он, указывая на второго мутанта; девушка-эльф хотела что-то сказать, но не успела. — Дикий — наши мускулы, как вы уже могли догадаться, но некоторым образом он еще и

наши мозги. А меня вы знаете, мистер Пенуэль.

— Сэм. Рад познакомиться с вами. Вы сделали неплохую работу для конгрессмена Хорнера. Есть у вас что-нибудь от головной боли?

— Это приспособление не хуже любого другого, — сказал Энди.

— Сойдет, — проворчал Дикий, скрестив руки на массивной груди и постукивая копытами по металлической палубе.

— Сэм? Нравится? Тебе ведь здесь сидеть.

Дикий снял подвесную кровать и без труда согнул ее в грубое подобие кресла. Вдвоем с Коро они прикрепили его к полу, а Лотос пришла к нему запасной ремень. Сэм вспомнил о флексопластовом кресле в корабле железообразного существа. На мгновение ему показалось, что все произошедшее с ним, словно укрепленное на огромном колесе, вращается вокруг и идет все та же пьеса, в которой только появилось несколько новых лиц.

Сэм сел в импровизированное кресло и застегнул ремень.

— Думаю, вполне пойдет.

— Хорошо, — сказал Коро, усаживаясь на место пилота. — Ну, а теперь давайте нако-

нец выясним, что же случилось с городами колонистов.

Коро задал курс на город Чаплин-Альфа, увеличил скорость и включил автопилот. Летун понесся с бешеною скоростью. Сэм с интересом приглядывался к этой троице. Все они были абсолютно не похожи друг на друга не только внешне, но и характерами.

Лотос была нежной, ласковой, она очень гордилась своими двумя мужчинами. Она привносила мир и спокойствие в группу. Ей удавалось делать это легко, щутя и играющи, и Сэму понадобилось всего несколько минут, чтобы оценить по достоинству это замечательное умение.

Дикий весь искрился энергией и жаждой деятельности. Он быстро принимал решения и быстро переходил от слов к делу. Его отличало редкостное дружелюбие. Похоже, он был человеком, который готов отдать вам все, что у него есть, а потом вколотить вашу голову в плечи, если вы вдруг обманете его доверие и окажетесь простым воришкой. Он с мальчишеским восторгом относился к вполне обычным вещам — этого качества большинство людей лишается очень рано и, однажды утратив, уже не может никогда приобрести снова.

А Коро... Коро очень отличался от них обоих. Конечно, он тоже был весьма друже-

любен, всегда любезен. Но в нем не было той искренности, что была у Дикого и Лотос, его не так-то легко было понять. Он держал себя несколько отстраненно, его темные глаза были подернуты меланхолической дымкой, отчего всегда казалось, что он страдает от тайной боли.

Несмотря на предупреждение, Сэм с Лотос заговорили о ботанике. Наконец Коро начал сбрасывать скорость аппарата и переключил управление с автоматического на ручное.

— Мы почти на месте, — сказал он, прерывая Лотос, которая как раз повествовала о своих приключениях с игольчатой розой.

Все посмотрели вперед. Разговор был прекрасным способом отвлечься, забыть про ракету, продырявившую их корабль, и не поднимать до поры до времени вопроса о том, кто мог выпустить боевую ракету в мире, где не было войн. Под руками Коро ожили обзорные экраны. Перед взорами людей показался город Чаплин-Альфа.

Точнее, то, что было городом...

Когда-то здесь был цветущий мегаполис. Теперь от него остался лишь пепел. Как беспомощно оказалось мирное сообщество колонистов перед бедой! Оно не ожидало ничего подобного, потому что ничего подобного

никогда не случалось. В древнем мире полиция и спасательные команды толпами явились бы сюда. Но уже несколько веков не было полиции, и никто не мог предвидеть, что пятьдесят пять роботов-хирургов будут уничтожены еще в полете.

Пепел. Бело-серое тончайшее покрывало пепла, как саван, накрыло все кругом. Обломки того, что было домами, лежали кучами, напоминающими горбы верблюда. Там и сям, словно обглоданные кости, торчали балки; кое-где на них еще виднелись, словно куски мяса, остатки кирпичной или каменной кладки. В иных местах руины протянулись длинными рядами — дома падали по обеим сторонам улиц, рассыпаясь, разлагаясь, как труп огромного животного. Растения. Только Лотос знала, как они называются. Они, извиваясь словно змеи, оплетали разрушенные стены, пробивались через кучи мусора, питаясь тем удобрением, что получилось из двух миллионов мертвых тел, без сомнения погребенных под развалинами. Некоторые другие, с узкими, как лезвия, листвами, поглощали углерод, расцветая на хорошо удобренной почве.

— Люди... — начала Лотос.

— Погибли, — закончил Коро.

— Но как...

— Их убили.

Все замолчали.

— Но ведь люди не убивают, — убежденно сказал Дикий. — Не таким же образом. А после появления Щита Бредлоуфа и смерти Бога...

Сэм был немного удивлен, услышав, с какой легкостью человек-конь упомянул смерть Бога. Ну да, конечно. Тогда средства массовой информации разнесли эту новость по всей галактике. Бредлоуф раздавал интервью до полного изнеможения. Хуркосу на разных ток-шоу досталось лишь ненамного поменьше внимания. Поэма Гноссоса «На смерть Бога» стала бестселлером во всех мирах, названия которых только можно было вспомнить. За учеными Бредлоуфа гонялись, им не давали работать, у них пытались выудить как можно больше сведений обо всем произошедшем. Одному Сэму удалось с большим, правда, трудом остаться в тени. Пресса постаралась разузнать все подробности и оповестить о них как можно шире, но за десять месяцев к сенсации привыкли и перестали считать ее новостью. Дикий говорил верно. Сейчас меньше чем когда-либо человек способен на убийство. Вдохновителя агрессивных чувств больше нет. Человек никогда не был так здрав рассудком. И жестокость, тем более в таких

масштабах, просто невозможна. Люди просто не смогли бы этого сделать... «И, — подумал Сэм, — они этого не делали!»

— Это не люди, — сказал он вслух.

— Что? — воскликнули все чуть ли не в один голос.

— Голову даю на отсечение, что это не люди. Не те люди, которых мы знаем.

— Говори понятнее, — сказал Коро. — Тебя слушать еще хуже, чем Дикого.

Сэм стиснул обеими руками ремень безопасности.

— Эти... убийцы — из другой галактики, не из нашей. Они вполне могут оказаться не людьми.

Память вернула его к тому времени в корабле, когда у него было только имя и Гнос-сос высказал предположение, что им управляет экстрагалактические силы. Тогда Гнос-сос ошибался. Но теперь, кажется, его теория находила подтверждение. Имея такие убедительные доказательства, Сэм не мог придумать ни одного возражения, и все же... А вдруг он тоже заблуждается?

— Может, вы решите, что я ненормальный, — произнес он, собираясь вслух поведать им о своей идее и надеясь, что, облаченная в слова, она будет выглядеть менее бредовой, чем сейчас, существуя только в его

мыслях. — Подумайте сами. Во-первых, в этой галактике нет людей, способных на такую жестокость. Во-вторых, даже если бы у этих людей была армия, у них не может быть оружия, при помощи которого город превращается в кучу головешек. Это должен быть кто-то *снаружи*.

Остальные слушали, пытаясь найти в его аргументах какой-нибудь изъян. Первым заговорил Дикий:

— Но разве Бог, который наделял нас агрессивностью, не наделял ею и все другие разумные существа во Вселенной? Я так понял, что люди и в самом деле были хорошими, а все их плохие качества происходили от шизоидной личности Бога. А не может Бог из другой Вселенной управлять всем нашим миром?

Сэм начал было что-то говорить, но неожиданно понял, что не может придумать ни слова в ответ. Доводы Дикого казались разумными. Когда Хуркос убил розовую личинку, священного червя, все разумные существа во Вселенной должны были почувствовать себя лучше. Может быть, Бог управлял только частью Вселенной и... Но нет. Он был существом высшего порядка, единственным в своем роде. С ним не было других богов. Это факт. Ученые Бредлоуфа заявили, что это факт, а к ним трудно подкопаться. Следова-

тельно, иногалактники тоже не могут убивать, у них не может быть жажды крови.

Но вот лежит в руинах целый город, скрывая под развалинами два миллиона трупов.

— Все, наверное, произошло очень быстро, — сказал Коро. — Кажется, никому не удалось уцелеть.

— Давайте посмотрим на Чаплин-Бета, — предложила Лотос.

— Уверен, там будет то же самое. — Коро начал разворачивать летательный аппарат на сто восемьдесят градусов.

Лотос скрестила крылья перед грудью, закрыв руки и плечи бархатистой ширмой.

— Все же давайте посмотрим.

Коро закончил разворот, и все четверо ахнули, увидев летящую скалу. Даже не скалу, а целое плато. Огромнейший корабль, имевший в поперечнике несколько миль. Летун был лишь маленькой песчинкой, едва заметной пылинкой на его фоне.

— Что за... — начал Коро.

Необъятный корабль находился на высоте в три тысячи футов — это расстояние равнялось его ширине и было лишь частью длины. Казалось, он весь цельный — не было видно ни соединительных швов, ни иллюминаторов на его безупречно гладкой поверхности. Видимо, он приводился в движение каким-то

магнитным полем — его поверхность вибрировала в ответ на молчаливый призыв двигателей, способных потрясти звезды. Единственными отметинами на корпусе огромного корабля были три ряда крохотных отверстий. (Хотя крохотными они казались только с самого большого расстояния; при ближайшем рассмотрении они, должно быть, имели не один фут в поперечнике.) Каждый ряд состоял из пятисот отверстий. Из центра среднего ряда появилось белое облачко, и серебристая ракета — точно такая же, как та, что разрушила их космический корабль, — медленно вращаясь, полетела к ним.

— Вниз! — закричал Сэм.

Коро ударил по клавишам, направляя аппарат вниз, ниже курса ракеты.

Ракета, рыская, как торпеда, пролетела мимо. Развернувшись по плавной дуге, она снова направилась к ним, корректируя курс.

— У нее свой двигатель! — просипел Коро, не разжимая зубов. — И свой радар.

Глава 6

В скорлупках коридоров и путанице комнат сразу за пределами Сердца корабля матки улиткообразных извивались в предродо-

вых судорогах. Их большие мягкие тела сжимались, изнывая, а из огромных блюдцеобразных глаз текли слезы экстаза. Над ними и вокруг них в паутине будущих гнезд висели тонкостенные резервуары с клетками мужской спермы — зрелой, густой; они, казалось, только и ждали контакта с репродуктивными сегментами тел самок. Словно подчиняясь незримому знаку, сотни гигантских самок начали извиваться и подпрыгивать еще сильнее, остатки их рассудка сдались под на-tиском половых гормонов. Ткань головного мозга пузырилась и бродила, разлагаясь, перерождаясь в питательный раствор, чтобы репродуктивный сегмент мог усвоить мужские клетки и вырастить из яиц личинки. Первыми распались клетки, ведавшие памятью и логикой, чтобы не допустить долгого и болезненного осознания того, что с ними происходит. Конец жизни материнского тела станет долгим, упоительным оргазмом. Самки пищали и дергались в жгучем наслаждении, разрывая качающиеся резервуары со спермой, подвешенные самцами, которых они никогда не видели, и упивались одним лишь духом мужского присутствия. Оставались голые центральные сегменты без кожи — на поверхности каждого размеренно сокращалось коричневое ядро — раз-два, раз-два. Цент-

ральные сегменты впитывали плодотворную жидкость и сотрясались, когда она проникала в коричневое ядро, наполняя все тело сладостной истомой. Воздух был густым, сладким, паутина — сырой и тяжелой от спермы. На сотнях материнских тел ядра, оплодотворенные спермой, начали медленное, но отчетливо заметное движение к центру репродуктивного сегмента, чтобы устроиться на ложе из питательного протеина там, где прежде был мозг.

Материнские тела извивались и дрожали.

Все сегменты, кроме центральных репродуктивных, отмирали и начинали загнивать.

Формировалось новое поколение — пока еще только в яйцеклетках. Когда-нибудь они станут взрослыми улиткообразными.

Из безумия выходит жизнь...

В стрелковой рубке, самой удаленной от Сердца корабля, улиткообразные подготовили несколько программ ведения боевых действий против круглого врага, внезапно исчезнувшего с радарных экранов, хотя ракетный удар по нему не был нанесен. Это означало, что враг обо всем догадался и применил антирадарную защиту. Положение становилось

сложнее, чем они предполагали. Улиткообразные, жужжа, переговаривались, выбирая смерть для шара.

А в Сердце корабля Главное Существо на мгновение отвлеклось от боя с летающим шаром и четырьмя людьми; также позабыло оно о самках и цикле воспроизводства потомства — оба эти происшествия были такими естественными, такими запланированными. В настоящий момент ему интереснее всего было узнать, о чем думают молодые слаги. Слаги означали жизнь. Жизнь служила ему орудием. Вообще-то оно не считало их марионетками, хотя тысячи незримых нитей действительно тянулись от него к улиткообразным; эти нити могли быть приведены в действие, если возникнет необходимость. Тем не менее обычно Главное Существо планировало основную линию, было архитектором главной цели и методов ее достижения, не заботясь о наводящих скукуаждодневных деталях. В Его памяти хранился план действий «Расы» и полутора сотен кораблей-почек, которые, будучи выпущены в разные стороны, разлетелись, неся в себе план, надежды и мечты. Вся Вселенная лежала перед глазами Главного Существа, и поэтому Его планы в

силу необходимости стали поистине космическими, без лишних подробностей. Так что хотя оно иногда потягивало за какие-то нити, но никогда не задействовало все нити одновременно.

В настоящее время Существо рассматривало идею уничтожения всего живого в этой галактике. Со времен Падения, когда Вакум Иерархий спровоцировал Большой Прорыв, оно исполняло свой долг — перед собой, «Расой» и кораблями-почками. Эти странные двуногие, двурукие, двуглазые создания были вызовом улиткообразным и «Расе». Вызовом тому, что ожидает «Расу» и слагов. Необходимо уничтожить их всех до последнего. Это было непременным условием дальнейшего осуществления плана, предначертанного «Расе». Эти существа должны умереть, прежде чем какое-либо сложное действие продолжит общий план. То есть, проще говоря, смерть человеку. С маленькой буквы. И только так.

Глава 7

Коро судорожным движением стер пот, выступивший на лбу, и начал что-то переключать на панели.

— У нас есть антирадарное устройство только потому, что на Капистрано водятся гигантские летучие мыши. Радар просто необходим, когда отправляешься охотиться на многотонных чудищ, обладающих природным радаром. — Он включил устройство на полную мощность и поднял летательный аппарат на сотню футов вверх.

Ракета под ними понеслась назад к кораблю. Если им повезет, они увидят, как крохотный взрыв вспыхнет в корпус необъятного корабля. Это была общая для всех видов автоматических ракет проблема. Конечно, самонаводящиеся ракеты облегчили задачу артиллеристов, выпускавших их по сотне за раз, но всегда оставалась вероятность, что ракета, сильно отклонившись от курса, могла поразить самого стрелка. Выпустив клубы густого желтого дыма, ракета ударила в корпус другого корабля, создав в толстой металлической обшивке дыру футов десять в попечнике. Бряд ли это огромное тело заметило такой булавочный укол.

— Вот вам и подтверждение экстрагалактической теории, — сказал Сэм.

Антирадар придавал им относительную невидимость — хотя бы на короткое время, — и Коро подвел аппарат поближе, зависнув всего в пятидесяти футах над кораблем-горой.

— Но ведь смерть Бога должна была и его избавить от жестокости!

— А что теперь? — спросила Лотос.

Сэм был удивлен, увидев, какое самообладание проявила эта хрупкая женщина во время ракетной атаки, которая могла привести к гибели их маленького экипажа. Даже он с трудом сдерживал крик, а ее, казалось, больше интересовала возможность изучить летающую гору, полную людей (если, конечно, там были люди) из другой галактики.

— Теперь? Войдем внутрь, — сказал Коро таким тоном, словно речь шла о чем-то само собой разумеющемся. — Войдем внутрь корабля.

Сэм, Дикий и Лотос разом посмотрели на него, словно он представлял собой какой-то диковинный экземпляр.

— Ты с ума сошел! — Лотос произнесла это так, будто оглашала диагноз.

— И что нам это даст? — спросил Дикий, почесав свою гриву.

— Коро прав, — сказал Сэм после недолгого молчания.

— Прав? — Лотос поднесла ладошку к уху, словно защищаясь от подобной нелепости.

— Да. Энди совершенно прав. У нас нет оружия, которым их можно было бы сбить. Кроме того, раз нам противостоят разумные

существа, а не звери, я уверен, что никто из нас не смог бы нажать на спусковой крючок. Мы выросли пацифистами. Мы давно живем в мире без войн. Давайте посмотрим правде в лицо: единственный способ, которым мы можем попытаться спасти себя и всю галактику, — срочный анализ проблемы.

— Хорошо сказано, — заметил Коро.

— И кто туда пойдет? — спросила Лотос.

— Ты останешься, — ответил ей Коро, — ты слишком хрупкая для такой работы. — Он заметил, как она вздрогнула, и поспешил добавить нечто более приятное: — Кроме того, надо, чтобы кто-нибудь подготовил робота-хирурга для работы на случай, если нас там ранят. Дикий остается тоже. Надо идти после наступления темноты, потихоньку, а Дикий своими копытами расшумится на пол-Вселенной.

— Хорошо, — сказал Дикий, поворачиваясь к иллюминатору, чтобы еще раз взглянуть на гигантский корабль.

— Сэм?

— Я пойду, — ответил Сэм.

Коро пустил летуна вращаться на орбите вокруг чужого корабля, уравняв скорость аппарата со скоростью громоздкого судна.

— Подождем, пока они не посадят его где-нибудь и пока не стемнеет. Ему придет-

ся сесть, чтобы исправить повреждения от удара ракеты. Возьмем с собой кое-какое оборудование, прорежем дыру у него в боку и попробуем выяснить что сможем. Все очень просто.

— И опасно, — сказала Лотос, глядя на них взглядом, в котором можно было прощать очень многое.

У основания возвышавшегося над ними монолита они оглянулись на небольшую рощицу, где был спрятан летун. Им пришлось напрячь зрение, чтобы увидеть очертания корпуса, и даже тогда казалось, что это всего лишь игра теней, а не реальный предмет.

— А что теперь? — спросил Сэм, поворачиваясь к огромному черному корпусу, чужому монолитному чудовищу.

Коро тихонько постучал по металлу ручкой своего ножа. Двигаясь вдоль борта, они уловили едва заметное изменение звука — словно намек на пустоту. Они повторили свои действия, шагая в обратную сторону, чтобы убедиться, что им не показалось.

— Прорежем дыру здесь, — сказал Коро; он протянул руку за спину и достал ручной лазер, включил его на полную мощность.

На них были космические скафандры, и сейчас, по молчаливому уговору, они надвинули шлемы, положившись только на тот запас воздуха, который предоставлял каждому баллон, укрепленный за левым плечом. Определить, насколько воздух, которым дышали эти существа, соответствовал нормальному воздуху Надежды, они не могли, а задохнуться в потоке неизвестного газа, который хлынет на них из прорезанной дыры, им совсем не хотелось.

Синий луч лазера казался почти черным. Коро начал вырезать пластину обшивки перед собой. Под воздействием холодного пламени луча металл подался, и на землю упал круглый кусок внешней обшивки. Он был полдюйма в толщину, но на этом дело не заканчивалось. Под первым слоем находился второй. Всего они прошли двенадцать слоев — словно взрезали слоеный торт — и наконец заглянули сквозь дыру в обшивке внутрь, в тускло освещенный коридор, широкий, как улица в Надежде. Их дыра оказалась на уровне пола.

— Ты первый, — сказал Коро, подставляя колено, чтобы Сэм мог на него встать. — Потом втащишь меня.

К тому времени, когда оба они, тяжело дыша, оказались внутри корабля, анализатор

атмосферы, прикрепленный к запястью Коро, показывал «прибл. надежд. норм.».

Они сделали несколько шагов по коридору, собираясь снять неудобные шлемы, когда до их слуха донесся изнуряющий, запутанный ритм Песни Расы:

Сэм, Сэм, Сэм, Сэм...
 Рвущийся, рвущийся, рвущийся...
 К подобию...
 Рвущийся к подобию
 В водовороте дней.
 Сэм, Сэм... Сэм...

Сэм был ошеломлен ветрами гармонии, он ощущал, как его качают порывы ритмов этой странной песни. Песня Расы пульсировала в ушах, и он не мог справиться с легкой вибрацией, которая раздражала его слуховой аппарат, отвлекала его, звала и в то же время гнала прочь. Эта песня не годилась для него, она вообще не годилась для человека. Хрустальные звуки разбивались о его рассудок, которому были чужды.

Сэм, Сэм, Сэм...

Музыка рождала образы, которые, как пенные гребни волн, набегали на берег его сознания и снова отступали в глубину подсознания, покрывая его это гнилостной пеною. Среди этих воображаемых волн он вновь

увидел коридор корабля из другой галактики, хотя, поддавшись напору инопланетной гипнотической песни, которая словно точильное колесо вгрызлась в его ощущения реальности, он уже с трудом отделял явь и сон.

Он увидел, как Коро прислонился к стене, а потом сполз на пол, закрыв уши руками, — таким образом он хотел защититься от вибрации, которая, однако, передавалась через все тело.

Сэм, Сэм, Сэм, Сэм...

Волны на мгновение исчезли и появились снова.

«Цель «Расы» — бесконечность самосознания любого слага; это не течение прилива, но сам прилив. Он сдвигает с места континенты, глотает острова. Раса... Раса. Корабль всегда движется, всегда растет: от него отделяются самостоятельные части, и расстояние между тем, что снаружи, и Сердцем корабля все время растет. Сердце корабля всегда защищено... Корабль «Раса» — сам себе Вселенная».

В инстинктивном порыве Сэм попытался поднять руки, чтобы защититься, прикрыть ладонями глаза. Его руки немного поднялись и снова упали, словно у тряпичной куклы.

Гипноз ритма заворожил его, оставляя единичные мгновения самоконтроля.

«Корабли-почки плывут по волнам незримых, но всегда и всюду существующих космических течений, влекомые неизвестными потоками; они исследуют все заводи Вселенной. Корабли-почки несут в Сердцах не Существо, но храм его...»

Сэм, Сэм... Сэм, Сэм.

Коро лежал на животе, корчась от боли; его лицо было искажено. От боли?

«Черви-матки изрыгают личинки из гниющих останков своих священных тел — круглые, серые, гладкие личинки, целые горы личинок. Они будут служить «Расе» и строить корабль снаружи, чтобы Существо в Сердце корабля ничто не потревожило, чтобы корабли-почки несли вдаль мечты и чаяния Существа в Сердцевине — вдаль, в неизведенное».

Боль? Сэма загипнотизировали мелодия, ритм, но боли не было. Неужели Коро больно?

Сэм, Сэм...

Ищущий, ищущий подобия...

Под... сознания... Под сознанием-я... Подобия...

«Сети. Кругом сети. Личинки в сетях — им нужно Сознание. Молодь — с широкими челюстями. Широкие челюсти — чтобы

вгрызаться в сочную плоть, рвать ее, всасывая кровь ороговевшими деснами. Кровь, кровь, кровь, кровь — «Расе». Кровь патриотов...»

Сэм понял — Коро корчился не от боли. Коро пытался, когда волны чужеродной песни ненадолго отпускали его, подползти к отверстию, которое они выжгли в стене корабля. Сэм повалился на пол и перевернулся на живот. Красная пелена наплывала от висков и туманила взор — в голове пульсировала не боль, а страшная усталость. Ему удалось проползти несколько дюймов, и песня снова обрушилась на него.

Мы благодарны Существу в Сердцевине
За его Божественность.

Мы благодарны Существу в Сердцевине
За продолжение — личинок, личинок...

Сэм понял, что у него ничего не получится. Коро был ближе к выходу, он сможет выйти. Сэм — нет. С каждым разом ползти становилось все труднее. С каждым разом передышки между приступами транса становились все короче.

Он осознал, что ему придется бороться с песней, а не уползать от нее.

Ему надо поставить перед собой задачу и постараться сконцентрироваться на ней, ко-

гда песня снова навалится на него. Если у него не получится, чуждый образ мыслей разрушит его логику, разобьет его рассудок. И прежде чем следующая волна накрыла его, он придумал план. Он попробует проследить каждую тему этой сложной мелодии, попытается разложить ее по ритмам и посмотрит, нет ли здесь какой-нибудь закономерности. Чтобы не сойти с ума, он займется головоломками. Надо попытаться выяснить, что это за Существо в Сердцевине. Он уцепится за эту мысль, когда придет волна. Он повторял:

Кто там в Сердце корабля?
 В Сердце — Сердце корабля?
 В Сердце кора-корабля?
 Существо где-то там
 В самом Сердце корабля
 Существо́где́тота́мвсерд
 цеса́момко́рабля...

Сэму казалось, что он не выдержит. Нервы выбрировали подобно струнам, еще немного — и они оборвутся. Рот превратился в сухую грязную тряпку, язык — в засохший кусок грязи. Он снова двинулся вперед — несколько дюймов по палубе. Как он устал! Душой и телом устал... Ему открывались подводные течения Песни Расы — стоило только заглянуть внутрь, под поверхность, чтобы

узнать, кто же в Сердце корабля... Даже первые такты отдельных тем намекали, какова была истинная сущность Существа в Сердце корабля. Но он отказывался в это поверить. Отказывался наотрез.

В самом Сердце корабля...
В самом Сердце
В самом Се-бе
В се-бе...

Коро уже почти добрался до дыры. Сэм собрал все силы. Голова кружилась — ему трудно было смириться с тем, что он только что узнал. Коро уже вылез, он лежал на траве, недосягаемый для Песни Расы.

Существа...
В самом Сердце Существа...
В самом Сердце Сущее...

Сэм ощущил чьи-то сильные руки на своих запястьях. Его вытянули из корабля, грубо протащив через неровные края прорезанной дыры, на землю. Песня Расы стихла и больше не возвращалась. Но для Сэма это случилось в некотором смысле немного поздно. Он уже знал ответ. Пытаясь не сойти с ума, он узнал, кем было Существо в Сердце корабля.

И громко закричал в темноте.

Глава 8

Коро задействовал портативную медицинскую систему и попеременно накачивал Сэма то успокаивающими, то слабыми стимуляторами, пытаясь при помощи химических веществ вырвать его разум из тьмы.

Сэму удалось выбраться из «Расы» без физических повреждений, но его нервная система получила жестокий удар, когда он, сам того не желая, понял, кем являлось Существо в Сердце корабля. Если бы не усилия Коро, он не сумел бы совладать с желанием кричать во весь голос.

— Что с тобой? — спросил Коро, придерживая его, как в древние времена, наверное, держали эпилептиков — крепко, но осторожно, — чтобы Сэм не нанес себе увечий, если вдруг начнет дергаться. Они все еще находились в необъятной тени корабля-монолита — песчинки рядом с горой. — В чем дело?

— Это... Существо в Сердце корабля, — наконец смог выговорить Сэм. Его непривычно пересохшие губы болели и растрескались. Язык казался шершавым и распухшим.

— Что?

Сэм коротко рассказал о том, что узнал, с трудом удерживаясь, чтобы опять не закричать.

— Оно чуждо нам, — отеческим, успокаивающим тоном сказал Коро. — Но зачем же кричать? Я видел много разных зверей, которые воспроизвели потомство странным для нас образом, и...

Сэм с трудом сел; несмотря на теплый ночной бриз, ему было холодно.

— Нет. Строение корабля здесь ни при чем. Конечно, для нас такое непривычно. Но не это выбило меня из колеи. Меня потрясло Существо в Сердце корабля — то, кем оно является.

— И кем же?

Сэм открыл рот, закрыл его и облизал губы.

— Существо в Сердце корабля — Бог, — произнес он с видимым усилием.

— Не может быть! Он же умер!

— *Тот* Бог умер. *Наш* Бог.

— Значит, Он не правил всей Вселенной?
Был еще один Бог, который...

— Нет, — ответил Сэм, вяло махнув рукой, чтобы остановить дальнейшие расспросы. Его тошнило. Ему хотелось извергнуть из себя и еду и воспоминания. Но от последних не избавиться подобным образом, а первое придется удерживать в желудке — так естественнее. — Он действительно правил всей Вселенной; каждой ее частицей.

— Но...

— Но над Ним, в другой Вселенной, был еще один Бог. Представь, что это лестница, Энди. Мы — самая нижняя ступень. Над нами был наш Бог — и мы убили Его.. Над Ним был этот Бог, с карманной Вселенной кораблей улиткообразных слагов. Когда мы убили нашего Бога — Хранителя, Хозяина, — мы разрушили надстройку над нами, потому что Он и был этой надстройкой, следующей ступенькой лестницы. Провал между ступенями лестницы привел к тому, что вышестоящие ступени как бы съехали вниз. К нам попала третья ступень, а этот новый Бог слагов оказался среди нас.

— И он такой же, каким был Бог второй ступени?

— Совершенно верно. — Поделившись своим ужасным открытием, Сэм почувствовал себя лучше, лицо его порозовело, холод отступил — холод, который находился в его душе.

— И что нужно этому новому Богу?

— Уничтожить... нас. — Сэм вспомнил мысли, шедшие от Существа в Сердце корабля, пробивавшиеся сквозь мелодию Песни Расы. — Уничтожить нас всех, до последнего человека.

— Почему?

— Чтобы сохранить собственную значимость. Мы — такие формы жизни, существования которых он просто не допускал. Вообще-то мы Ему неподвластны: Он не наш Бог, да и ничем особенным не отличается от нас. Он сам не может уничтожить нас. Но зато может направить свои творения — слагов, — а они сделают все, что Ему нужно. Воюют они яростно, а у нас мало сил, нет опыта и оружия, так что нетрудно предсказать исход схватки.

— Надо вернуться к летуну, — сказал Коро, вставая и помогая подняться на ноги Сэму. — Нам надо передать сообщение на Надежду. Предупредить всех.

На полпути через луг они услышали шум и увидели голубые вспышки пламени, которые испускало оружие слагов, окруживших летун. На шарообразный корабль была наброшена стальная сеть, которая крепилась к колышкам, вбитым в землю через каждые три фута.

Бесшумное нападение и молниеносный захват. Лотос и Дикий, наверное, и понять не успели, что произошло.

— Сноторвные дротики, — прошептал Коро, опускаясь на колени в высокую траву.

Стоя на коленях так, что из травы виднелись только головы, они сняли с себя ненуж-

ное снаряжение, то есть то, которое могло бы быть нужным, не останови Песня Расы их продвижения по кораблю чужаков. Заметно нервничая, они собирали ружья, стреляющие дротиками. Это было милосердное оружие. Оно несло сон, но не вечный сон смерти. Это было единственное оружие, которое люди могли заставить себя применить против разумных существ. К каждому ружью прилагался магазин с сорока дротиками — они вставлялись со стороны приклада, над источником питания.

Пригнувшись и взяв ружья на изготовку, чтобы иметь возможность в любой момент начать стрелять, если их обнаружат раньше времени, они двигались вперед в кромешной тьме, освещаемой неоновыми вспышками оружия слагов. Сэм думал о Хуркосе. Он вспоминал, как тот размозжил розовое существо, усевшееся на край Щита, — существо, похожее на червя, которое было их Богом. Он вспомнил вонючие потоки внутренностей, которые хлынули из развороченного Хуркосом брюха. Сэм вспомнил, как их Бог бился в предсмертной агонии. Хуркос методично ударял по нему стулом. Удар за ударом... Но он, Сэм, не будет никого убивать! Он только сделает так, что они уснут. Они почувствуют укол — и все, и сразу задремлют.

Он же спасает жизни двух очаровательных мутантов, оставшихся в летуне, напомнил он себе. Да, конечно. Так и надо об этом думать.

Ветер — холодный.

Свет — голубой.

Ночь — темная.

Эти три явления сплетались друг с другом, прорастая одно в другое: холодный — темный — голубой, голубой — темный — холодный — как в психodelическом шоу, мигая среди травы. Сцена насилия, разворачивающаяся на этом фоне, становилась яснее, проще и ужаснее.

Слаги направили лазер на корпус, и хотя Дикий и Лотос запустили двигатели и начали вращать летун, луч скоро прорежет желеzo, разделив шар на две половинки.

Сэм боролся с усталостью, сковывающей все суставы его тела. «Усталость, — сказал он себе, — это одно из тех недомоганий нервной системы, наилучшим средством против которых является концентрация». Но как он ни пытался собрать волю в кулак, ноги его все равно подгибались, а в груди жгло так, словно в легких вдруг вспыхнули тлевшие угли.

— Здесь, — сказал Коро.

Они упали на землю у кромки травы, всматриваясь в темноту зарослей деревьев, где вертелся безжалостно обстреливаемый кораблик.

— А теперь? — спросил Сэм; горло казалось таким же сухим и потрескавшимся, как и губы.

Коро вытер испарину, которой покрылся его лоб, несмотря на холодный ветер, обдувавший их тела и души.

— Я насчитал четырнадцать. Но под деревьями могут прятаться и другие. Не стреляй очередями. Так теряется слишком много зарядов. Посмотри, как они стоят. Они все повернуты к нам спиной. Если мы снимем сначала задних, передние ни о чем не догадаются.

— Я даже не знаю, как наводить...

— Ружье само сделает большую часть работы. Ты просто смотри в прицел. Ружье подстроится.

Они снова упали ничком, проползли еще несколько футов, пока не кончилась высокая трава. Сэм, вздохнув, поднял ружье. Ближайший с его стороны слаг находился всего в десяти футах от него. Указательный палец лег на спусковой крючок, и Сэм почувствовал, как еда в желудке устремилась обратно, в пищевод. Тогда он заставил себя вспомнить о том оружии, что было на корабле желеобразного существа. Ведь тогда он знал, как с ним обращаться.

Оружие слагов было предназначено для убийства; оружие людей — только для вре-

менного отключения сознания. Он спустил курок и закрыл глаза, услышав жужжание выстрела.

Когда Сэм снова открыл глаза, слаг лежал на боку, вид у него был сонный; потом его глаза закрылись; его участие в жизни Вселенской временно прекратилось. За это время Коро положил двоих. Сэм снова осторожно поднял свое ружье и прицелился в другого слага. Вж-ж! На этот раз он не стал зажмуриваться. Дротик, вращаясь, воткнулся в нежную плоть улиткообразного существа. Чужак начал поворачиваться, пытаясь дотянуться ложноНожкой до дротика, не понимая, что происходит, потом закачался из стороны в сторону, забил хвостом и повалился на землю; несколько мгновений его глаза тупо смотрели в никуда, а потом веки закрыли их.

Все это было похоже на игру.

Слаги походили на картонные мишени пяти футов высотой — попасть в них было относительно легко. Когда Сэм попадал, они почти тотчас же падали. А голубые огоньки вспыхивали, словно вели счет попаданиям.

Игра близилась к концу. Шесть слагов продолжали обстреливать летун, все еще не зная, что восемь их товарищей лежат позади без сознания. Сэм выстрелил в следую-

щее существо поблизости от него, попав тому прямо в середину спины. Слаг конвульсивно сжался, потом выпрямился, чтобы избавиться от впившегося в тело дротика, и упал, покачнувшись, вперед. Вперед! Он задел впередистоящего слага, и тот оглянулся. Увидев тела, слаг все понял и поднял тревогу.

— Теперь очередями! — прошептал Коро.

Сэм передвинул кнопку на ложе ружья и больше уже не целился.

Еще три слага упали, не успев поднять оружие.

Повалился еще один — у него в груди торчало четыре дротика.

Двое слагов, управлявших лучевым орудием, развернули его от корабля в сторону луга, посылая сполохи голубого пламени над головами людей: трава за их спинами загорелась. Сэм прицелился в одного из них, но Коро, выпустив заряд веером на уровне пояса, сразил обоих.

Луч, мигнув, погас.

— Быстрее! — резко крикнул Коро. — Они могли передать сообщение на корабль!

Они поднялись и побежали.

— Сеть! — крикнул Сэм.

Коро кивнул. Они вдвоем развернули тяжелый лучемет, на ощупь нашли нечто, напо-

минавшее панель управления. Со слабым зудением из дула вылетела вспышка голубого света. Они аккуратно нацелили орудие на тросы, крепившие сеть к колышкам, пережигая ячейки. Наконец сеть соскользнула с шара, стянутая собственным весом. Сэм и Коро бросили орудие и побежали к пандусу, который высунулся из двери, приветствуя их, как язык верной и любящей собаки.

— Слава звездам! — сказала Лотос, обнимая Коро; ее прекрасные расправленные крылья слегка дрожали в теплом желтом освещении кабины. Сэму показалось, что его присутствие не совсем уместно. Но после некоторых радостных поцелуев эти двое разжали объятия.

— Я уж думал, вы не вернетесь, — сказал Дикий, вылезая из кресла Коро и занимая свое собственное. — Летун готов к старту. Нам лучше здесь больше не задерживаться. Еще одно подразделение червяков покидает корабль-матку.

Они все разом повернулись, чтобы посмотреть на экран. Там, где открылись ворота в боковой части гигантского корабля, желтел прямоугольник света. Коро уселся в кресло, не отрывая взгляда от экрана.

— Куда мы? — спросил Сэм, забираясь в свое самодельное кресло.

— Все равно куда, — ответила Лотос, дрожа от отвращения. — Куда-нибудь подальше от этих... этих...

— Согласен, — сквозь зубы сказал Коро.

Летун, застонав, подпрыгнул, и через мгновение они уже неслись над верхушками деревьев, включив антирадарное устройство на полную мощность. Коро и Сэм тем временем пытались связно рассказать о том, что они обнаружили.

— Надо возвращаться на Надежду, — сказал Коро в заключение.

— Легче сказать, чем сделать, — заметила Лотос. — У нас же нет космического корабля.

— Не падай духом, — ответил Коро, улыбаясь одними уголками рта. — Мы могли бы заиметь корабль. Шансы невелики, но чем черт не шутит.

Глава 9

Слаги, выращиваемые на корм, большие, как дома, лежали вдоль теплых стен комнаты роста, и их пульсирующие розовые тела блестели в насыщенном влагой воздухе. Белые пятна испещряли набухшие части тел этих гигантов — это были места, где росла новая плоть — мягкая, еще неразвившаяся,

а потому пока несъедобная. Слаги меньших размеров в белых стерильных юбочках ухаживали за ними, передвигались между громоздкими телами, пробуя своими ложножеками, насколько туго приложены выходящие из стены питательные трубки к телам пищевых слагов. Время от времени они доставали из кармашков какие-то мелкие приборчики и погружали их в тела огромных слагов, глядя на показания датчиков, а опухолеподобные тела бессмысленно дергались, клетка за клеткой наращивая свой объем. Пищевая палуба протянулась вдаль, заполненная до отказа огромными тушами, которые ни о чем не думали, ничего не чувствовали, не двигались. Они просто были.

В главный проход между стойками вползла команда мясников. За ними следовал магнитный поезд из сорока тележек. Мясники останавливались у каждого кормового слага, который перерос отметку на полу, по этой отметке и судили, годится ли данный слаг в пищу. Мясники, аккуратно работая лазером, отрезали большие ломти от тел титанов, грузили сырье куски на тележки и двигались вперед, подрезая, подрубая, заготавливая мясо для большого экипажа «Расы».

Вонь от разбрзганных телесных соков немедленно поглощалась огромными вытяжны-

ми отверстиями в потолке, ее заменял густой сладкий аромат.

Существо в Сердце корабля обозревало идущую работу, наблюдало, как кожа на телах кормовых слагов затягивает раны, оставленные мясниками, как на телах других слагов кожа выпирает и растягивается, чтобы охватить возрастающее количество мяса и жира под ней. Существо все одобрило. Это было чудесно. Это было божественно. А когда огромные ломти мяса будут разрублены и зажарены и сало, капая в огонь, наполнит воздух аппетитными запахами, тогда и весь экипаж оценит божественность всего происходящего и возблагодарит Главное Существо. А о докучливых созданиях в летающем шаре Существо вспомнило лишь невзначай. Их уже не было, да и вряд ли они заслуживали организованной охоты. А потом еще день — и корабль, поднявшись, ляжет на курс по направлению к миру, называемому Надеждой. В центр Империи этих созданий. Начав с Надежды, уничтожение этого боеготовившего рода будет делом быстрым и легким...

Пищевые слаги, большие, как дома, лежали вдоль теплых стен комнаты роста, и их пульсирующие розовые тела поблескивали во влажном воздухе.

Глава 10

— Как я и думал, — сказал Коро, — эти корабли они не посмели уничтожить.

За оградой лежало просторное бетонное поле — космический порт Чаплин-Альфа. На нем по-прежнему стояли, напоминая фаллические символы, космические корабли — молчаливые драконы, чествующие великую расу, создавшую город Чаплин-Альфа.

Но город лежит в руинах, напомнил себе Сэм. Город за зелеными холмами. Круглые зеленые холмы скрыли весь ужас разрушений, принесенных Богом из другого измерения и его слагами.

Чужаки не тронули космические корабли. На некоторых кораблях сидели слаги — они ползали по корпусам, как блохи по бродячей собаке. Каждая команда состояла из четырех улиткообразных — они, кажется, перекрашивали корпуса в черный цвет, в цвет «Расы». Эти суда были недостаточно велики, чтобы стать кораблями-почками, но они могли хорошо послужить слагам в качестве разведчиков и боевых кораблей в войне против расы, построившей их.

Коро посадил летун за оградой, там, где была тень и трава, отключил питание и отстегнул ремень.

- Нам надо захватить один из них.
- Как? — спросила Лотос.
- У нас есть гипнодротики. Если повезет, мы отобьем себе корабль.
- А если не повезет? — спросил Дикий.
- Не думай об этом, — ответил Коро, одарив друзей одной из своих незаметных улыбок.

Через несколько минут они стояли перед оградой. Каждый держал в руках ружье с сноторвными зарядами. Темнота послужит им укрытием только на пять-шесть футов от ограды. А потом, выйдя на бетонную дорожку, они попадут в круг света прожекторов — маленькие четкие мишени на ровной серой поверхности, где никак не спрятаться.

— И вот мы перед неприятным выбором, — сказал Коро, пригибаясь и глядя сквозь ограду.

— Каким? — спросил Сэм, тоже пригибаясь.

— Будем ли мы брать ближайший корабль, на котором сидят четыре слага, или второй, на котором никого нет, но который в три раза дальше от нас?

— Мне не нравятся слаги, — проворчал Дикий, встряхнув своей большой головой; его грива метнулась из стороны в сторону.

— Я тебя понимаю, — сказал Сэм. — Но мы рискуем в три раза больше, если будем брать второй, более дальний корабль. Я голосую за ближайшее судно и сноторвные заряды.

— Согласен, — сказал Коро и спросил: — Согласны?

Все тут же согласились. При помощи той же ручной лазерной горелки, которой Коро проделал дыру в боку корабля слагов, они начали разрезать звенья цепей, образовывавших ограду. Несколько минут спустя они были уже по другую сторону, съежившись в тени, которая оказалась меньше и светлее. Впереди лежала взлетная полоса, светлая и неуютная. Если бы было хоть маленькое укрытие на полпути между этим местом и кораблем — просто чтобы перевести дыхание! Но ничего такого там не было.

— Бежим все вместе по команде, — сказал Коро. — Бегите изо всех сил к подножию корабля и прижимайтесь к нему, как к маме родной, потому что там есть хоть немного тени. Оттуда мы сможем снять этих маляров, занявших подъемник, и подняться к входному шлюзу. Готовы? Пошли!

Когда Сэм бежал по бетону, сердце немилосердно бухало у него в груди, и ему казалось, что ноги вязнут в воде, а ночной воз-

дух царапает щеки. Ему хотелось бежать так же быстро, как бежала Лотос, — казалось, она перепархивает с места на место. Сам себе он показался таким маленьким и уязвимым — голым на бесконечной равнине, залившей кошмарным светом. Но позволить себе задуматься об этом или о том, как лазерный луч чужаков, поймав его, превратит тело в обугливающуюся извивающуюся массу простого мяса, выжимая кровь из носа, ушей и лопнувших глазных сосудов, он не мог. Об этом лучше не думать. Бежать. Бежать, пока не лопнет грудь и ноги не сотрутся до кровоточащих обрубков. Бежать, бежать...

Сэм, ожидавший самого худшего, ощутил немыслимый восторг, даже экстаз, когда все добрались до подножия корабля невредимыми и, похоже, незамеченными. Они стояли плечом к плечу, прижимаясь спинами к холодному металлу корпуса; пот на спинах, казалось, сразу превращался в лед. В четырех парах легких хрипел воздух. Четыре сердца бешено колотились.

— Теперь осторожно, — произнес Коро, с трудом переводя дух.

Тихо, крадучись, они двинулись вдоль основания корабля, подбираясь к подъемнику. Ажурная стальная конструкция вздымалась на восемьдесят футов. На самом верху

слаги с распылителями в руках наносили черную краску на блестящий металл.

— Чуть назад — и стреляем, — сказал Коро.

Четыре ружья одновременно выплюнули дротики, и слаги пали под градом игл, уронив распылители на платформу подъемника. Но даже громкие металлические удары упавших распылителей не привлекли нежелательного внимания.

— Наверх, — коротко бросил Коро, взбегая по пандусу подъемника и карабкаясь по металлической решетке.

Наверху, переступив через тела слагов, они добрались до панели управления. Коро после нескольких попыток нашел-таки нужную команду, и подъемник понес их к входу в шлюз главной рубки корабля. Машина тихонько гудела; это гудение напомнило Сэмю Песню Расы. Они были уже почти у шлюза, когда голубые лучи, полоснувшие по корпусу, дали знать, что их обнаружили.

— Прикройте меня! — закричал Коро, ухватившись за панель управления.

Вдруг оказалось, что машина двигается невыносимо медленно! Спасительный шлюз казался недостижимым. Трое из них повернулись и встали на колени. Здесь, в вышине, им негде было укрыться, нечем заслониться от

лучей, летящих из ружей стражников, которые спешили к их кораблю.

— Мы не можем ехать быстрее? — вскрикнула Лотос.

— Машина и так несется на полной скорости! — прокричал Коро в ответ. — Подъемники не предназначены для гонок!

В нескольких дюймах над его головой голубой луч ударил в обшивку корабля.

— Проклятье! — выпалила Лотос, злясь на подъемник, на себя, на весь свет за то, что они не могут прибавить скорость.

Сэм выстрелил несколько раз и убедился, что слаги еще слишком далеко для их выстрелов. Дротики упали на бетон всего в тридцати ярдах от подъемника. Опустив ружье, Сэм смотрел на приближающихся стражников. Целая дюжина слагов в черно-желтыхiformах. У Сэма в голове пронеслось сравнение с червяками, вырядившимися в костюмы ради какого-то дурацкого маскарада. Их передние сегменты вцеплялись в бетон и подтягивали все туловище. Ложножожки держали гладкие мощные ружья, которые плевались голубыми лучами.

— Еще минутку! — крикнул Коро.

Рядом с Сэном ударил голубой луч. Сэм распластался на платформе, обняв ее, словно желая, чтобы жар его страха помог ему

расплавиться. «Они пытаются меня убить, — подумал он. — Они пытаются попасть мне в голову». Он стиснул приклад своего ружья, его тошнило. Остальные тоже легли на платформу и открыли огонь. Стражники были уже достаточно близко и упали почти все как один, когда их встретила первая очередь выстрелов. Семеро рухнули на бетон дорожки после первого залпа. Остальные пятеро повернули, пытаясь найти укрытие, и тоже повалились ничком, когда люди выпустили по ним второй залп.

Взвыла сирена. Из-за стоявших на взлетной полосе кораблей появились другие слаги. Они беспорядочно ползали туда-сюда, жужжали, не понимая, что происходит, а когда понимали наконец, в чем дело, вооружались и с холодной решимостью устремлялись к космическому кораблю, захваченному двуногими противниками.

Бум! Подъемник резко остановился.

— Помогите мне открыть шлюз! — крикнул Коро.

Сэм вскочил и побежал к круглому люку.

Они вдвоем, ухватившись за огромную запорную ручку, повернули ее в направлении, указанном несколькими красными стрелками. Когда она дошла до упора и щелкнула, они взялись за второе колесо и повернули его

против часовой стрелки. Шум на поле под ними стал громче и ближе. Несколько лучевых зарядов ударили в обшивку корабля, оставив щербины в толстом слое металла.

— Еще немного, — простонал Коро, тяжело дыша.

Сэм начал что-то хрипеть в ответ, но был сбит с ног и, ударившись о корпус корабля, упал на платформу. А один из лучей задел его по руке, оставив на бицепсе рану длиной четыре дюйма и глубиной чуть ли не в дюйм. Боль прокатилась по нервам, как вспышка сверхновой звезды.

— Все в порядке, — сказал он Коро сквозь зубы. — Давай быстрее.

Коро снова повернулся к затвору шлюза и навалился на колесо, заставляя его повернуться еще на несколько последних решающих дюймов.

Когда дверь со звуком, напоминающим вздох облегчения, открылась, Лотос и Дикий уже расстреляли все дротики в своих ружьях. Одни слаги карабкались по пандусу, а другие, стоя на взлетной полосе вокруг корабля, поливали подъемник смертоносными лучами, которые изъязвляли металл и прожигали одежду и кожу.

— Вперед! — завопил Дикий, хватая ружье Коро, полное зарядов. — Я еще подержу их

несколько секунд, а потом запрыгну вслед за вами.

Коро втащил Лотос — она никак не хотела бросать Дикого — в шлюз и снова выскочил наружу, чтобы помочь войти Сэму. Лучи, как дождь, застучали по краям входа.

Дикий отстреливался. Коро обернулся, открыл рот, чтобы окликнуть Дикого, и в этот миг луч ударил Дикого в грудь, вспорол грудную клетку, как материю, и его внутренности разлетелись по всей площадке. Еще секунду его мальчишеское лицо выражало удивление. Потом глаза Дикого Коня закрылись, он покачнулся и, перевалившись через ограждение площадки, упал с подъемника вниз.

Глава 11

Как игла в банке с сиропом, космический корабль беззвучно двигался в густой субстанции гиперпространства, держа курс на Надежду. Лотос лежала, свернувшись, на кушетке, ее крылья беспомощно свисали вниз, по щекам текли слезы. Им обоим пришлось крепко держать ее и ввести сильную дозу успокаивающего, прежде чем она уснула. Она хотела выпрыгнуть на платформу и внести Дикого в корабль, даже несмотря на то, что

он был мертв. Мертв. Она не могла применить это слово к Дикому — далекое, нереальное слово. Наконец она уснула.

Сэм вытянулся на кровати, пытаясь задремать хоть ненадолго перед тем, как они прибудут на Надежду, к новым проблемам. Короткий сон, может быть, перед вечным сном...

Чернота...

Взрыв! Сияние! Прямоугольник света сверхновой!

Дверь распахнулась, появилась одетая в тени фигура, выделяющаяся черным силуэтом на ярком фоне. В глазах человека светится бешенство. Он медленно продвигается в темноте.

Кто ты?

От человека-тени не было ответа.

Кто ты?

Человек издал зловещее горловое рычание — так рычат дикие звери. Он был огромный, как бык, косая сажень в плечах, кулачищи — словно обтесанные ледником валуны.

Сэм стал лихорадочно нащупывать выключатель; его сердце колотилось, как у воробья. Комната осветилась мигающим светом стробоскопа: свет... тьма... свет... тьма. Приближающийся великан в этом неверном свете казался плоской картонной игрушкой.

Свет, тьма, свет, тьма...

Вместо лица — сплошные щеки.

Лицо... лицо...

Кто ты?

Лицо Буронто! Черного Джека Буронто!
Хитрый взгляд изменил черты слишком хорошо
знакомого лица. Руки тянутся вперед, чтобы
схватить, разорвать, удушить.

Не трогай меня! Ну, пожалуйста, не тро-
гай!

Свет, тьма, свет, тьма — стробоскоп бро-
сал то черноту, то желтый свет на рычащего
колосса. Руки, тянувшиеся к его горлу, дрог-
нули и...

...и Буронто уже не Буронто. Буронто стал
слагом — мягким, с множеством ложноножек.
В одной из них он держит лазерное ружье. Из-
виваясь и шипя, он двинулся по направлению к
кровати и...

...и вот слаг снова превратился в Буронто,
гнусно ухмылявшегося...

...и вот это снова слаг, извивающийся...

Буронто — слаг — Буронто — слаг — свет —
тьма — свет — тьма...

Он проснулся. В горле застрял вопль, ко-
торый бился, пытаясь пробиться сквозь сжа-
тые мускулы гортани, чтобы вырваться на-
ружу полноправным криком. Но он знал!
Теперь он знал, как можно бороться с Су-

ществом в Сердце корабля, даже не обладая никакой агрессивностью. У него был готовый ответ!

— Сэм! — Коро тряс его за плечо.

Сэму пришлось изрядно поднапрячься, чтобы сесть, поборов головокружение.

— Энди, я понял! Я знаю, как можно остановить Существо в Сердце корабля! Я знаю, что нам делать!

— Надеюсь, — сказал Коро. — Потому что я только что обнаружил их на наших экранах. Они доберутся до Надежды через два часа после нас.

Глава 12

В «Преисподней» все было без изменений. Человек, попавший туда впервые, ощущал себя так, словно он попал в бетономешалку — его рассудок размывали, выворачивали, скребли, расщепляли, полировали для того, чтобы он смог впитать новые ощущения. Сэм позволил этому необычному заведению подхватить их и нести, словно плавучий мусор, по волнам вечности. Они продвигались вдоль стены к свободному столику. Какой-то клоун в переливающемся всеми цветами костюме — Сэму он казался пурпурным, Коро —

зеленым, Лотос — синим — вскочил с пола, бешено замахал большими пластиковыми ушами и исчез из виду, когда мимо пролетело серебристо-черное облако, в котором два обнаженных акробата представляли сложные комбинации стоек на руках, на плечах, на головах.

— Здесь, — сказал Сэм, повышая голос, чтобы перекричать музыку, и наморщил нос, проходя через облако запаха чьих-то духов.

Он вытянул стул для Лотос. Широко раскрыв глаза, девушка рассматривала диковинки этого бара. Неимоверным усилием воли она, по крайней мере внешне, сумела привести себя в свое обычное приподнятое настроение после смерти Дикого и сейчас более или менее была похожа на прежнюю Лотос. Если вообще существует возможность возврата к истокам из пепла боли и перемен. Сэм и Коро сели рядом с ней.

— Что... — начал Коро.

— Сначала выпьем, — сказал Сэм, поднимая руку.

— У нас всего два часа, — напомнил Коро, — даже меньше.

— Выпив, мы немного снимем нервное напряжение, иначе, я думаю, ты согласишься, наши нервы лопнут, как перетянутые струны.

Он спросил, что им заказать, и набрал необходимую комбинацию цифр для робота-

официанта, не забыв проверить сдачу. Еще он нажал кнопку, вызывавшую официанта-человека. Через несколько секунд к их столику подошел тощий человек с орлиным взором и длинным носом, указывающим на еще более длинный подбородок.

— Мне бы хотелось, чтобы вы кое-кого для меня разыскали, — сказал ему Сэм.

— Да, сэр?

— Буронто.

— Кто...

— Черный Джек Буронто. Он здесь?

— Да, — неохотно ответил официант, с подозрением посмотрев на Сэма.

— Мне надо его повидать. Передайте ему, пожалуйста. — Он положил на стол банкнот и подвинул его в сторону официанта.

— Послушайте, мистер, Буронто — не достопримечательность для приманки туристов. Он...

— Я все о нем знаю. Я победил его в драке.

Официант отшатнулся, собрался что-то сказать, но передумал и, схватив банкнот, исчез в толпе.

— О чём это вы? — спросил Коро. — Кто этот Буронто?

Сэм рассказал, что собой представляет человек, которого они ищут. На Надежде не было ни полиции, ни армии, ни военного

флота, ни военно-воздушных сил. Не было вообще никаких вооруженных формирований, так же как не было возможностей их сбить. Но зато был мазохист-убийца Буронто. Разве это не их единственный шанс?

— И ты победил его в драке? — спросила Лотос. Ее взгляд впился в него, как электронный нож, проникая до самого костного мозга, добираясь до каждой нервной клеточки.

— Я был тогда... как бы под гипнозом. Не в себе.

— А вот и убийца, — сказал Коро, вздрогнув.

Буронто прокладывал себе дорогу через толпу в зале, не беспокоясь о том, падают ли люди со стульев, когда он проходит мимо, или нет.

Именно таким он привиделся Сэму во сне: дикий горящий взор, огромная челюсть выдвинута вперед, кулаки сжимаются и разжимаются, готовые кого-то схватить.

— У него голос... — Сэм внезапно сообразил, что его спутники ничего не знают о Буронто, и уж совсем ему не хотелось, чтобы снова повторилась сцена, свидетелем которой ему довелось стать во время своего последнего посещения «Преисподней». — Голос у него немножко... девчоночий. Не смейтесь. Он скорее убьет вас, чем позволит над собой смеяться.

— Из-за насмешек... — заговорил Коро.
 — Именно. Это я и хочу сказать. Он вполне может убить. Чем скорее вы это поймете, тем лучше.

— Это ты хотел меня видеть? — спросил Буронто, подходя к их столу, и, сжав кулаки, упер руки в бока. — Что тебе... — Он осекся, глаза его округлились, ноздри задрожали. — Я тебя знаю! — От бешенства у него перехватило дыхание. — Ты тот самый ублюдок, который...

— Сядь. Это забыто. У меня есть для тебя предложение.

— Ты засранец, который...
 — Сядь и замолчи, иначе я прикончу тебя прямо на месте! — прошипел Сэм.

Великан, кажется, встревожился. Конечно, он прекрасно помнил ту их первую и последнюю встречу, но до сих пор не знал, что Сэм был тогда под гипнозом. Буронто считал Сэма таким же убийцей, как и он сам, с той лишь разницей, что Сэм был сильнее и дрался лучше, чем он. Поэтому он сел.

— Так-то лучше, — сказал Сэм. — Я хочу попросить тебя кое-что для меня сделать.

Буронто засмеялся — он все еще играл роль человека, слишком большого, чтобы его можно было купить, слишком сильного, чтобы стремиться к сделкам, слишком страшно-

го, чтобы его можно было безнаказанно задевать.

— Заткнись, — ровным голосом произнес Сэм.

Ему надо было произвести на Буронто необходимое впечатление. А именно: Буронто должен считать Сэма боссом, а себя — его правой рукой. Ни на одну секунду у великаны не должно появиться подозрение, будто он сильнее, чем Сэм. Это может оказаться очень опасно. Смертельно опасно.

— Ну? — спросил Буронто, скорее обиженный, чем злой.

— Не хочу давить на тебя, Джек, — сказал Сэм, кладя руку на огромное плечо ненатурала-извращенца. Он чувствовал, как под рубашкой, словно стальные тросы, натягиваются мускулы великана. — Не заставляй меня сердиться. Не надо, Джек. Я уверен, что тебе понравится то, что я хочу предложить.

— Мне не нужны деньги, — сказал Буронто, оглядываясь; его взгляд упал на Лотос, он осмотрел ее с ног до головы, внимательно изучив ее маленькую грудь, покатые плечи, грациозный изгиб ее шеи, пухлые губы и бездонные глаза. Она встретилась с ним взглядом, и Буронто поспешил отвел глаза в сторону.

— Я не предлагаю тебе денег, — сказал Сэм, нагибаясь, чтобы придать разговору ощуще-

ние тайного сговора. — Я предлагаю то, что доставит тебе удовольствие. — Он заговорил еще тише. — Единственную вещь, которую теперь не купишь за деньги.

Буронто взглянул на него. Их взгляды сомкнулись, словно магниты разных полюсов. Сэм ощутил бушующую ненависть, кипящую и пенящуюся — только любопытство и сила воли сдерживали ее.

— Сейчас я бы получил самое большое удовольствие, — проворчал Буронто сквозь зубы, — если бы выпустил тебе кишки и выдрал сердце.

Лотос ахнула, а Коро закашлялся. Буронто глянул на них и ухмыльнулся, видя их слабость, показав слишком крупные, словно ненастоящие, зубы.

Сэм рассмеялся. Ему было нелегко это сделать, и он опасался, что его смех покажется несколько нарочитым. Но все равно он смеялся. Он слегка толкнул Буронто в грудь, вложив в этот жест все силы, которые у него были, стараясь при этом, чтобы все выглядело естественно. От этого дружеского толчка гигант покачнулся, и во взгляде, брошенном им на Сэма, читались ненависть и страх. Хорошо. «Пока он меня боится, — подумал Сэм, — пока он не узнал цену моих сил и возможностей, им можно так или

иначе управлять. Знал бы он, как я ушиб руку!»

— Мне известно, что ты хотел бы убить меня, Джек. Я вполне уверен... — Его внезапно замутило. В горле першило от подступившей желчи. Взяв себя в руки, он избавился от тошноты, но горечь во рту осталась. — Но можешь не пытаться, если не хочешь разбить здесь головой все столы и подохнуть ни за грош.

Лотос единым духом проглотила свой коктейль и захлопала ресницами, чтобы сдержать слезы, выступившие на глазах, когда крепкий напиток опалил ей горло.

— Ты почти угадал, Джек. Я могу дать тебе возможность убить. Не меня, конечно. Других. Других, которые...

Буронто сощурил глаза и зажал один кулак другим, словно пытаясь расколоть орех:

- Ты сумасшедший!
- Вряд ли.
- Это невозможно.
- Возможно.

Буронто оглядел всех троих, словно хотел увидеть признаки того, что троица ублюдков решила позабавиться, разыграв бедного ненатурала. Ему не очень понравилось, когда он понял, что все не так просто. От возбуждения его голос зазвучал еще на октаву выше:

— Медики накачают меня успокоительными и будут держать на таблетках до конца жизни!

— Нет.

На минуту наступило молчание.

— Хорошо, — сказал наконец Буронто. — Я у вас на крючке. Так каковы условия вашей чертовой сделки?

Сэм пояснил. Несколько раз ему пришлось угрожать Буронто, чтобы тот сидел спокойно и дослушал до конца. Гигант сначала отказывался поверить в этот бред. Экстрагалактика. Улиткообразные существа. «Раса». Для его ограниченного ума этого было слишком много. Но, задав кучу вопросов и выяснив кучу не имеющих значения подробностей, он, казалось, был готов принять условия игры, хотя все же проявлял некоторое недоверие.

— Хорошо, — сказал Сэм. — Ты все увидишь сам через... — Он глянул на часы. — Меньше чем через десять минут.

— Так скоро? — спросил Коро, вытаращив глаза.

— Ты сказал, два часа, — ответил Сэм. — Поэтому у нас остается восемь минут.

— В чистилище придется ждать дольше, — пошутила Лотос. Но никому не было смешно.

Затем внезапно раздался ужасный грохот, металлический скрежет, и улица за окном

ожила в алых языках пламени. Стены, простоявшие много веков, трескались и рушились, как игрушечные.

— Рановато, — только и смог сказать Сэм.

Буронто вскочил на ноги и поспешил к двери. Сэм, Коро и Лотос последовали за ним. В зале, где все только что беззаботно веселились, поднялась паника. Люди толкались, давились, пихались, ради того чтобы первыми выскочить из помещения и убежать прочь от того, что происходило на улице. Буронто отступил в сторону и позволил всем уйти, понимая то, чего не желало понимать большинство посетителей: в «Преисподней» было гораздо безопаснее, чем на улице, где огонь пожирал асфальт, а вокруг рушились стены. Через несколько секунд в баре никого не осталось.

Они стояли в дверях, наблюдая, как между городскими шпилями на улице пикируют черные летающие платформы с магнитным приводом, похожие на сани. На каждой платформе сидело по четыре слага. Один управлял летательным аппаратом, один стрелял из тяжелой лазерной пушки, а двое оставшихся — из лазерных ружей.

Они неслись вдоль над улицей, сжигая бегущих людей.

— Видишь? — спросил Сэм.

Буронто так и застыл с разинутым ртом.

— Но они же... они убивают!

— И ты можешь убить их Главное Существо, не нарушая закона. Ну как? Что скажешь?

Буронто обернулся к Сэму; жажда крови, горевшая в его взгляде, сломила ненависть и страх.

— А ты почему не хочешь? Ты ведь и сам можешь убивать...

Сэм предвидел этот вопрос с того момента, как начал разговор. Сначала он вообще решил не думать о том, что гигант может его об этом спросить. Он перебрал десяток ответов, рассмотрев каждый с точки зрения эффекта, который можно будет произвести, и от девяти отказался. Бессмысленно пытаться обмануть гиганта. Если Буронто хоть на мгновение заподозрит, что его используют, если поймет, что Сэм никакой не убийца, он набросится на них, и их смерть окажется даже более быстрой и кровавой, чем если бы они попались слагам.

— Это потому, — ответил Сэм, изображая, как он надеялся, зловещую улыбку, полную превосходства, — что дело опасное. Может быть, тебе придется с боем пробиваться к Сердцу корабля. Вдруг Главное Существо окажется в десять раз сильнее, чем мы думаем? Твои шансы в драке с Ним я оцениваю при-

мерно как пятьдесят на пятьдесят. Мне же нравится убивать наверняка. А быть убитым мне не доставит удовольствия.

«А ты, — подумал Сэм, — хочешь именно это. Глупец, ты заглотил эту вонючую наживку и готов теперь отправиться за ней хоть в ад».

Синий взрыв вырвал четыре этажа из здания по соседству с баром. Верхняя часть, покачнувшись, осела. На улицу посыпались камни; огромные обломки летели в толпу, которая пыталась убежать от слагов. Цементные блоки отрывали головы, раздавливали конечности, уродовали тела до неузнаваемости. Сэм увидел, как какой-то человек был разрублена пополам куском металлической балки. Кровь фонтаном брызнула на тротуар, когда мужчина развалился на части — одна его половина направо, другая налево, внутренности посередине. Люди, охваченные паникой, вели себя как животные. Они бездумно бросились сначала в одну сторону, потом в другую. Слаги надвигались с обоих концов улицы, люди попали под перекрестный огонь, означавший неминуемую гибель.

С ужасающей скоростью росли горы тел — изувеченных до неузнаваемости или сожженных до костей, если жертвы попали под прямой огонь.

— Хорошо, — сказал Буронто. — Я берусь. Вовсе не патриотизм привел его к такому решению. Бойня на улице, кажется, потрясла его. Было похоже, что каждая вспышка огня на улице прибавляла блеска его глазам, пока они не загорелись, как глаза кошки в темноте. Или это Сэму только показалось? Гигант прямо-таки излучал жестокость.

— Хорошо, — улыбнулся Сэм, пытаясь держать желудок под контролем. — Так, есть ли здесь другой выход? Передняя дверь сейчас нам явно не годится.

— Да, — сказал Буронто. — Подождите минуту. — И он выскочил на улицу, охваченную смятением.

— Вернись! — закричал ему Сэм.

— Тебя убьют! — заорал Коро еще громче.

Но рев битвы, которую вела одна сторона, заглушил их крики.

В сотне футов от них приземлился летательный аппарат слагов. Слаги вылезли из него, держа в ложноножках лазерные ружья — они собирались обыскать здания, чтобы истребить тех, у кого хватило ума спрятаться.

Буронто добрался до летающей платформы, когда слаги еще не успели опустить хвосты на землю. Он обрушил на головной сегмент подвернувшегося под руку слага свой кулак-бульжник, пока противник тщетно пытался вос-

пользоваться ружьем. Кулак пробил хрящевую оболочку, вмяв ее в мозг. Оранжевая кровь потекла по пальцам Буронто. Он тут же подхватил оседающего слага, прикрывшись им как щитом, и выкрутил из ослабшей ложноНожки ружье. Выстрел другого слага, предназначенный Буронто, попал в мертвое тело, выжег в нем большую дыру. К этому времени гигант уже овладел лазерным ружьем.

Он открыл веерный огонь по слагам. Оранжевая кровь брызнула во все стороны, покрывая землю липкой пленкой. Плоть чужаков, вспыхнув, как бензин, продолжала гореть ровным желтым пламенем. Слаги падали или начинали корчиться на месте, а пламя пожирало их тела.

Над крышами пролетела еще одна платформа; ее лазерная пушка выпустила луч в сторону Буронто, едва не задев его. Он упал за пустой вертолет, поднял ружье, прицелился в стрелка и первым же выстрелом убил его. Густая кровь потекла вниз, заляпав окно «Преисподней».

— У него не получится! — крикнул Коро, стараясь перекричать шум.

— Ужасно, это все ужасно, — сказала Лотос, прижимаясь к своему возлюбленному.

— Все у него получится, — отрезал Сэм. «Он должен, — подумал он. — Он наша един-

ственная надежда. И надежда Надежды; как же низко мы пали, как отчаянно наше положение, если спасти нас может только сумашедший, мазохист, злобный убийца?» Сэм мрачно следил за наступлением слагов. Его желудок сжимался. Разрушения были невообразимо велики, смерть — непоправимо ужасна; его разум отказывался воспринимать происходящее. Все было похоже на дурной сон, на гротеск. Только так его рассудок мог примириться с тем, что происходило вокруг.

Пламя охватило женщину, превратив ее волосы в пылающий факел...

Упал ребенок, которого тут же затоптали ноги слепой и глухой толпы...

Буронто держал ружье включенным, направив луч на управляющий модуль второй летающей платформы. Внезапно над летательным аппаратом взвилось черное облачко дыма, и вертолет потерял управление. Слаги, сидевшие в нем, попытались что-то сделать, но быстро поняли, что все действия безнадежны. Вертолет пошел вверх, а потом прекратил подъем и врезался в стену дома; во все стороны разлетелись горящие осколки. Раздались крики людей. Пламя в момент охватило все десять этажей, выжигая мольбы о помощи.

Забравшись на летающую платформу, Буронто некоторое время поковырялся, пыта-

ясь выяснить, как же ею управлять, поднял транспортное средство и повел его к «Преисподней».

— Назад! — закричал Сэм, увидев, что великан направил летающую площадку прямо в дверь.

Наступила томительная пауза — инопланетное транспортное средство набирало скорость; затишье сменилось ужасающим грохотом — вслед за вылетевшей дверной рамой потрескалась и обвалилась внутрь стена вокруг проема.

— Сюда! — орал Буронто. — Сюда! Быстрее!

Они забрались к нему на платформу и крепко уцепились за невысокое ограждение. Буронто протаранил пластиковое окно в задней части здания, нос воздушной повозки выдавил обломки наружу. Острые осколки взмыли вверх, а как только летательный аппарат покинул помещение бара, звенящим дождем осыпались вниз, на тротуар.

Одной рукой Буронто держал лазерное ружье, словно это был пистолет или игрушка из древних жестоких времен. Другой рукой уверенно управлял летающей платформой.

— Куда? — спросил он, полуобернувшись.

— Мы спрятали наш корабль, — сказал Сэм. — Посчитав, что они прежде всего за-

хватят космопорт, мы приземлились в Пяти-мильном парке. Там его не заметят.

В конце улицы появилась еще одна летающая платформа; на ней сидели четыре слага. Сначала, кажется, они не поняли, что им навстречу летят не слаги, а люди. Они резко спланировали вниз, быстро приближаясь. Буронто поднял ружье и навскидку выстрелил в пилота встречного судна. Пилот разлетелся на части, как тряпичная кукла. Один из оставшихся в живых слагов потянулся к панели управления, но летающая платформа вышла из-под контроля раньше, чем он успел что-то предпринять. Ее мотало от стены к стене, но она все еще продолжала лететь вперед. Когда она очередной раз вильнула, один из слагов выпал и уцепился за ограждение. Платформа еще раз ударилась о стену, раздавив его и размазав по стене; на камнях остались оранжевые пятна.

— Мы разобьемся! — закричала Лотос, закрыв ладошками лицо, однако она глядела вперед в щелочки между пальцами.

Буронто пустил площадку вверх. Они схватились за поручни, чтобы не выпасть при таком крутом подъеме. Потерявшие управление воздушные сани неслись им навстречу. Буронто задрал нос своего летательного аппарата еще выше, и двигатели протестующе

взвыли. Другая платформа тоже начала подъем. У них не было возможности резко спикировать.

Глава 13

Надежда потрясла Существо в Сердце корабля. Планета Надежда и город Надежда. Та, другая планета — как они ее называли? — Чаплин, да, она была интересна. Но здесь — архитектура, парки, порты... Все было такое... прекрасное. Существо не могло этого не признать. Но силы зла часто бывали прекрасны, ошеломляющи. Но только снаружи, в сути своей — никогда. Главное Существо заставило себя забыть о сияющей, переливающейся всеми цветами радуги поверхности планеты и сосредоточиться на другом. Например, на успехах команд разрушителей и убийц. Целью команд убийц было уничтожить людей в указанных зонах, оставив нетронутыми здания и артефакты для будущих археологических отрядов, которые занесут в каталоги культуру этой планеты.

С другой стороны, командам разрушителей было дано задание уничтожать все подряд. Убивать, сжигать, разрушать, истреблять. Все команды действовали успешно. В течение

месяца эта богопротивная раса должна прекратить свое существование. Надежда обезлюдеет через двенадцать часов. Потом черед других, меньших колоний... Там будет легче...

Глава 14

Сэм заставлял себя не закрывать глаза. Шум в ушах предсказывал скорую катастрофу. Нет, это шумит кровь. Его собственная. От страха. Вторая летающая платформа поднялась почти на одну высоту с ними. Расстояние все сокращалось.

Двадцать ярдов...

Десять...

Пять...

Раздался тошнотворный хруст, затем последовал сильный толчок, и вот они уже несутся мимо летательного аппарата к концу улицы, до которого оставалось всего несколько кварталов. За их спинами платформа со слагами на полном ходу врезалась в стену и рухнула на землю. Они оказались на четыре фута выше, когда им встретилась еще одна. Для слагов эта встреча оказалась роковой — их головы были снесены днищем встречной платформы. Людям чудесным образом удалось выскочить из этой передряги невредимыми.

Раздался ревущий смех Буронто. Смех звучал поразительно низко для его визгливого голоса. Это жажда крови сделала его таким.

— Приземляйся здесь! — прокричал Сэм немного погодя, его голоса почти не было слышно в свисте ветра и грохоте бойни, продолжавшейся в центре города.

Буронто резко остановил летающие сани, содрав пять футов дерна у ворот парка. Едва они, соскочив с платформы, вошли в парк, как из-за алюминиевой статуи непонятной формы появился слаг.

— Смотри! — крикнул Коро, первым заметивший какое-то движение.

Буронто размахнулся ружьем и опустил ствол на голову слага — раз и другой. Еще и еще. С каждым ударом кровь разбрзгивалась во все стороны.

— Хватит! — закричал Сэм.

Буронто рассмеялся; из уголков его рта текла слюна. Он потыкал узким стволом как пикой в грудь инопланетянина, расковыряв мягкую плоть, — по ружью и его рукам потекла оранжевая жижа.

— Я сказал — хватит! — крикнул Сэм еще громче; его лицо стало багровым от отвращения.

Буронто глянул на него, разозлившись, но тут же осознал, кто с ним разговаривает. Кое-

какой страх у него все же остался. А потом, именно этот человек дал ему возможность убивать.

— Тогда поторопимся, — ответил он пронзительным голосом.

Сэм осознал, что мысль о подчиненном положении становится в сознании великаны все более и более призрачной. Последние слова прозвучали скорее как приказ, чем согласие.

— Я скажу, кому торопиться и когда! — прорычал Сэм.

Буронто взглянул на него и отвел взгляд в сторону.

— Придет день...

— Не скоро! — отрезал Сэм. — А теперь — вперед!

Они быстро шли через парк. Зеленые деревья, шелестящие под порывами ветра, трава, изумрудная, как дорогой ковер, благоухающие цветы, переливающиеся всеми оттенками, не допускали и мысли о кошмаре, творившемся на улицах неподалеку отсюда, об убийствах, одно из которых Буронто только что совершил у них на глазах.

Корабль стоял там, где они его оставили, — почти невидимый. Его нижняя часть была погружена в большой пруд, а другая половина искусно скрывалась полосами испанского

мха, густые бороды которого свисали с ветвей деревьев.

Они нырнули в пруд, открыли шлюз и вошли в последний свободный корабль на Надежде.

— Теперь ты понял? — спросил Сэм, глядя на великана сверху вниз.

Огоньки на панели управления мигали, пульсировали, бросая на стены рубки бледные разноцветные сполохи.

Коро сидел, склонившись над обзорными устройствами, время от времени проводя рукой по пересохшим губам. Время пришло. Потчи. Будь оно благословенно. Страшное время. Рядом с Коро сидела Лотос, положив ладонь на его руку, то и дело указывая на разные табло.

— Понял, — проворчал Буронто.

— Никаких лишних убийств. Мы должны пробраться незаметно. Если у нас будет выбор: убить стражника или миновать его ползком, мы поползем.

— Мне это не нравится.

— Я так и думал.

— А тебе? — спросил Буронто, хитро посмеиваясь.

— Это необходимо, — устало сказал Сэм. Они уже десять минут обсуждали одно и то

же. — Если ты начнешь убивать всех подряд направо и налево, Существо в Сердце корабля поймает нас и уничтожит раньше, чем мы до него доберемся. Оно снесет тебе голову, как только узнает, что ты на корабле. Оно победит, Буронто. А ты умрешь, не успев ничего сообразить.

— Хорошо, хорошо. Я вас понял. Все будет лихо. Я хотел сказать — тихо. Никаких грубостей, пока мы не доберемся до главаря. Но уж тогда, мистер, я позабавлюсь с этими слагами.

— Ты это заработаешь.

— И ты, а?

— Да-а.

— Тебе будет хотеться больше, чем мне, могу спорить.

— Возможно, — ответил Сэм, скалясь с фальшивой искренностью.

Он подумал: как же ему справиться с Буронто после того, как его миссия будет выполнена — если будет. Тогда ему придется нелегко. Осатаневший от пролитой крови гигант с лазерным ружьем в руках. Как ему укротить Буронто? Если Сэм откажется убивать после того, как будет покончено с Главным Существом, Буронто поймет, что его использовали. Какова будет его реакция? Или, скорее, как быстро все произойдет? Каким обра-

зом? Об этом он подумает потом. Потом, когда будет прижат к стене.

— Кажется, они здесь надолго, Сэм, — сказал Коро, отворачиваясь от приборов. — Корабль «Раса» остался там же, где мы засекли его. Но бойня превосходит все мыслимое. Миллионы людей уже погибли. Зря мы решили дожидаться сумерек.

— Но уже стемнело, — сказал Сэм, вставая и потягиваясь. — А под прикрытием темноты у нас все же больше шансов.

Буронто пошел за оружием и лазерной гирлкой.

— Слушай, Сэм, — сказал Коро, придвигаясь ближе и переходя на шепот. — Он меня пугает. И...

— И меня тоже.

Коро помолчал.

— Да... Ясно. Он может ударить исподтишка, но другого у нас нет. Но ты действительно думаешь, что ему легко удастся убить Главное Существо?

— Нет.

— Нет?

— Наш Бог был слаб, с ним легко было справиться, потому что Щит Бредлоуфа веками истощал Его силу. Этот Бог полон сил.

— Тогда какого дьявола...

— Ему не нужно убивать Бога, — сказал Сэм, натягивая черный капюшон ночного маскировочного комбинезона.

— Что? Я не понимаю, о чём ты?

— О, он может и убить Бога. Но это не обязательно. Если мы отвезем его туда и Бог убьет его, я думаю...

Но Буронто уже вернулся с ружьями и лазерной горелкой.

— Идем, — обратился он к Сэму.

И они вдвоем тихо вышли из шлюза в не-проглядную темень ночи.

Глава 15

Корабль «Раса» опустился на территории огромного заповедника, протянувшегося на сорок семь миль позади здания Архивов Конгресса. Чтобы посадить такой огромный корабль, требовалось немало места. Стоя рядом с Буронто под молчаливыми дубами, Сэм подумал о том, сколько же дики и людей было задавлено при посадке.

— Они на этом прилетели? — спросил Буронто.

Сэм ухмыльнулся, продолжая через силу разыгрывать из себя кровожадного убийцу.

— Боишься?

— Нет! Но какая громадина!

Огромный корпус уходил ввысь, и трудно было сказать, где кончается корабль и начинается ночь. Стволы деревьев, придавленные при посадке, разлетелись, как сломанные зубочистки. Земля просела под невероятной тяжестью, и корабль покоился в яме.

— Вставь в уши, — сказал Сэм, протягивая великану микронаушники.

— Зачем?

— В корабле все время транслируется гипнотическая команда. Войдешь без наушников — и через минуту начнешь пускать пузыри, как беспомощный идиот.

— А как мы будем разговаривать?

— Там микрофон, передатчик и усилитель. Он касается костей черепа вокруг слухового отверстия, улавливает вибрации твоих голосовых связок и передает их мне. Мой делает то же самое. Прошепчи — и я услышу. Кроме этого мы ничего не будем слышать.

Великан не очень охотно последовал совету, вставив в уши крохотные аппаратики.

— Теперь давай сюда голову, — сказал Сэм, доставая маленькую баночку.

— Зачем? Что это?

— Это звукозащитный гель.

— Я сам.

— Хорошо. — Сэм опустил пальцы в густое желе, намазал уши и наушники снаружи и вручил банку Буронто. — Помни, — сказал Сэм, — когда войдем внутрь, без причины...

— Не убивать, — закончил Буронто. — Не беспокойся. Веди меня.

— Только к Сердцу корабля, — сказал Сэм. — Я отведу тебя, но не рассчитывай, что я буду драться с этим зверем.

— А я не боюсь! — воскликнул Буронто. Это прозвучало несколько по-ребячески.

— Идем.

Пригнувшись, перебегая с места на место, они покинули свое укрытие под деревьями. Без происшествий они добрались до корабля. Пятнадцать минут спустя лазерная горелка прорезала все слои обшивки... И в образовавшуюся дыру немедленно высунулся ствол лазерной винтовки, упершийся прямо в лоб Сэму.

Голубая вспышка. Сэм начал падать, прежде чем успел сообразить, что стреляли не в него. Это Буронто выстрелил в инопланетянина. Тот вывалился в дыру, зацепившись за неровно вырезанный край.

— Ничего, что я его убил? — ехидно спросил Буронто.

Сэм, закашлявшись, поднимался.

— Да. Хорошо. Отлично.

Буронто рассмеялся — отчасти потому, что насладился замешательством Сэма, отчасти — увидев смерть врага.

— Кажется, он был один, — сказал Сэм, заглядывая в тускло освещенный коридор. — Но все равно, давай быстрее. — Он влез в дыру и исчез внутри корабля.

Буронто вскарабкался за ним.

Время. Скоро придет время.

— Сюда, — прошипел Сэм. — Ружье на изготовку, но...

— Не убивать, если нет необходимости.

— Точно. Ты хорошо учишься. Медленно, но хорошо.

В коридоре Сэм приkleил к выступавшей балке крохотный передатчик и взглянул на маленький обзорный экран. На краю мигало голубое пятнышко. Координаты экрана были установлены таким образом, чтобы, когда их проекции на экране (зеленые пятнышки) окажутся в центре, они должны быть в центре судна, где-то поблизости от Сердца корабля. Они двинулись дальше.

Могущественные и безжалостные чужаки были лишены воображения. На корабле, по крайней мере в многочисленных коридорах, не было никаких украшений, никакой декоративной отделки. Серые стены, полы и потолки. С каждым следующим шагом им откры-

вался все тот же вид, что и на протяжении предыдущей сотни шагов. И предыдущей тысячи.

Была одна опасность — с наушниками они не слышали Песню Расы, но они не могли услышать и шагов приближающихся слагов. В конце коридора появились два чужака в плащах из переливающейся пурпурной материи, тащившихся за ними по полу.

— Назад! — прошептал Сэм.

Они отступили к стене, прижавшись к ее холодной серой поверхности. Слаги подошли, поглощенные разговором, они не видели людей. Они прошли мимо и резко обернулись. Слишком поздно. Буронто поднял ружье, но еще не выстрелил, словно не был уверен, стрелять или нет.

— Да! — крикнул Сэм. — Пока они не позвали на помощь.

Синяя-синяя-синяя вспышка. И все кончено. Слаги распластались на полу; языки желтого пламени лизали жирные тела.

— Надо поторапливаться, — сказал Сэм. — Они найдут эти тела, и тогда мы пропали.

Они пошли быстрее. Сэм подумал, что последняя встреча была просто неправдоподобной. Без звука — все происшествие показалось гротескной пародией на реальность. Смерть без звука. Убийство без криков. А время все ближе.

Наконец после сотен шагов и поворотов стена справа от них из серой стала ослепительно бронзовой. Дотронувшись до металла, они пошли вдоль стены. Через несколько минут они выяснили, что ходят по большому кругу.

— Мы пришли, — прохрипел Сэм; его рот внезапно пересох; страх натянул нервы.

— Куда?

— К Сердцу корабля. Оно как раз за этой сверкающей стеной, не более двух сотен футов в диаметре.

Буронто шагнул вперед, к двери, мимо которой они прошли дважды во время своих перемещений по коридору.

— Я собираюсь приступить к делу.

«Теперь ты сможешь убивать слагов ради своей забавы, — подумал Сэм. — Ты будешь купаться в море теплой густой оранжевой крови».

Буронто повернул ручку, чуть не вырвав ее. Дверь, зажужжав, поднялась и открыла вход в мерцающую синюю комнату, завешанную сетями паутины и всю наполненную каким-то туманом. В тумане, как айсберги, торчали какие-то конструкции. Сэм еще только заглядывал сюда из коридора, а Буронто уже шагнул в дверь, держа ружье наготове.

Глава 16

Буронто вошел в комнату. В десяти футах от двери вокруг него начал стущаться туман. Еще через пять футов его ноги и голова оказались полностью скрыты туманом.

Пол был мягким, как губка; в нем начали открываться поры. Он пружинил под ногами.

— Я здесь! — решительно крикнул великан.

Только приглушенное эхо ответило ему.

Затем пол задвигался и комната ожила.

Она зашевелилась, и Буронто упал. В бешенстве он начал стрелять, выжигая дыры в полу; они тут же снова затягивались. Он попытался встать, но никому не дано было топтать тело Бога. Он опять упал, и пол, казалось, схватил его. Он погрузился в него и задергался, пытаясь освободиться.

Сэм прислонился к стене, обхватив себя руками за плечи. Этот Бог был гораздо сильнее предыдущего. Он полон сил. Он способен лечить свои раны. Более могущественный, Он правил весьма ограниченной вселенной — этим кораблем-маткой да кораблями-почками. Сэм смотрел, как при едком прикосновении пола, который теперь напоминал язык, с тела Буронто сходила кожа. Все это происходило в молчании, в полной тишине. Пьеса для одного. И Бог побеждал...

Но Сэм надеялся, что, победив, Бог все равно проиграет.

Буронто снова с трудом встал на ноги, борясь с превосходящей его силой; его начала охватывать паника. Половина его лица превратилась в кровоточащую массу. Крича, он направил луч лазера в пол. И подступил дьявол к вратам Небесным, изрыгая пену и проклятия, извергая молнии своего черного могущества, чтобы сразиться с равной по силе тьмой божественного света...

Пол снова дернулся. Буронто упал. На этот раз он уже не поднялся. Пол вокруг него закипел, забурлил, а когда пена осела, на полу остались только куски окровавленных костей. Теперь не надо было беспокоиться о том, как управиться с Буронто. Теперь все, о чем надо было беспокоиться Сэму, — сработает ли задуманный им план или нет. Он должен сработать, если принять во внимание один факт. Бог должен быть, как и тот другой Бог, садомазохистом по натуре, должен любить боль, свою и чужую, — этакий всемогущий кулак в окружении улыбающихся губ. Сама природа Бога требовала, чтобы Он любил боль и любил ее доставлять. Если это было верно в настоящем случае, так же как это оказалось верно, когда Хуркос убил другого Бога, значит, проблема устранена. Бог должен сойти с ума.

Узнать это можно легко. Стоит только вытащить наушники...

Сэм выдернул наушники из ушей. Нахлынувший шум чуть не сбил его с ног. Но это не была уже Песня Расы. Песня Расы умерла. Осталось только безумное, бессвязное бормотание. Бог был сокрушен — если не физически, то духовно.

Вот основные пункты плана, который должен привести любого Бога к безумию: (1) Принять допущение, что Бог — изначально ненормальное существо (садист, мазохист, немногого параноик); (2) Доставить к Богу убийцу и предложить Богу убить человека; (3) Бог совершает убийство, но в поисках боли он наталкивается на радость, с которой его жертва встречает боль, и восторг в ожидании смерти. Потому что Бог убивает не нормальное создание, а мазохиста.

Сэм решил рискнуть, поставив на то, что радость Буронто при предвкушении смерти — даже собственной смерти — окажется слишком чуждой Главному Существу. Оно привыкло к тому, что у Расы есть высшая цель, и, скорее всего, считает, будто у каждой расы должна быть своя высшая цель. Встреча с личностью, подобной Буронто, личностью, получающей удовольствие от боли и готовой умереть без причины или повода, подорвет осно-

вы логического мышления Бога. Тогда Его видение мира — логичная картина, где всему есть объяснение, — разлетится на тысячи кусков. И освободившуюся пустоту будет нечем заполнить. Встреча с полным отсутствием цели оставляет только один шаг до безумия.

«Может быть, это часть нашего превосходства, — подумал Сэм, пытаясь успокоить сердцебиение. — Возможно, бесцельность существования человека, его никуда не направленное движение и позволяет нам оставаться сильными и здравомыслящими настолько, чтобы править миром. Люди, живущие сегодняшним днем, переживут все великие побуждения и планы переустройства мира».

Шатаясь от усталости, он побрел обратно, туда, откуда пришел, — к дыре в корпусе корабля.

Вокруг него метались слаги, озадаченные бормотанием.

Песни Расы больше не было слышно.

Некоторые слаги направлялись к нему, механически размахивая ружьями, но потом отворачивались или просто бросали оружие. Гипнотической команды убить не было. Бог не требовал убийства. А без Песни Расы, без командующего голоса они не знали, что делать. Теперь они не знали, зачем убивать. Они оказались в начале того долгого пути, кото-

рый уже прошло человечество. Постепенно и они расстанутся со своим безумием.

Он прошел мимо тел слагов, убитых Буронто.

В сотне ярдов от дыры он понял, что один из слагов идет за ним. Он обернулся и посмотрел на него.

Слаг замяукал. В его голосе не было угрозы.

Сэм отвернулся.

Слаг, мяукая, подошел ближе.

— Пошел прочь! — крикнул Сэм.

Но слаг все мяукал, пытаясь поверх языкового барьера передать свой вопрос — вопрос, который до сих пор таился и у Сэма в глубине сознания.

— Оставь меня!

Мяуканье, похожее на заунывный звук флейты...

— Будут и другие боги, — сказал он, внезапно почувствовав, как дурнота подступает к горлу. Он прислонился к серой стене, всем телом навалившись на металлическую поверхность. Он слглотнул и откашлялся. — Теперь и верхние ступени лестницы окажутся ниже. — Он обращался к сотне душ, живых и мертвых — к Гноссосу, Хуркосу, Буронто, Коро, Лотос, Дикому, ко всем людям, погибшим в кровавой бойне на улицах Надежды. — Будут и другие боги. Но лестница имеет форму пи-

рамиды: каждая последующая ступень меньше предыдущей, каждый Бог более провинциален, менее страшен. Рано или поздно мы одолеем их всех. Мы перебьем их как мух, этих устрашающих правителей Вселенной. Мы — не чья-то собственность, черт побери!

Слаг что-то миролюбиво прошелестел, до-тронувшись до него.

— Я не твой, — процедил Сэм, едва разжимая губы. Он повернулся и снова поковылял к своему выходу.

Слаг — за ним.

Уже у самой дыры Сэм обернулся; его лицо побагровело от беспричинного гнева.

Слаг мяукнул.

— Проклятье! — закричал Сэм. — Иди к черту, если он есть! Человек — Бог только для самого себя. Иначе и не может быть, если он хочет иметь высшую цель. — Губы его дрожали, из глаз текли слезы. — Я не твой Бог!

Он вывалился из дыры на траву. Слаг остался в корабле.

В городе сточные канавы были забиты кровью, она тихо стекала в канализацию. Звезды ярко сияли. Небо не заслоняла крыша. И темнота говорила с ветром.

Кунц Дин
K91 Человек страха: Роман / Пер. с англ.
П.В. Рубцова. — М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2003. — 253 с.

ISBN 5-227-01419-1

На затерянном в космосе корабле, начиненном разрушительной техникой, просыпается пораженный амнезисом человек по имени Сэм. Его преследуют странные галлюцинации и кошмарные сны, из которых он узнает, что является орудием мести для высшего существа. Обретя бессмертие с помощью науки и высоких технологий, люди утратили веру в жестокого глобального бога и заточили его в искаженном измерении. Тысячу лет пленник вынашивал план освобождения, и теперь он готов вернуться в мир, используя Сэма в качестве ангела смерти. Однако Сэм не хочет быть игрушкой в чужих руках и вступает в борьбу со своим демоническим хозяином.

УДК 820(73)-31
ББК 84(7Сое)

Литературно-художественное издание

Дин Кунц

ЧЕЛОВЕК СТРАХА

Роман

Ответственный редактор *Р.Ш. Ахунов*
Художественный редактор *И.А. Озеров*
Технический редактор *Л.И. Витушкина*
Ответственный корректор *В.А. Андриянова*

Изд. лиц. ЛР № 065372 от 22.08.97 г.
Подписано к печати с готовых диапозитивов 02.04.2003
Формат 70x90¹/32. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,36. Уч.-изд. л. 8,13
Доп. тираж 9 000 экз. Заказ № 1445

ЗАО «Издательство «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ДАЧА

Человек страха

На затерянном в космосе корабле, начиненном разрушительной техникой, просыпается пораженный амнезией человек по имени Сэм. Его преследуют странные галлюцинации и кошмарные сны, из которых он узнает, что является орудием мести для высшего существа. Обретя бессмертие с помощью науки и высоких технологий, люди утратили веру в жестокого глобального бога и заточили его в искаженном измерении. Тысячу лет пленник вынашивал план освобождения, и теперь он готов вернуться в мир, используя Сэма в качестве ангела смерти. Однако Сэм не хочет быть игрушкой в чужих руках и вступает в борьбу со своим демоническим хозяином.

ISBN 5-227-01419-1

9 785227 014191

ЦЕНТРОПОЛИГРАФ®